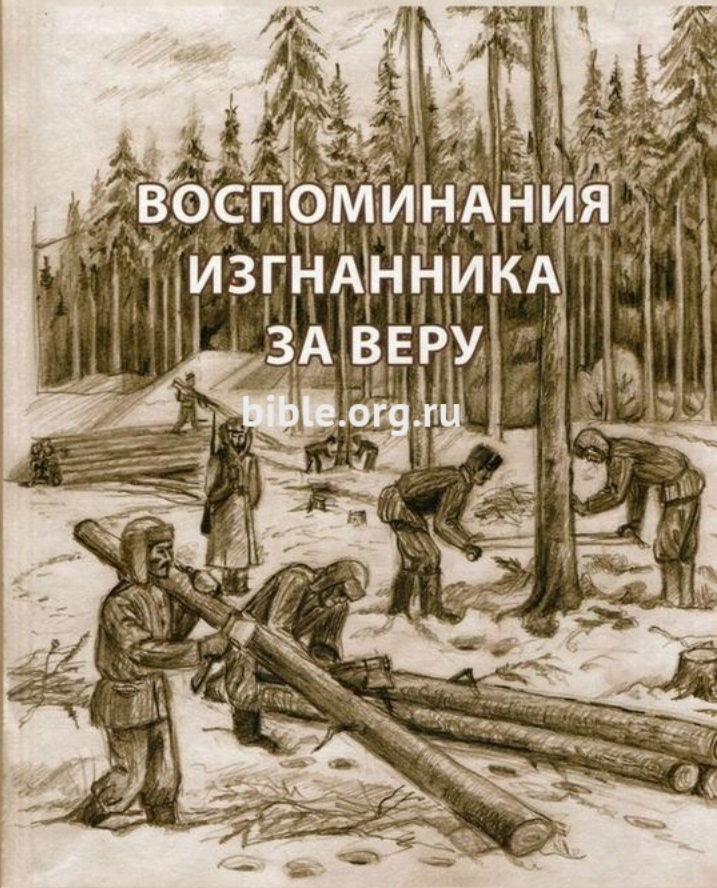
Сост. Иван Шнайдер

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗГНАННИКА ЗА ВЕРУ

bible.org.ru



Публикации Алексея Петровича Петрова

Samenkorn

Petrow_kor.indd 1 10.09.2015 15:04:21

© Все права сохранены за издательством «Samenkorn»

© Samenkorn e.V.
Christlicher Schriften- und Liederverlag
Liebigstr. 8, 33803 Steinhagen
Germany

Составитель: – Иван Шнайдер
Редактор: – Яков Пеннер
Корректор: – Наталья Ковалько
Layout: – Яков Пеннер
Карта: – Андрей Фаст
Рисунки: – Елена Шмидт

Тираж 2015: – 5.000 шт.

Компьютерная верстка: Samenkorn e.V.
Обложка: Samenkorn e.V.

Печать и переплет: CPI books, Germany

ISBN 978-3-86203-153-5

Petrow_kor.indd 2 10.09.2015 15:04:21

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗГНАННИКА ЗА ВЕРУ

Публикации Алексея Петровича Петрова

Petrow_kor.indd 3 10.09.2015 15:04:21

Petrow_kor.indd 4 10.09.2015 15:04:21

Содержание

Введение 9
Воспоминания изгнанника за веру 13
Обыск на квартире 30 ноября 1926 года 13
Два месяца в предварительном заключении. 28
Смерть часового на посту. 40
Допрос 40
В четвёртом отделении 42
Кормление голубей 50
Передача от жены 52
Предательство надзирателя 53
Свидание с женой 55
Нелегальное письмо 57
У следователя. 58
Не допустили до свидания. 65
На свободе. 66
Встреча в молитвенном доме 68
Поездка в Москву. 70
Неудавшийся темный план Макарова. 73
Съезд баптистов Северной области 77
Арест правления 81
Опять тюрьма. 85
Свидание 87
У следователя. 89
Арест секретаря общины 90
Шпион 91
Брат Леварт. 93
Заведующий кооперативом. 94

Petrow_kor.indd 5 10.09.2015 15:04:21

Следствие закончено ... 95
Общая камера ... 97
«Чёрный ворон» ... 100
Молодой еврей ... 101
Сон ... 104
Явление Господа ... 105
Обращение еврея ко Христу ... 107
Монах ... 109
Священник О... ... 110
Получил Библию ... 111
Десятилетний юбилей советской республики ... 115
Этапы ... 116
Книга «Долг» ... 118
На работе во дворе ... 118
Неудачный побег ... 120
Встреча Рождества и Нового года ... 121
Приговор ... 123
Последнее свидание с семьёй ... 125
Проводы из тюрьмы ... 126
Торжественное шествие ... 128
От Ленинграда до Кеми ... 131
Обед ... 139
Поверка ... 140
Василий Иванович ... 140
Первая ночь в СЛОНе ... 142
Ночная отправка ... 145
Работа на пристани ... 145
На Северолесе ... 146
Ночлег в бане ... 150
Жестокая расправа над каэрами ... 152
Брат Шилов Иван Никитич ... 153
От Кеми до Мяг-острова ... 154
Мяг-остров ... 165
Прием на Мяг-острове ... 169
Первый день в лесу ... 172
Работа в лесу ... 176
Брат Алексеев Григорий Иванович ... 182
Шаг от смерти ... 184
Болезнь брата 185

Бунт в лагере 187
Ночью у костра 190
Сверхсрочные 192
Некрасов Михаил Петрович 194
Бог спас меня от смерти на озере Карас 195
Христианские мученики в Советской России 201
Личное свидетельство и упование 202
Количество и церковная принадлежность ссыльных верующих 203
Взаимоотношения между религиозными группами верующих 205
Исключительные муки православного духовенства 206
Две разных тропы к одному и тому же Небу 207
Крест русских евангельских верующих. 208
Евангельские верующие в ссылке 212
Распятая Россия 215
Человечность среди охраны 215
Сыск большевиков 217
Умученная интеллигенция 219
Евангельские богослужения в ссылке 219
Монахини-героини 221
Женщины в Советском Союзе 222
Цензура в ссылке 223
Полоненная Россия 225
Посылки ссыльным 225
Большевистское следствие 227
Гнёт чужой руки 229
Соловки 235
Живое кладбище 235
В Харбине. 247
Приветствие 247
Детский сиротский приют «Вефиль» в Харбине 1934-1953 253
Порядок дня 260
Цель приюта «Вефиль» 262
«Вефиль» Детский сиротский приют в городе Харбин . . . 264
Детский сиротский приют в городе Харбин, Манч.Кио. . . 267

Petrow_kor.indd 7 10.09.2015 15:04:21

Petrow_kor.indd 8 10.09.2015 15:04:22

Введение

«Странник Христов» – так называется моя первая работа по биографии А.П. Петрова, вышедшая в издательстве «Заменкорн» в 2014 году. Уже после её издания мне были подарены подшивки старинных журналов, в которых я обнаружил многочисленные публикации А.П. Петрова, которые могут дополнить недостающие в моей книге детали его жизни, а также картины суровой действительности того времени.

Алексей Петрович Петров – сегодня мало кому известный человек. Бывший пресвитер «Дома Евангелия» в Петрограде, с 1927 года – узник за дело Евангелия, осужденный по 58-й статье.

В 1931 году ему удалось оставить место ссылки и покинуть Советский Союз. Он перебрался в Харбин (Китай, Маньчжурия), где в то время проживало большое количество русских эмигрантов и беженцев. Петров намеревался мигрировать дальше, однако, как он писал в письме, «облако» остановилось в Харбине на тридцать лет, откуда Господь и взял его к Себе в Свои вечные обители.

В анкете, заполненной Петровым, он указывал, что зарабатывает на жизнь литературным трудом. Мог ли он этим трудом заработать на жизнь и пропитание себе и своей семье, очень сомнительно. Не исключено, что он мог получать какие-нибудь гонорары, но в основном все христианские журналы того времени были очень ограничены в средствах и содержались на пожертвования. По-видимому, эта графа в анкете была

заполнена для органов власти, тем более, что никакой конкретный доход не указывался.

Оказавшись за территорией Советского Союза, Алексей Петров начал смело описывать всё пережитое им в суровых застенках Ленинградской тюрьмы, в лагерях на Соловках и в ссылке в Архангельской губернии, на страницах христианских журналов, издаваемых в Европе и Америке перед второй мировой войной. Христиане Америки и Европы смогли непосредственно от пережившего эти испытания узнать о жестокой действительности, царившей в СССР с 1921 по 1931 годы. Его литературная деятельность началась сразу же по приезду в Харбин.

Уже в декабре 1931 года в журнале «Сеятель Истины», издаваемом в США под редакцией П.И. Давидюка, появилась его первая публикация – под звонким названием «Приветствие», где он, забывая о необходимости конспирации, приветствует всех своих американских друзей и подписывается: «Ваш сотрудник А. Петров».

И далее, в журналах за следующие годы, можно найти его интересные статьи, такие как «Соловки (живое кладбище)» *(«Сеятель Истины», № 7, 1933, стр. 13-14)*.

В журнале «Верность», который издавался в США Александром Добрыниным, Петров публикуется под псевдонимом А. Беломорский. Здесь с коротким вступительным словом от редакции в №№ 5-7, 8-10, 11-12 за 1934 год опубликованы статьи: «Христианские мученики в Советской России», «Распятая Россия», «Полоненная Россия».

Затем, в журнале «Свет к просвещению», издаваемом в Варшаве Бориславом Геце, в номерах за 1936-1939 годы, были опубликованы «Воспоминания изгнанника за веру», которые Петров написал на основании личных переживаний в тюремных застенках и лагерях Соловков. В своих публикациях он подробно описывал всю жестокость, которую проявляли органы ГПУ[1], подавляя всякое свободомыслие. По понятным причинам (чтобы не причинить вреда родственникам) он не называет имен братьев, которые в то время ещё томились в

1 ГПУ – Главное политическое управление – орган, образованный большевиками в 1922г. по борьбе с внутренними и внешними врагами.

застенках, или уже умерли – хотя эти имена не так уж трудно было установить.

1 сентября 1934 года Петров, имея широкое сердце и любовь к детям, открывает в Харбине детский приют «Вефиль», и уже в последующие годы на страницах журнала «Сеятель Истины» появляются заметки о работе детского приюта, годовые отчеты. Эта информация также печатается в журналах «Dein Reich komme», «Свет к просвещению» и других. Девятнадцать лет своей жизни он посвятил этой работе, в которой его поддерживала супруга Вера Николаевна Петрова, одна из сотрудниц приюта.

В этой книге я собрал публикации А.П. Петрова из журналов: «Сеятель Истины», «Верность», «Свет к просвещению», «Гость».

В «Воспоминаниях изгнанника за веру» по описанию и занимаемым должностям мною были установлены и вместо многоточий вставлены курсивом имена и фамилии некоторых действующих лиц, которые прошли с Петровым путь страданий, а также была произведена небольшая обработка текста, добавлены иллюстрации и фотографии. Некоторая информация повторяется в разных изданиях, поэтому отдельные отрывки были упущены, другие же, наоборот, дополнены в хронологическом порядке из других изданий для завершения картины того времени.

К сожалению, мне не удалось найти журналы «Свет к просвещению» за 1939 год, поэтому заканчивается история Петрова его ссылкой на озере Карас.

Публикуя воспоминания Алексея Петровича Петрова, хотелось дополнить то небольшое количество публикаций о преследованиях верующих в Советском Союзе 20-х годов XX века, которые оставили нам такие христианские авторы как Ю.С. Грачев, Н.П. Храпов и другие, которые сами прошли через сталинские лагеря и ссылки.

Составитель Иван Шнайдер

Petrow_kor.indd 12 10.09.2015 15:04:22

Воспоминания изгнанника за веру

Автор настоящих воспоминаний ***Алексей Петрович Петров*** обратился к Господу в 1912 г. в Америке, откуда в 1921 г. возвратился на свою родину, и до 1926 г. был проповедником в России. Будучи сослан на Соловецкие острова, бежал оттуда и уже несколько лет пребывает вне России.
(из журнала «Свет к просвещению» с №1 за 1936 г. по №12 за 1938 г.)

Обыск на квартире 30 ноября 1926 года

В час ночи в моей квартире раздался звонок и разбудил всех. Сердце моё предчувствовало что-то недоброе. Наскоро одевшись, я подошёл к двери, а звонок не переставал звонить.

– Кто там? – спрашиваю.

– Отворите! Это управдом.

Я узнал знакомый голос управдома. Открыв дверь, я увидел следующую картину: у двери на площадке лестницы стоял смущенный управдом, за ним – помощник следователя из ГПУ товарищ Грачев, потом ещё один молодой человек из секретного отдела ГПУ, красноармеец с винтовкой и дворник. Управдом попросил разрешения войти в квартиру. Я, сообразив, что это значит, говорю:

– Пожалуйста, войдите, знакомых людей всегда рад принять, хотя и ночью.

Вся группа вошла в прихожую, затворив за собою дверь на ключ. Грачев вынул приказ от начальника ГПУ и предъявил его

мне. В нём говорилось: «Предлагаю произвести в квартире гражданина Петрова А.П., проповедника и пресвитера Ленинградской Общины ... обыск с арестом, если таковой потребуется».

Прочитав этот документ, я передал его обратно Грачеву, который сообщил:

– Вы арестованы.

На что я ответил:

– Прекрасно, я повинуюсь.

– Покажите ваш кабинет, – приказал Грачев.

Солдат с винтовкой остался в коридоре у двери, а я пошёл впереди «гостей» в кабинет. Осветив комнату, я сел. Грачев внимательно осматривал комнату, но ни до чего не дотрагивался. Потом, обращаясь ко мне, спросил:

– Где у вас хранятся заграничные письма?

Я достал с этажерки большую пачку писем и положил на стол. Держался я спокойно, хотя часто билось сердце, и в душе чувствовалась пустота. Предполагал, что меня арестуют, но этого не случилось. Товарищ Грачев, после того, как я предъявил ему письма, начал рассматривать мою библиотеку.

Его помощник и дворник пошли в спальню, стали открывать сундуки, ящики, всё внимательно осматривали, но ничего не брали. Товарищ Грачев спросил меня:

– Не имеете ли вы спрятанного оружия?

– Вы прекрасно знаете мои убеждения, – ответил я. – Верующий христианин не может брать в руки оружие, так как Христос сказал: «Все, взявшие меч, мечом погибнут»[2].

– Ну, вы только так говорите, а тоже берете оружие, когда вам бывает трудно.

Моя жена и её сестра очень испугались. Дети тоже проснулись, но вели себя спокойно и не плакали. Обыск проходил часа три. Пересмотрели всё и всюду, но ничего не нашли, т.к. и на самом деле у нас ничего не было.

После обыска все собрались в мой кабинет и уселись за столом. Грачев неожиданно спрашивает:

– До нашего прихода кто к вам звонил по телефону?

– Никто не звонил, мы спали, – ответил я.

После этого они ещё несколько минут задавали мне разные вопросы о религии и о Боге. Я спокойно отвечал на все. Закон-

2 Библия. Евангелие от Матфея 26:52.

чив вопросы, они попросили разрешения закурить и спрашивали, почему мы не курим. Я начал им объяснять, что курение приносит вред человеческому организму, что Господь через Своих Апостолов воспретил нам употреблять всё, что служит к разрушению нашей плоти, потому что наша плоть – Храм Божий. Они возражали, но вели себя прилично.

Во время беседы был составлен и подписан акт относительно обыска. Грачев позвонил по телефону в управление ГПУ, чтобы подали автомобиль. Я решил в своём сердце, что меня арестуют, и ждал того момента, когда скажут, чтобы я собирался. Беседа наша продолжалась. Через несколько минут шофер зашёл в квартиру и доложил, что автомобиль подан. Грачев подал мне повестку от начальника ГПУ, чтобы я 7 декабря в 5 часов вечера явился на Гороховую улицу в секретный отдел ГПУ. Затем они извинились за беспокойство, попрощались и вышли.

После их ухода мы собрались в моей комнате и благодарили Господа, что на этот раз всё обошлось благополучно.

Я позвонил по телефону брату пресвитеру Ивану Никитовичу Шилову. По-видимому, Шилов не спал, так как очень скоро взял трубку и начал говорить со мною. Я спросил его:

– Всё ли благополучно?

– Да, всё благополучно, но только у меня сейчас были гости из ГПУ, сделали обыск, забрали переписку и увезли с собою, меня не арестовали, но вручили повестку, чтобы вечером 7 декабря явиться в секретный отдел ГПУ.

Я ему ответил, что и у меня были гости, и только что ушли из квартиры, проделав то же самое. Пожелав взаимно спокойной ночи, мы решили идти опять спать, предав всё в руки Господа.

Рано утром, в среду, я поехал в канцелярию Дома Евангелия общины баптистов, который находился на 24-й линии Васильевского острова в Ленинграде.

Брат Шилов был ещё дома. Мы рассказали друг другу о ночном обыске. У него забрали письма и протоколы братского совета общины и Союза Северной области[3]. Мы предчувствовали, что для нас готовится что-то неприятное.

---

3 Союз Северной области – здесь и в других подобных случаях имеется ввиду Северный Союз Баптистов. (инфо на сайте: Энциклопедия ЕХБ). Я думаю, братья использовали в беседах короткую обиходную форму – Союз, Север, Союз Северных областей и т.п. (И. Шнайдер).

Вечером собрали братский совет и сделали доклад о ночном обыске и аресте нашей переписки. По своей неосторожности и доверию к братьям, которые были членами церковного братского совета, я рассказал, что Господь во время обыска сохранил одно письмо.

Я никак не мог подумать, что один из членов церковного братского совета был предателем и секретным сотрудником ГПУ. Он доносил обо всем, что решалось в совете, в церкви, давал точные сведения обо всех проповедниках, кто и что говорил относительно советской власти и т.д.

Этот брат (изменивший Христу, но ещё не разоблаченный церковью), приехал в Ленинградскую общину из далекой Сибири, привез с собою самую лучшую аттестацию и, т.к. он раньше был членом общины ..., то община на деловом собрании приняла его в число членов без всякого испытания, а мы приняли его проповедником для Северного Союза, назначив ему содержание.

Спустя немного времени после его приема в члены, присылают мне повестку из ГПУ явиться в секретный отдел к следователю Макарову. Когда я явился в ГПУ, Макаров начал очень любезно разговаривать, угощал папироской, от которой я отказался. Посадил меня в кресло у своего письменного стола, принес из соседней комнаты большую толстую папку с каким-то делом и любезно спросил меня про нашего нового брата и проповедника. Кто он? Откуда? Знаю ли я его и что могу сказать о нём? Сам он в это время смотрел в папку и иногда улыбался. Нашего вновь принятого брата я до этого времени не знал – кто он, какое у него прошлое. Я ответил Макарову, что никаких сведений об этом человеке дать не могу, потому что совершенно его не знаю. Макаров больше не настаивал, но начал подходить с другой стороны, и весьма тонко. Он очень любезно спросил меня о том, как давно я уверовал и стал проповедником Евангелия, какова моя основная профессия, долго ли жил в Америке, хорошо ли владею английским языком. На все вопросы я дал ему точные ответы.

– Основная моя профессия – механик, токарь точных работ по металлу, т.е. инструментальщик. По-английски говорю не очень хорошо, но понимаю прекрасно.

– А скажите мне, гражданин Петров, сколько вы теперь получаете жалования за вашу духовную работу?

– В настоящее время не получаю, – ответил я. – Прежде получал, а потом отказался, возложив все свои нужды на моего Господа. Он теперь заботится о нуждах моих.

– Всё это не нормально, товарищ Петров, вы живете бедно, а при вашей специальности и при знании английского языка вы у нас могли бы зарабатывать хорошие деньги. Бросьте эту чепуху – вашу Библию, поступайте к нам на работу, вам будет открыт путь на любую фабрику, любой завод. Мы вам напишем хорошую рекомендацию и дадим место. Вы ведь голодаете?

Я начал ему возражать:

– Для меня Библия – источник и цель жизни. Я только в Библии, в Слове Бога, нашёл себе утешение. Я многое испытал в жизни, и в Библии нашёл всё то, к осуществлению чего стремится человечество (братство, равенство и свободу), и что до настоящего времени человечеством так и не достигнуто. Потому-то мир и несчастен, что вожди, которые ведут его к счастью, сами несчастны и жалки. Я испытал это в личной жизни. Было время, когда и я был атеистом, поносил всё святое и чистое и думал, что я всё могу, всё мне подчинено, что я – царь и бог, но за границей мне пришлось встретиться с людьми, которые веруют в Бога, знают Бога и живут так, как учит Истинный Бог.

Эти верующие были светом потому, что они веровали в Бога, и Сам Бог сотворил в них новую жизнь через воскресение Иисуса Христа.

Вы мне предлагаете поступить к вам на работу и оставить проповедь Евангелия? В Америке я работал механиком у Форда, и за один час зарабатывал больше, чем здесь за целый день. Но когда Господь призвал меня, чтобы я оставил физическую работу и начал проповедовать Евангелие, я послушал голоса Его, и очень доволен моим скудным содержанием, которое имею, потому что в Боге я нашёл то, чего вы не имеете. Я счастлив, и Бог для меня – всё.

Хотя неприятно было Макарову выслушивать моё свидетельство, но он сидел спокойно и только иногда иронически улыбался. Наконец сказал:

– Знаете, гражданин Петров, нам с вами не сговориться: ни вы меня не переубедите, ни я – вас, но вы как честный человек должны помочь мне в деле. Вы знаете, что у вас в общинах есть различные люди всяких классов и положений: вы принимаете всех, кто бы к вам ни пожелал вступить. Всё это хорошо, но в ваши общины могут проникать враги советской власти, контрреволюционеры, они могут делать свои темные делишки, прикрываясь вашим именем. Можете ли вы поручиться за каждого члена, что он благонадежен и не будет вести подпольную работу против советской власти?

Я ответил:

– Товарищ Макаров, мы действительно принимаем в наше братство людей всех сословий и классов, кто искренне обращается к Господу и оставляет прежнюю греховную жизнь. У нас в общине есть много образованных людей, а также и тех, у которых прошлое было пошлым и грязным. Мы принимаем людей, хотя и очень порочных в прошлом, но возрожденных, которые силою Бога начинают жить новой святой жизнью. Для вас непонятно это новое рождение, а мы переживаем рождение от Бога каждого верующего на своём личном опыте. Поэтому вам и трудно переубедить наших членов, поэтому они и готовы идти на всякие страдания за истину – ведь она осветила им их темный путь и освободила от всех предрассудков.

У вас очень много верующих в тюрьмах, в концлагерях, в ссылке, и они не отказались от своих убеждений – кроме тех волков, которые вошли к нам не по рождению от Бога, а для своих личных эгоистических целей, но таковым у нас нет места, мы их быстро отлучаем.

Вы сказали, что к нам могут проникнуть контрреволюционные элементы, но таковым у нас также нет места, потому что мы на основании Слова Божия лояльны ко всякому правительству, какое Бог допускает в стране. Мы не можем с оружием в руках восставать против власти, какая бы она ни была. Мы молимся за каждую власть. Вы читали когда-либо Библию? Там у пророка Даниила в 5-й главе сказано, что Вавилонский царь Валтасар также был допущен Богом владеть народами, но он очень возгордился, не воздал славы Богу небес, и поклонялся различного рода идолам, а притом принес к себе в дом сосуды из дома Божия и стал пить из них вино. Но тут на стене появи-

лась кисть руки и начала писать: «мене, мене, текел упарсин»[4]. Царь Валтасар, во всей своей славе и могуществе, задрожал, испугался. Даниил объяснил ему написанные слова: «Ты взвешен на весах и найден очень легким. Разделено царство твое и дано мидянам и персам»[5]. Точно так же, товарищ Макаров, бывает с вашими царствами. Было в России царство дома Романовых – сильное царство, но Бог взвесил его и нашёл легким, и в очень короткое время всё, что строилось столетиями, было разрушено. Бог говорит (и мы так понимаем), что всякая власть в стране допущена Самим Богом, а поэтому верующий не может восстать против порядка Бога.

В наших общинах никогда не может быть контрреволюции. Мы следим строго за всеми, и, если кто-либо начинает вести пропаганду против власти, мы увещеваем его, а если он не исправляется, тогда отлучаем. Советская власть не признает Бога, но она допущена Богом.

– Всё это хорошо, – ответил Макаров, – но всё-таки у вас есть люди опасные и для вашего общества, и для советского государства. Есть один человек в вашей общине, и нам нужно проследить за ним. Я предлагаю взяться за это дело вам. Мы вам хорошо заплатим за вашу работу. Мы не будем требовать от вас ничего, что противоречит вашим убеждениям, но только следите за тем лицом, которое мы вам укажем. Это не будет мешать вашей духовной работе, мы пойдем вам навстречу и будем вас защищать. Если вы, по вашим убеждениям, не против советской власти, то должны и работать рука об руку с нею.

– За такое дело, товарищ Макаров, я взяться не могу, это против моих убеждений и против моей совести. Вы имеете своих секретных сотрудников в нашей общине, которые вам доносят все подробности, на меня же не рассчитывайте.

Когда Макаров разговаривал со мною, то всё время смотрел в толстую папку, и я начал думать: чья же это такая толстая папка со всевозможными доносами? Впоследствии оказалось, что эта папка с доносами того самого брата, который недавно приехал к нам с хорошими аттестациями, и мы приняли его как проповедника.

4 Библия. Книга пророка Даниила 5:25.

5 Библия. Книга пророка Даниила 5:26-28.

Макаров очень сожалел, что я не желаю работать с ним вместе, но, прощаясь, он предлагал мне подумать и потом сообщить ему о моём решении. В нашей общине действительно были секретные сотрудники ГПУ, которые доносили сведения о нас. У них очень хитро поставлено секретное сотрудничество, и тот, кто соглашался работать с ними рука об руку, попадался в цепкие лапы паука, который высасывал из такого человека все соки жизни. Секретный сотрудник должен был следить за другим, таким же, как и он сам, секретным сотрудником. Они не знают друг друга, но вместе с тем доносят друг на друга всё, что только им поручено узнать. На такую ловушку Макаров хотел поймать и меня.

Но вернёмся опять к тому братскому совету, о котором шла речь в начале. Наш «герой», проповедник Евангелия, и притом секретный сотрудник ГПУ, также присутствовал на деловом заседании братского совета. Всё, что было вынесено на обсуждение, знали в секретном отделе. Узнали там и о том письме, которое не попало в руки Грачеву во время обыска, и которое долго их тревожило.

На Пасхальной неделе в городе был назначен диспут на тему: «Воскрес ли Христос, да и существует ли Он?» Противник Евангелия говорил свою речь приблизительно два часа. Он доказывал, что Бога нет, а Христос – миф. На христианство было вылито много грязи, и победу, по плану организаторов, должны были одержать безбожники. В конце дано было слово в защиту религии.

Один защитник истины встал на кафедру и, попросив всех успокоиться, обратился к аудитории со следующими словами:

– Дорогие граждане! Христос воскрес!

Эти слова пробудили все души в аудитории, и как гром со всех сторон последовал ответ:

– Воистину воскрес!

Больше не нужно было ничего говорить: эти два слова и ответ аудитории опровергли все доводы предыдущего докладчика. Верующие люди с благоговением и торжеством разошлись по домам, а противники Бога, с краской от злобы и от стыда на лицах, на время исчезли.

ГПУ учло, что оно бессильно вести борьбу против Евангелия. Ораторы и лекторы были слабы в борьбе с Евангелием, и

во многих вопросах им пришлось со стыдом уходить с кафедры и признавать себя побежденными.

В одном городе малограмотный рабочий, верующий в Бога, поверг в тупик двух профессоров, которые доказывали, что Бога нет, а религия выдумана богатым классом для эксплуатации бедного класса. После их речей вышел рабочий, и спросил одного из профессоров:

– За кого вы признаете Иисуса Христа?

Профессор ответил:

– Это был умнейший и благороднейший человек.

Тогда рабочий ответил:

– Если Он умный и благородный, тогда и всё, что Он говорил нам в Своём Евангелии, есть умно и благородно. Христос говорит нам о Боге как о Своём Отце и Отце всех людей. Он говорит нам о бессмертии души и о вечной жизни за гробом. Мы не можем поверить тому, что вы нам здесь говорили. Вы доказывали, что Бога никто и никогда не видел даже в мощные телескопы, увеличивающие в несколько тысяч раз, а Христос говорит в Своём Евангелии: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»[6]. Апостолы, ученики Христа, говорят нам, что они не только верят в Бога, но и знают Бога, а это уже гораздо больше, чем вера. Живая вера приводит к познанию Бога. Один верующий в живого Бога и имеющий Его в своём сердце написал стихотворение, и я продекламирую из него последний куплет.

В Тебе пребыть желаю.
К Тебе хочу прильнуть.
Но лучше, умоляю,
Ты Сам во мне пребудь!

Тогда моё сознанье
Наполнит образ Твой,
И я, Твое созданье,
Навек сольюсь с Тобой.

Тогда уж не порывом,
А каждый миг земной
В общении счастливом
Я буду жить с Тобой.

6 Библия. Евангелие от Матфея 5:8.

Засветит неземное
Снаружи и внутри,
Погаснет «я» плотское
В лучах Твоей зари.

Затем, обращаясь к профессору, этот защитник истины сказал:

– В том-то и беда, что вы признали Его как великого человека, а по гордости вашего ума вы не хотите внимательно изучить Его учение и признать в Нём Самого Бога, да и нас, малограмотных и темных людей, ведете от Него прочь, и исполняется слово Христа: «Если слепой поведет слепого, то оба упадут в яму»[7].

После этого он предложил спеть всем известный духовный гимн: «Коль славен наш Господь в Сионе». Собрание встало и запело гимн во славу Божию.

Так проходили в России лекции и диспуты, и многие из них заканчивались во славу Господа.

Иногда защитники Евангелия на диспутах прямо обращались к слушателям с проповедью о Христе и призывали к покаянию. Сатана, по-видимому, плохой стратег – он предполагал, что публичными лекциями и диспутами Евангелие и Бог будут унижены, но Христос и Его Евангелие сияли как солнце!

Верующие братья-очевидцы передавали мне такой факт: когда в России начинало распространяться Евангелие, особенно на севере и в центральных губерниях, в Петербурге и Москве начал работать брат Вильгельм Андреевич Фетлер. Успех Евангелия очень тревожил некоторых, но они не могли ему в этом мешать, т.к. в 1905 году был издан указ, который предоставлял право свободно исповедовать свою веру. Пресвитер Фетлер приехал в Москву, нашёл соответствующее помещение для собрания, и работа началась. В день открытия первого собрания в московских газетах было напечатано:

«В городе Москве появился антихрист, лжепророк. Он устраивает свои собрания в таком-то месте и в такое-то время. Предупреждаем верных овец стада Христова не посещать таковых собраний».

7 Библия. Евангелие от Матфея 5:14; Евангелие от Луки 6:39.

Такое страшное объявление в газетах, что в лице Фетлера в город приехал сам антихрист, сделало своё дело, ведь и Апостол говорит, что «верующему всё содействует ко благу»[8].

Братья даже не думали, что Господь через это газетное объявление приведет людей в собрание. Ещё до открытия собрания толпы людей прохаживались перед дверями зала. Когда открыли зал, он очень быстро наполнился людьми. После проповеди многие благодарили Бога, что Он открыл им путь к жизни через веру в Господа Иисуса.

Противники религии увидели, что с диспутами и лекциями дело обстоит плохо, но заметили, что на такие диспуты собирается очень много людей. Они решили больше не приглашать на диспуты верующих, а приглашать только тех священников, которые не всегда могли одержать победу над безбожниками.

Нужно отдать честь некоторым священникам православной церкви, которые всё-таки побеждали своих противников. После этого борцы с религией решили устраивать диспуты за плату. Цены на билеты доходили иногда до пяти и десяти рублей. Но и тогда все места в залах всегда были заняты, а многие люди не могли попасть в зал, и толпами стояли на улицах. На таких диспутах враги религии собирали очень большие суммы денег.

Я проповедовал в Петрограде, и часто имел собрания, переполненные слушателями. Однажды после одного собрания подходит ко мне человек в военной форме. По его нашивкам я увидел, что он – из советских командиров. Он предложил мне выступить вместе с ним перед публикой в диспуте на тему: «Существует ли Бог, или Его нет?» Я согласился, и он попросил меня прийти к нему, чтобы договориться о времени и месте диспута.

В назначенное время я пришёл к нему. Когда его секретарь узнал, что я баптист, то обратился к своему командиру со следующими словами:

– Товарищ командир, с кем вы хотите иметь дело, с баптистами? Лучше не связывайтесь с ними, баптисты на диспутах всегда побеждают. Они люди начитанные и вышли из рабочего класса, люди с твердым убеждением и верою.

Командир спросил меня:

– Когда вы будете готовы к диспуту?

8 Библия. Послание к Римлянам 8:28.

Я ответил, что готов всегда. Секретарь опять обратился к своему командиру:

– Видите, он всегда готов, а нашему лектору нужно ещё перечитать пачку разных книг, и он только недели за две будет готов.

Условились назначить диспут через три недели. Перед диспутом я попросил разрешения, чтобы после спеть хором несколько песен духовного содержания. Дали согласие. Мы расстались.

Наш хор был готов. Мы следили, не появятся на улицах объявления о диспуте. До диспута осталось всего два дня, а объявлений не было. Я решил сходить к командиру и узнать, как обстоят дела с диспутом. Командир принял меня и просил отложить диспут ещё на две недели. Я понял, что они не хотят выступать на диспуте, но всё-таки попросил нашего регента быть готовым к этому дню. Настал день диспута. Регент с хором направился в помещение командира. Ему ответили, что диспут не состоится по не зависящим от них причинам.

Я потому привёл здесь несколько примеров о диспутах, что всё это тесно связано с вопросом, за который ухватились агенты ГПУ, чтобы прекратить проповедь Евангелия, которая приобрела массу последователей и сочувствующих. Никакие научные лекции с диспутами не могли отвлечь людей от слушания Слова Божия. Наши собрания в это время были переполнены слушателями. Работа начала развиваться во всей Северной области, в которую входило десять губерний. Собрания происходили в самых отдаленных окраинах Севера.

Атеистический журнал «Безбожник» открыто начал писать, что баптисты и евангелисты во всех местечках и городах имеют большой успех, их же пропаганда успеха не имела. В своих журналах и газетах безбожники выливали всякую грязь на руководителей евангельского движения, называя их контрреволюционерами, предателями, шпионами и слугами капиталистов.

Советское правительство обратило внимание на этот вопиющий голос союза безбожников и учредило в некоторых городах «семинарии безбожников», где проводился специальный курс по борьбе с евангельским движением. Таких работников правительство подготовило много, но они были бессильны победить могучий поток евангельской благодати Божией. Их бе-

сило то, что и из среды безбожников многие обратились к Богу. Обращенные открыто выступали со свидетельством, что они были во тьме, и Бог по Своей любви вывел их из тьмы, осветив Светом Евангельской истины.

Так было с одним видным и ответственным работником. Во время своего крещения по вере, перед погружением в воду, он в большом зале, вмещающем несколько тысяч человек, выступил из среды крещаемых в своём белом халате и открыто засвидетельствовал о Боге, Который вызвал его из тьмы, спас смертью Сына Своего и дал ему познать истинную свободу во Христе Иисусе, Господе нашем. Это свидетельство произвело благодатное действие. Верующие слушали его и благодарили Бога, а посторонние со слезами на глазах внимательно принимали каждое сказанное братом слово.

Таких фактов и случаев было много. Господь иногда открывал Свой свет самым ярым Своим противникам и делал их Своими детьми, чтобы посрамить врагов. Правительство отпускало союзу безбожников неограниченные суммы денег для борьбы с религией. Рынки и книжные магазины были завалены различной литературой, направленной против религии. Журнал союза безбожников должен был выписывать всякий рабочий; его согласия даже не спрашивали, а просто высчитывали стоимость журнала из жалованья и вручали журнал «Безбожник», в котором трудно было разобраться, т.к. там не было ни логики, ни последовательной идеи, а только грубая критика всевозможных религиозных форм и обрядностей.

Истина Божия продолжала своё победное шествие. Евангелие вызывало к новой жизни души, которые были предопределены для Царствия Божия. Союз безбожников в своих журналах иногда критиковал свои ячейки и клубы, отмечая, что у них нет порядка и самостоятельности: «В клубах грязно и неуютно, иногда, за неимением хороших лампочек, даже темно. Смотрите, вот у баптистов, когда придете в зал, где они собираются, то сразу увидите порядок – всюду чистота, нет шума и безобразия, все относятся очень внимательно к своим обязанностям, поэтому рабочие и идут туда, а не к вам».

Учитывая своё бессилие, агенты ГПУ начали применять другие меры борьбы против распространения Евангелия. У баптистов в Петрограде всего одно собрание происходило в соб-

ственном помещении, все остальные залы были арендованы у жилищных товариществ. ГПУ давало жилтовариществам задание: за помещения, где происходит проповедь Евангелия, взимать арендную плату в десять раз больше, чем требуется по закону, причисляя наши залы к категории торговых помещений.

После этого нашей общине стало очень трудно платить за помещения, но члены церкви, часто отказывая себе в самом необходимом, выплачивали всё. Любовь Божия горела в них, и они приносили на алтарь служения Богу всё, что могли, чувствуя от Святого Духа, что и такая ограниченная свобода не будет долго продолжаться, и скоро настанут дни, когда ничего нельзя будет делать. Враги Бога открыто говорили: «Сейчас мы заняты другими более важными делами, но скоро мы возьмемся и за вас, баптисты. Все церковники – враги рабочего класса, а поэтому их нужно уничтожить».

Высокая арендная плата за помещение для проповеди Евангелия не остановила духовной работы, а дала верующим новых сил для евангелизации русского народа. Враги Евангелия всегда удивлялись самопожертвованию верующих и, не желая верить, что расходы по содержанию помещений и проповедников оплачивают сами члены общин, распускали в печати и на диспутах клевету, что всё это содержится на заграничные деньги. Клевета также не имела большого успеха. Тогда органы ГПУ дали строгие задания всем санитарно-техническим комиссиям при осмотре помещений для проповеди Евангелия находить любые причины для запрещения публичных собраний.

Мы имели очень хорошее помещение. Наши собрания всегда были переполнены, а в заключение собраний на призыв отдать себя на служение Господу часто бывало, что все посетители поднимали свои руки и со слезами отдавались Ему. Через некоторое время мы получили извещение из технического отдела, в котором сообщалось о назначении комиссии по осмотру нашего зала. В зале всё было в порядке, но комиссия нашла, что дверь чёрного выхода была на два сантиметра уже нормы, а поэтому составили акт, и нам пришлось освободить этот зал.

Мы нашли другое помещение в людном месте. Жилищное управление согласилось сдать нам зал, но там требовался основательный ремонт. Прежде чем начать ремонт, мы пригласили знакомого инженера, который после осмотра помещения

сообщил, что зал удовлетворяет всем техническим требованиям. Мы заключили договор с жилуправлением и произвели ремонт. Собрание было открыто, и мы думали, что теперь будем спокойно собираться. Но через месяц явилась комиссия, произвела осмотр и нашла наш зал непригодным для публичных собраний. Составлен был акт, в котором поводом для закрытия зала было то, что двери, выходящие на парадную лестницу, открывались не в ту сторону, в которую предписывает закон. Мы протестовали против этих требований и предлагали переделать двери, но наши просьбы и протесты не увенчались успехом, и нам пришлось найти третье помещение.

Оно было до основания разрушено. Общими силами верующих мы восстановили его. Зал был большой. Господь нас обильно благословил в Его труде. Но техническая комиссия по обследованию домов опять нашла причину: наша парадная лестница, которая вела в зал, не соответствовала техническим условиям, была узка, а поэтому закрыли и этот зал.

Недалеко от этого помещения, на этой же улице, мы нашли четвёртое помещение…

Вот в таких трудных условиях развивалась духовная работа повсюду в пределах СССР. Я описал это, чтобы все знали, как постепенно враг изыскивал различные пути борьбы с влиянием в людях Евангельской вести.

В 1926 году органами ГПУ было предписано руководителям Евангельского движения – во всероссийском масштабе выяснить на наших христианских съездах военный вопрос. Ещё во время 24-го съезда Союза баптистов ГПУ признало всех работников Евангельского движения, которые были против военной службы, контрреволюционерами, всех их заключили в тюрьмы и выслали в Соловецкий концлагерь. А после того, как Союз ЕХБ признал военную службу обязательной для членов общин наравне со всеми гражданами, начались аресты и ссылки даже тех работников, которые по воле ГПУ проводили этот пресловутый вопрос. Молодые члены церкви, которых касался военный вопрос, по своим духовным убеждениям не соглашались с постановлением Союза и категорически отказывались от всякого участия в организациях, которые несут смерть и разорение. ГПУ тоже предъявляло им обвинение в том, что они контрреволюционеры. В итоге осудили тех и других – и не за религию, а за

контрреволюцию против советской власти. Конечно, советская власть могла арестовать и посадить в тюрьму во всякое время, и даже расстрелять – независимо от этих причин – но ей нужно было быть неуязвимой пред иностранными представителями, которые зорко следили за движением нового коммунистического государства. Диавол не хочет носить свою одежду мрака и невежества, ему самому она, по-видимому, неприятна, и он всегда старается подражать другим, чтобы показать себя в приличном свете – с лозунгами счастья и свободы.

Два месяца в предварительном заключении

Правлением Всероссийского Союза баптистов в середине декабря 1926 года в Москве был назначен съезд. Будучи пресвитером Дома Евангелия в Петрограде и секретарем Северного Союза, я должен был присутствовать на съезде. Правление нашего Северного Союза было против того, чтобы на съезде обсуждался военный вопрос. Мы были убеждены, что его лучше совершенно не затрагивать, а оставить на совести каждого верующего, как это делается в общинах верующих за границей. ГПУ через своих секретных сотрудников прекрасно было осведомлено о наших убеждениях по военному вопросу и решило, что если мы будем присутствовать на съезде в Москве, то можем помешать провести этот вопрос положительно, а поэтому нужно нас от съезда изолировать.

Настал день 7 декабря 1926 года, в который я с председателем Союза Шиловым должен был явиться к секретному сотруднику ГПУ – Макарову. В повестках, что были вручены нам при обыске, было назначено явиться в разное время. Я должен был явиться в 5 часов вечера, а брат Шилов – в 6 часов. Накануне этого дня мы в наших собраниях со всеми членами молились Господу, чтобы Он сохранил нас и дал нам мудрость отвечать по Его воле. Получив у коменданта пропуск к сотруднику и найдя его комнату, я позвонил. Меня впустили в тускло освещенную приемную комнату. От этого полумрака меня охватило жуткое чувство. Я предъявил свою повестку и пропуск. Мне сообщили, что сотрудника Макарова сейчас нет, но он скоро придет. Я остался ожидать в этой мрачной комнате. В душе я молился Господу и предавал себя в Его руки. Хотя я

смело смотрел в будущее, но чувства мои предвещали что-то недоброе. Мне представлялось, что я буду посажен в тюрьму, меня вышлют, разлучат с семьёй, отстранят от работы в церкви и т.д. Ждал долго. Приходили и уходили люди. Уже было более шести часов. (Обычно работа в учреждениях ГПУ бывает только до трех часов.) Ожидал, что скоро придет брат Шилов, но он почему-то не приходил.

Наконец, открылась дверь кабинета, и появился сотрудник Макаров. Он пригласил меня к себе и, посадив рядом со своим письменным столом, спросил о том, как я поживаю, что нового в общине, поеду ли на съезд в Москву и т.д. В его кабинете также было мрачно, была электрическая лампочка с колпаком, которая освещала только письменный стол. В другом углу, на противоположной стороне, также за письменным столом, сидел помощник Макарова Грачев, который делал у меня обыск. После нескольких вопросов и моих ответов Макаров начал писать на большом печатном бланке; записал моё имя, отчество, фамилию, возраст, задал около тридцати вопросов; я ему ответил.

За дверями, в приемной, раздался звонок. Грачев вышел и, вернувшись обратно, сообщил, что пришёл Шилов. После опроса Макаров принес пачку моих писем и других дел и начал их просматривать. Письма, полученные из-за границы, он откладывал в одну сторону, а местные – в другую. Сделав сортировку моей корреспонденции, начал просматривать заграничные письма. В этих письмах было одно из г. Риги. После того, как Макаров прочитал это письмо, его отношение ко мне резко изменилось. Я почувствовал, что теперь он нашёл причину, чтобы задержать меня и посадить. Лицо его исказилось, глаза расширились и в полумраке имели ещё более зловещий вид. Он сильно закричал, обратившись ко мне:

– Вы знаете, кто такой ваш Фетлер?

– Знаю, – спокойно ответил ему.

– А если знаете, зачем же тогда вы ведете переписку с ним, да ещё с денежными расчетами?

– Я Фетлера знаю хорошо, как честного верующего христианина и проповедника.

Макаров начал ругаться грубыми и нецензурными словами в адрес Фетлера:

– Он враг, враг рабочего класса, он должен быть и твоим врагом, если ты лоялен к нам.

Я начал уже смелее говорить в защиту брата Вильгельма Андреевича Фетлера, сознавая, что всё равно буду арестован. Если бы не это письмо, он придрался бы к чему-нибудь другому. В заключение Макаров сообщил мне, что я арестован.

– Ты обвиняешься, как контрреволюционер, по 58 статье, пункты 4 и 6.

– Я готов идти в тюрьму, в концлагерь, куда хотите.

– За такие дела – за связь и переписку с нашими ярыми врагами – для вас будет недостаточно тюрьмы и высылки в концлагерь, вы заслуживаете нечто худшее!

– Больше смерти вы ничего не можете сделать, а если Господу так угодно, я готов умереть.

Макаров позвонил по телефону дежурному и отобрал у меня портфель. В кабинет вошёл дежурный. Макаров подал ему ордер и сказал, указывая на меня рукой:

– Отведите его к начальнику ГПУ.

Брат Шилов сидел рядом с кабинетом Макарова и всё слышал. Проходя мимо, я тихо сказал ему:

– Я арестован.

Меня привели в кабинет начальника ГПУ и передали в его распоряжение. В кабинете начальника находилось несколько солдат из конвойной команды, которые сидели на диване, держа в руках винтовки со штыками. Начальник приказал мне сесть на диване рядом с солдатами. Я ожидал минут тридцать, наблюдая жизнь этого мрачного кабинета. Стены были отделаны красными обоями. Всё носило на себе отпечаток крови, и сам этот кабинет был обагрен кровью невинных жертв. Под кабинетом начальника находились подвалы, куда отправляли людей, заставляли снимать с себя всю одежду и бельё, и затем расстреливали у стенки.

Во время моего пребывания в кабинете к начальнику несколько раз приводили арестованных людей. Он подписывал ордера и направлял их в различные места тюремного заключения. Наконец, очередь дошла и до меня. Начальник задал мне несколько вопросов и приказал отвести на Шпалерную улицу в Дом предварительного заключения. На улице холодный воздух освежил меня, и мне стало лучше. От помещения ГПУ мы

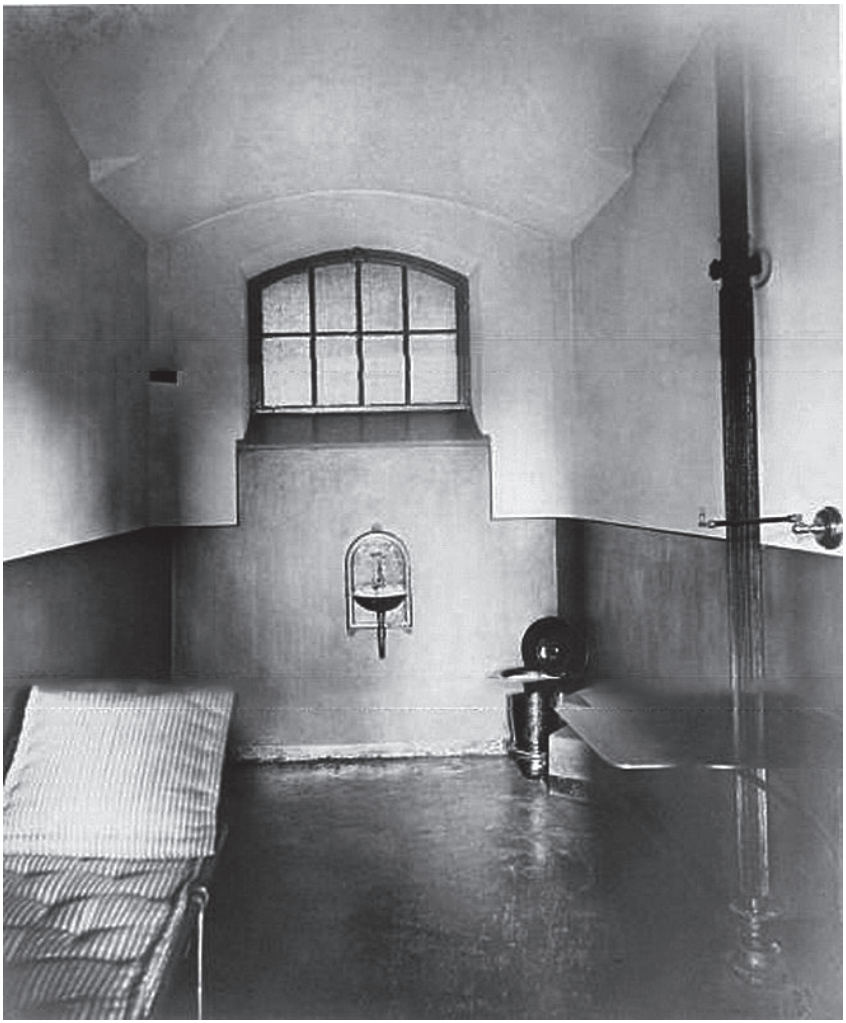
отправились по Дворцовой площади на Миллионную улицу. На улице был мороз. Звезды ярко освещали северное небо своим мерцающим светом. Освещенные улицы были полны людей – все спешили к своим очагам. Первый раз в жизни шёл я под стражей среди шумного Петрограда. Люди останавливались и рассматривали меня. Мне на миг стало как бы стыдно моего арестантского положения, но, вспомнив, что за Христа все были гонимы, я ободрил себя. Выйдя на Дворцовую набережную, я увидел на другом берегу Невы огни на Петроградской стороне, где проживало моё дорогое семейство, которое ещё не знало, что я арестован и направлен в тюрьму. Мне стало тяжело на душе, глаза мои наполнились слезами, и я, подняв свой взор к небу, начал просить Господа утешить моих близких и поддержать меня.

И вот мы пришли к мрачному зданию Дома предварительного заключения. Через решётки мерцали тусклые огни. Нас встретил часовой. Заскрипели железные ворота, и мы вошли в тюремный двор, поднялись на второй этаж и пошли в канцелярию тюрьмы. Канцелярия отделялась от прихожей деревянной решёткой, которая стояла посреди комнаты – от одной стены к другой. Конвоир прошёл к столу начальника тюрьмы, чтобы передать сопроводительные документы. Привели ещё арестованных. Выдали анкеты, на которых было отпечатано около сорока вопросов, и приказали заполнить их. Минут через десять два конвоира привели брата Шилова. Начальник распорядился оставить Шилова в коридоре. Закончив со мною все канцелярские формальности, конвоиры повели меня в камеру одиночного заключения. В пути мне запрещено было оглядываться назад, смотреть по сторонам и подавать какие-либо знаки руками. Всюду была зловещая тишина. Надзиратели были в валяных сапогах, поэтому движений их совсем не было слышно.

Тюрьма Дома предварительного заключения в Петрограде была построена со всеми усовершенствованиями. Сопровождавший надзиратель привёл меня к начальнику 5-го отделения одиночных камер. В одиночные камеры сажали подследственных по особо важным делам. В первую очередь мне приказали снять верхнюю одежду. Очень внимательно обыскали моё пальто, шапку, пиджак, ощупали подкладку и мех и,

убедившись, что в одежде ничего нет, приказали снять обувь и оставили в одном нижнем белье, которое тоже было тщательно ощупано.

Я не мог понять, для чего это проделывается. В моём воображении появилась мысль, уж не на расстрел ли меня поведут. Но после обыска приказали одеться. Начальник отделения не произнес ни одного слова. На его лице нельзя было прочесть ни сострадания, ни жалости. Взгляд его был суровый и мрачный. Я начал просить разрешение иметь в своём распоряжении



Библию, но мне заявили, что это сделать нельзя. Потом повели меня в одиночку № 85.

Камера еле освещалась электрической лампочкой в пять свечей, не более. Я вошёл, и дверь за мною затворилась, уныло звякнув железным замком. В полумраке вырисовывался силуэт окна. Я подошёл к нему, но ничего не было видно: над окном был железный щит до самого верха. От окна направо в стене был небольшой столик, рядом стояла железная кровать, прикрепленная к стене.

Досок на ней не было, но было натянуто полотно, на которое можно было ложиться. В углу около окна – уборная с водопроводом и горшком, а в стене – умывальник. На стене висели правила для заключённых одиночных камер. В камеру была проведена труба с паровым отоплением, но она была чуть теплой и камеры не обогревала. Ознакомившись со своим помещением, я присел и задумался. Кругом царила гробовая тишина, и мне стало очень жутко. За что меня сюда посадили? Что я сделал преступного? Я проповедовал Евангелие Господа Иисуса.

Подняв взор к небесам, просил Господа укрепить меня: «Ты Сам страдал за истину, Ты Сам отдал жизнь свою ради нашего спасения, да будет Твоя воля». Скоро я услышал стук в стену – стук был неравномерный, с промежутками. Я понял, что мой сосед о чём-то спрашивал меня, но ответить ему не мог, т.к. ещё не знал условных знаков. Вдруг слышу – надзиратель подходит к камере и говорит:

– Спать ложись.

Я очень обрадовался этому и стал устраиваться. Шапку положил в изголовье, пиджак под себя, а пальто – сверху. Затем склонил колени перед кроватью и стал молиться Господу, чтобы Он благословил меня на ночь и сохранил. Только успел улечься, как надзиратель выключил свет, и моя камера погрузилась в ночной мрак. После утомительного дня я скоро заснул и мирно проспал всю ночь. Проснувшись утром, я увидел, что моя камера освещена электричеством, на дворе темно, но на небе уже загоралась заря. Было очень холодно, от холода ломило ноги.

Встав с кровати, я надел пиджак и начал быстро ходить по камере, чтобы согреться. Отворилась форточка в двери, и мне

подали кусок хлеба (три четверти фунта[9]) и кружку горячей воды. Это – паек на целый день. Согласно правилам я должен был каждое утро протирать пол водой. Тряпку нашёл в углу, рядом с уборной. Пол был асфальтовый. Засучив рукава, я принялся за работу. Потом умылся и вытерся носовым платком. Скоро послышалось громкое звяканье ключей и хлопанье дверями камер. Шум этот постепенно приближался к моей камере. Наконец, звякнул и мой замок, отворилась обитая толстым железом дверь, и в мою камеру вошёл начальник отделения, держа в руках какой-то лист бумаги. Он быстро прошёл к окну. Осмотрев его и увидев, что всё в порядке, обратился ко мне:

– Есть ли у вас какое-либо заявление следователю или прокурору, можете мне сдать.

Я ему ответил:

– Заявлений у меня нет, а вот просьба к вам: дайте мне что-нибудь почитать.

– Вам в этой камере читать не разрешается, – сурово ответил начальник отделения.

– А письма родственникам можно писать?

– Письма можно писать: в две недели один раз – открытое письмо, если разрешит следователь, – ответил начальник отделения. – Другие претензии у вас имеются? – снова спросил он.

– Особенных претензий я не имею, но вот в камере очень холодно, – ответил я.

– Ничего, молодой человек, перенесешь, да ты ещё и шубу имеешь, а у нас некоторые сидят, ничего не имея, чуть ли не нагие, ко всему нужно привыкать. Вот вызовет тебя следователь на допрос и, если признаешься во всём, не будешь врать и путать, то скоро переведут в общую камеру, где и тепло и весело; там дают много книг и можно ходить на работу во двор; а если будешь врать следователю, тогда здесь и ноги кверху загнешь, – закончил начальник и вышел, хлопнув дверью.

Опять звякнул замок, и я остался один. Испросив у Господа благословения на хлеб и воду, я с большим аппетитом съел свой скудный завтрак, а на обед оставил очень маленький кусочек хлеба, рассчитывая получить ещё суп, который можно съесть и без хлеба. День начался. Началось и движение в

9 Фунт – единица измерения массы. 1 русский фунт = 409 граммов.

тюрьме. Арестантов из общих камер начали выводить на прогулку. Их выводили большими партиями, а поэтому на дворе был смех и шум. Я подошёл было к окну, чтобы посмотреть на двор, но ничего не мог увидеть, т.к. железный щит закрывал весь двор, и в окно можно было видеть только небольшой клочок синего неба. Камеры часто открывали и закрывали, звеня замками и ключами – это означало, что кого-то повели к следователю на допрос. В душу начала проникать тоска, которая постепенно завладела мною. Я помолился Господу, и в душу снова снизошёл мир, на сердце стало легко.

Где-то мой дорогой брат Шилов?.. Наверное, тоже томится в одиночке. Господи, и его сохрани, дай ему силы всё перенести и быть верным Тебе во всём...

Но брат Шилов был в лучших условиях. Его посадили в 4-е отделение. Там давали читать книги из тюремной библиотеки и на пятнадцать минут водили в тюремный двор на прогулку. 5-е отделение всего этого было лишено.

Время шло медленно и томительно. Настал обед. Мне в окошко подали небольшую миску супа и кружку кипяченой воды. Суп был очень жидкий; трудно было разобрать, с мясом он варился или с рыбой, т.к. в нём «крупинка за крупинкой бегали с дубинкой». Призвав Божие благословение, я скушал весь суп и доел оставшийся кусочек хлеба.

После обеда лег на кровать отдохнуть и заснул. Не знаю, долго ли спал, но когда проснулся, был уже вечер. Встав с кровати, начал ходить по камере и запел духовный гимн: «О нет, никто во всей вселенной свободы верных не лишит. Пусть плоть боится цепи тленной, и пусть тюрьма её страшит! Но мысли, тьмой порабощенной, Сам Бог любви свободу дал». Я пел вслух, но не громко. Только что я кончил первый куплет, как дверь с шумом отворилась, и в мою камеру влетел надзиратель. Я остановился посреди камеры и ожидал, что будет дальше.

– Здесь строго воспрещается петь песни! – закричал сердитым голосом надзиратель. – За это можете попасть в карцер! Вы ещё не были там? Предупреждаю, что никакого шума и крика здесь производить нельзя.

Надзиратель вышел из камеры. Дверь затворилась на замок, и я опять остался один. Что делать, чем заняться? Всё время ходить? Ноги болят от холода. Стемнело. Включили свет.

Вечер проходил медленно. Несколько раз мои соседи стучали мне в стену, но я не отвечал; ходил из угла в угол по камере и тихо про себя пел духовные песни. Хотя моя камера была в полумраке, но свет Божий освещал мою душу. Подойдя к столику, я склонил свои колени для молитвы, чтобы славословить Его, благодарить и просить за других. В таком молитвенном положении мне пришлось находиться недолго. Вдруг с лязгом загремели засовы замка, с шумом открылась дверь в камеру, и влетел надзиратель.

– Ты что здесь делаешь? – сердитым голосом закричал он.

От неожиданного появления надзирателя я даже растерялся и не знал, что ему ответить, но потом, придя в себя, сказал:

– Я христианин, верующий в Бога, и стоял на молитве.

Надзиратель начал ругаться и приказал этого не делать более. Я молчал. Встал с колен и сел на сиденье. Надзиратель вышел из камеры, захлопнув за собою дверь. Оставшись один, я молился сидя. Наша молитва не имеет формы, но во всяком положении тела мы можем душою возноситься к Престолу Благодати. Я молился со слезами, благодарил Господа и славословил Его. На душе стало тепло и легко, и я ощущал Того, Кто наполняет Собою весь мир.

Вечером отворилась форточка, и мне подали кружку кипяченой воды, но хлеба у меня больше не было. Сидя в одиночестве, я проверил свой жизненный путь: вспоминал счастливые минуты, когда Дух Божий во время проповеди и в работе Божией изливался обильной рекой, но часто я проводил время без пользы для ближних и себя. Придет час, когда мы за всё должны будем дать ответ пред Господом. Того, что произошло, нельзя вернуть, чтобы всё исправить. Я давал себе обет: если Господь даст возможность быть на свободе и опять работать на Его Ниве, проповедовать Евангелие – дорожить временем и всё посвятить на служение ближним. В таких размышлениях я провёл весь вечер и не заметил, как прошло время. Надзиратель прокричал:

– Спать ложитесь!

Я склонил свои колени пред кроватью и благодарил Бога за проведенный день. Свет выключили, и моя камера погрузилась в ночной мрак. Я не мог заснуть. В голове кружились мысли. Через каждые полчаса моя камера на мгновение освещалась

светом, а потом опять погружалась во тьму: надзиратель проверял заключённых, включая свет и заглядывая в «волчок».

Недалеко от моей камеры я вдруг услышал женский голос – сначала раздавались стоны, затем они перешли в рыдание и в неистовый душераздирающий крик. По коридору слышались поспешные шаги сторожей и надзирателей, бегущих к камере, где раздавался крик. Я напряг свой слух, чтобы лучше расслышать, но мне это не удалось. Надзиратели долго бегали взад и вперед мимо моей камеры. Они что-то приносили, уносили, торопились, но я не мог узнать, в чём дело, почему эта бедная жертва так кричала.

Впоследствии я узнал, что здесь томились многие люди, которые не сделали ничего преступного ни против государства, ни против отдельной личности, а просто были честными в своём деле и не шли на сделки со злыми людьми. Бедная женщина, за что она здесь томилась? Может быть, её пытали, как это часто практикуется в системе советских инквизиторов. Эти пытки грубее и больнее пыток испанской инквизиции…

Этот кошмарный случай и душераздирающие крики совершенно лишили меня сна. Было уже далеко за полночь, когда я незаметно уснул. Проснулся утром, когда надзиратель открыл форточку в двери, просунул руку с куском хлеба и сказал:

– Вставай, забери хлеб и воду.

Наскоро одевшись и умывшись, я призвал Божие благословение и принялся за свой завтрак. После завтрака протер водою асфальтовый пол. Опять – обход по камерам начальника отделения, опять – те же вопросы, но я ничего уже не просил, зная, что это бесполезно. Снова началось хлопанье дверей и звяканье замков. На тюремном дворе был слышен разговор и шум гуляющих заключённых из общих камер. Я ожидал, что и меня вызовут к следователю на допрос, но мои ожидания не оправдались. Так началась монотонная жизнь моего заключения. Я вообще любил одиночество, и мне нетрудно было привыкнуть к такой обстановке. Часто я имел общение с Господом. Надзиратель уже не нарушал моего покоя, когда видел, что я стоял на коленях. Иногда я хотел сам заговорить со служителями, когда они разносили хлеб или когда забирали из комнаты мусор, но они были безмолвны. Никто не решался вступить со мною в разговор, потому что это им было строго воспрещено.

В одиночном отделении меня продержали три недели. За это время произошло много различных кошмарных событий. Часто по ночам раздавались стоны и душераздирающие крики бедных людей, жертв коммунистического произвола. Некоторые, несмотря на всю бдительность надзирателей, ухитрялись придумать способ, чтобы покончить с собой и со всеми своими страданиями. Меня поразил один ужасный случай. Человека средних лет долго томили в одиночестве, принуждая сознать-

ся в политическом преступлении, которое он не совершал. Измученный решил покончить жизнь самоубийством.

Однажды его вызвали ночью к следователю на допрос. Камера одиночного заключения находилась на четвёртом этаже. Площадка перед камерами не достигала противоположной стороны, а была только огорожена решёткой высотой по пояс человеку среднего роста. Идя по площадке впереди надзирателя, он быстрым движением перепрыгнул решётку и, упав с четвёртого этажа вниз, на асфальтовый пол, превратился в бесформенную массу, обрызгав стены своей кровью. Его страдания прекратились. Расцветший цветок был преждевременно сорван жестокой рукой палачей, которые нагло призывают всех к братству, равенству и свободе. Остались дети, осталась жена…

Другой случай самоубийства произошёл при следующих обстоятельствах: в одиночной камере был заключен политический преступник, (впрочем, в СССР политических преступников как таковых нет, а есть контрреволюционеры, вредители, кулаки, подкулачники и соглашатели). Ему тяжело было переносить незаслуженные издевательства от коммунистического режима, и как только надзиратель отошёл от «волчка», он быстро разорвал свою рубашку, сделал петлю, привязал к решётке и повесился на ней. Когда надзиратель подошёл смотреть в «волчок», он был уже мертв. Быстро открыли дверь, приняли все медицинские меры, но привести несчастного в чувство так и не удалось. Душа погибла... На стенах его камеры были написаны проклятия палачам и жалобы на то, что его напрасно терзают.

Третий случай: заключённый в одиночной камере какой-то жестью перерезал себе вену и, залив кровью все стены и пол, скончался в мучениях. Жертвы, жертвы и жертвы! Сколько людей в этих жутких камерах сошли с ума – об этом знает только Бог и проповедники коммунизма. Если бы возможно было провести пред вами всю панораму того, что происходит в стенах этого мрачного, залитого кровью и слезами Дома предварительного заключения под № 25 по улице Шпалерной (теперь это улица Воинова), вы не могли бы быть спокойны, вы сами сошли бы с ума.

Смерть часового на посту

Однажды ночью я не спал. Была полночь. На тюремном дворе раздался выстрел из винтовки. Я предполагал, что выстрел был сделан в кого-то из заключённых – или совершившего побег из камеры, или выглядывавшего в окно. Но после выяснилось, что это был трагический случай с часовым. Посреди тюремного двора была устроена вышка, на которой днём и ночью стоял часовой. Часовые должны строго наблюдать за арестантами, чтобы они не передавали друг другу писем и не разговаривали. Один из них стоял на часах в ночное время, когда бывает особенно жутко среди живых мертвецов. В полночь он из винтовки выстрелил себе в голову и тотчас же скончался. Пуля прошла через подбородок в голову и застряла в черепе. Его душа не могла спокойно перенести картины незаслуженных страданий заключённых. Помочь горю он не мог, и душа его не выдержала, надломилась, добровольно ушла с поля борьбы, предоставив жестокому произволу господствовать над землею.

После этой трагической смерти самоубийцу часового сменили другим человеком, и жизнь тюрьмы опять пошла своим чередом. А сколько ещё сознательных душ томится, живя на свободе, как в огромном застенке, и тяжко страдает от сознания своего бессилия и беспомощности…

Допрос

24 декабря, в полночь, меня разбудил надзиратель. Проснувшись, я заволновался; в голову пришла мысль, не на расстрел ли меня поведут. (На расстрел обычно уводили ночью.) Когда я оделся, мне приказано было идти впереди надзирателя и не оглядываться. Пройдя по площадке до лестницы, надзиратель скомандовал тихо спускаться вниз по лестнице. Меня ввели в большую комнату, где за столом сидел следователь Макаров и ещё три человека. Макаров предложил мне сесть напротив стола.

– Как, гражданин Петров, чувствуешь себя? – спросил Макаров.

– Ничего! – ответил я.

– Не скучно в одиночке? – продолжал Макаров.

– Я не один, – ответил я ему.

Затем начался допрос. Все мои слова были записаны в протокол следственного дознания. Мне было предъявлено обвинение по 58-й статье Кодекса Уголовного Уложения, пункты статьи 4 и 6. Один пункт говорит о шпионаже, а другой – о связи с международной буржуазией и врагами советской власти. Меня обвиняли в том, что я имел переписку с проповедником Евангелия братом Фетлером, который работал в городе Риге. Допрос длился более часа.

Сначала заполнили анкету, приблизительно сорок вопросов: когда родился, где учился, где работал, кто отец, братья, был ли в тюрьме и на каторге и т.п. Макаров опять обрушился нецензурной бранью по адресу Фетлера. Я возражал в его защиту:

– Он восстает против вас только потому, что вы боретесь с религией. В этом вопросе не только Фетлер, проживающий за границей, критикует вас, но и мы, живущие с вами вместе. Трудно вам идти против рожна, борьба с Богом вам не под силу.

– Вы, гражданин Петров, вышли из рабочего класса, мы знаем ваше положение… Оставьте всякую связь с Фетлером, врагом рабочего класса, и начните работать с нами, рука об руку, и не распространяйте среди людей свой религиозный дурман.

– Я никогда не соглашусь, что мы распространяем дурман. Разве можно назвать дурманом учение Евангелия, учение самой высокой морали. Мы испытали благотворное влияние Евангелия в жизни. Человек-пьяница, у которого в семье вой и стоны от голода и холода, под воздействием Евангелия становится новым человеком: честным, трудолюбивым, заботящимся о семье и обо всех близких. В семье уже нет скандалов, нет слёз и стонов. Жена не ходит с синяками под глазами. Дети хорошо одеты и сыты. Вы же говорите, что мы проповедуем людям дурман: как раз, наоборот, мы выводим людей из дурмана и вводим в истинную жизнь.

Посторонние, которые были в комнате следователя, внимательно меня слушали. Кто они были – не знаю.

– Коммунизм и социализм тоже учат жить честно и нравственно, – возразил Макаров.

– Для этого у вас и тюрьмы построены, чтобы обуздывать людей, но тюрьмы не исправляют преступников, а только наказывают.

Мои «инквизиторы» куда-то торопились. Сегодня ночью христиане встречают праздник Рождества Господа Иисуса. Коммунисты не верят в Бога, но большинство из них готовится к праздникам и запасает побольше спиртных напитков.

– После праздника переведем тебя в 4-е отделение, где будешь сидеть не один, вас будет несколько человек. Предлагаю тебе работать с нами. Когда вернешься в камеру, подумай, а потом скажешь мне.

– Мы всегда были лояльны к вам и ко всякому правительству.

– Да-да, уж мы-то хорошо знаем вашу лояльность, – возразил Макаров и приказал отвести меня обратно в камеру.

В камере я возблагодарил Господа и лег спать. Меня беспокоили мысли: сегодня ночь воспоминания Рождества Господа, все братья и сёстры радуются в эту ночь, прославляя своего Господа, а моё дорогое семейство скорбит, что меня нет среди них. Я мысленно стал молиться Господу, чтобы Он утешил моих деток и мою жену. На сердце стало немного веселее, и я спокойно заснул.

На другой день праздника я получил передачу от жены: пару белья, полотенце и носки. В этот же день, после обеда, пришёл надзиратель и приказал мне идти за ним в баню. Я очень обрадовался, что могу, наконец, освежить себя. В одиночном заключении я находился три недели. Бог меня укреплял и ободрял в одиночестве, и я не чувствовал себя одиноким. Христос сказал: «Я с вами во все дни до скончания века»[10].

В четвёртом отделении

28 декабря, после обеда, надзиратель приказал мне следовать за ним, взяв с собою всё, что у меня было. Мы поднялись на пятый этаж, где находилось 4-е отделение. Надзиратель открыл дверь 205-й камеры.

Камера была освещена гораздо лучше моей одиночки. Войдя в камеру, я увидел двух мужчин средних лет. Надзиратель

10 Библия. Евангелие от Матфея 28:20.

4-го отделения принес для моей кровати два деревянных козелка, щит из досок и матрас, набитый соломой. Величиной камера была не больше одиночки, но здесь я был уже не один, да ещё и книги для чтения давали.

Скоро я познакомился с товарищами по камере. Один из них, И., служил красноармейцем в городе Х. на пограничной линии и был приговорён к шестимесячному заключению за убийство контрабандиста, когда тот нес товар на территорию Советов. И. его задержал, приказав остановиться, но тот не послушался и начал бежать. Дело было ночью. Я спросил И.:

– Почему же вас приговорили к заключению? Вы исполнили свой долг. По уставу вы должны это сделать, иначе вы сами можете пострадать.

– Дело очень просто, – ответил И. – Этот контрабандист был хорошо знаком с начальником нашей части и платил ему. Он давал и рядовым, но мало. Я убил его нечаянно, в темноте, а начальник отдал меня под суд.

– Для меня всё это кажется очень странным: отдавать под суд людей, которые исполнили свой долг. Вы достойны были награды, – возразил я ему.

– Всё это, товарищ Петров, существует только в кодексах законов, а на практике делается наоборот. Наше начальство, коммунисты, любят погулять, хорошо выпить, сладко поесть и чисто одеться, а содержание у них маленькое, ну они и идут на все сделки.

– Но это же не согласуется с идеями коммунистической партии? – возразил я ему.

– Да, всё это верно, но идеи остаются идеями, а жизнь требует своё, – ответил И.

И. был комсомольцем, кандидатом в коммунисты, ему было лет двадцать пять, человек он был честный и говорил открыто.

Другой товарищ, инженер Л., имел механическое предприятие в городе С. У него на заводе работало восемьдесят человек рабочих. Дела шли хорошо. Своими механическими изделиями его завод конкурировал с государственными предприятиями. Заказы исполнялись аккуратно. Рабочие зарабатывали хорошо. Фактически он не являлся хозяином завода, т.к. рабочие были организованы в артель, и завод был основан на кооперативно-артельных началах. Прибыль делили пропор-

ционально заработку. На основании государственных законов они имели право организовать такое предприятие.

– Если всё, как вы говорите, верно, то почему же вы здесь, и в чём вас обвиняют? – спросил я товарища Л.

– Государство предлагало мне, как стоящему во главе завода и как инициатору, передать наш завод в собственность государства, но я не соглашался на это, – ответил он. – Государственные предприятия, кроме убытков, ничего государству не дают, потому что в них страшно раздут аппарат управления, а особенно – канцелярия. Там каждому рабочему нужно заработать ещё на одного человека, который почти ничего не делает. При этой системе у рабочих совершенно пропадает ревность к работе. Правление стремится достичь как можно большего количества выработки продукта и совсем не обращает внимания на качество. Рабочие на государственных предприятиях совершенно не заинтересованы в работе, лишь бы прошёл день, а там – хоть трава не расти. Рабочие не имеют никакого контроля над производством. Кто-то управляет, кто-то платит деньги, кто-то получает деньги за произведенный продукт. Все рабочие находятся под надзором молодых комсомольцев, которым во всем дана неограниченная власть. Комсомолец над рабочим – царь и бог. Он может сказать всё, что ему подскажет его воображение. Ему верят, а рабочему веры нет. Рабочего могут без причины уволить с завода и дать такие документы, с которыми он не сможет поступить ни в одно государственное учреждение. Его запросто могут посадить в тюрьму, сослать в Соловецкий концлагерь.

И на государственных предприятиях рабочие хорошо зарабатывают, но, когда приходит день получки, они только руками разводят, получив на руки несколько жалких рублей, потому что остальное высчитывается на благотворительные цели, как-то: Мопр[11], Госзаем[12], Авиахим[13], Авиафлот, в Страхкассу[14], в Союз, за газеты и журналы, и т.д. На руки остается всего ничего.

---

11 МОПР – международная организация помощи революционерам.

12 Госзаем – ценные бумаги, облигации, выпущенные государством.

13 Авиахим – массовая общественная организация в СССР, существовавшая в 1925-1927 гг.

14 Страхкасса – касса социального страхования (составлено из сокращения слова «страховой» и слова «касса»).

Во главе управления стоят коммунисты, часто совершенно неопытные в деле. На основании всех этих данных, я и все мои сотрудники, рабочие, не хотели отдавать наш завод государству.

– В чём же вас обвиняют? – задал я ему вопрос.

– Меня обвиняют, чтобы создать судебное дело, арестовать и выслать, а завод – конфисковать.

– Разве государство не могло законным путем забрать ваш завод, не делая вам никакого насилия и вреда? – спросил я собеседника. – Ведь советское государство может это сделать иным путем – одним постановлением Совнаркома[15], и без всякой боли и недоразумений сделать ваш завод государственным.

– Да, конечно, они могли это сделать, но они понимают, что дело у них не пойдет так, как оно шло у нас, а поэтому нужно с нами разделаться и удалить нас. Они даже предлагали мне вступить в партию, но я не хочу.

Так мы долго рассуждали на разные темы. Они спросили, за что меня содержат в Доме предварительного заключения. Я ответил, что я проповедник, что обвиняют меня в переписке с нашими заграничными братьями по вере, но, конечно, причина не эта, а другая: наш Северный Союз – против того, чтобы принуждать всех наших членов церкви идти в армию, и за то, чтобы дать свободу каждому члену. Если кто-то убежден, что может спокойно идти на военную службу и даже на войну, то пусть идет, но если совесть препятствует, то можно отказаться – каждый поступай по собственному убеждению. Вот за это нас и арестовали. Меня три недели держали в одиночке, а теперь вот перевели к вам.

Из разговоров моих товарищей я узнал, что они иногда посещали наши собрания и знают некоторых проповедников.

Здесь было уже гораздо свободнее: надзиратель не прибегал и не запрещал петь. На столе лежало несколько книг. Мы могли беседовать о Боге. Инженер Л. был православным, а комсомолец И. с гордостью говорил:

– В природе есть какая-то сила, которая всё содержит, но человеку она не понятна. Я пока не хочу озадачиваться таким вопросом; пока ещё молод, хочу жить.

15 Совнарком – Совет Народных Комиссаров в СССР в 1917-1946 гг. – название высшего исполнительного и распорядительного органа государственной власти СССР.

Время было уже позднее. Свет выключили. Мы всё разговаривали. Они упросили меня спеть духовный гимн. Я рад был прославить Господа и тихим голосом запел:

О, образ совершенный
Любви и чистоты!
Спаситель, Царь смиренный,
Пример мой вечный – Ты.
На лик в венце терновом
Хочу душой взирать;
Хочу делами, словом
Тебе лишь подражать.

Хочу Твои слова я
Лишь в жизни повторять;
Хочу, благословляя,
Врагам моим прощать.
Хочу за них молиться,
Как Ты молил о них;
Хочу, как Ты, смириться
Среди сынов земных.

Во всём хочу Тебе я,
Спаситель, подражать;
Но мне всего милее
В Тебе лишь пребывать.
Хочу, в Тебе одетый,
ходить в Тебе одном,
Чтоб виден был везде Ты,
Чтоб Ты сиял кругом.

В Тебе пребыть желаю,
К Тебе хочу прильнуть;
Но лучше, умоляю,
Ты Сам во мне пребудь.
Тогда моё сознанье
Наполнит образ Твой,
И я, Твое созданье,
Навек сольюсь с Тобой.

Тогда уж не порывом,
А каждый миг земной

В общении счастливом
Я буду жить с Тобой;
Засветит «неземное»
Снаружи и внутри;
Погаснет «я» плотское
В лучах Твоей зари.

Усталый от одиночного заключения и недоедания, я не мог сильно и чисто петь, но моя любимая песнь привлекла внимание моих товарищей, и они просили спеть ещё. Я запел другую, глубокую по содержанию песнь, которая говорила о том, как Христос побеждает Своей любовью сердца людей.

О, как стыдно дни те вспомнить,
Дни духовной слепоты,
Как на Твой призыв, Спаситель,
Я Тебе ответил гордо:
«Всё я – сам, не нужен Ты!»

Но когда Тебя услышал,
Как молил Ты: «Всех прости!»
На кресте, скорбя, в крови весь,
Сердце смертное шептало:
«Частью – я и частью – Ты».

Час за часом познавая
Глубину Твоей любви,
Силу, сладость, исцеленье,
Тихо молвил со стыдом я:
«Меньше – я и больше – Ты».

Глубже всех морей глубоких,
Выше неба высоты
К нам любовь Твоя, Господь мой,
Весь сдаюсь я, умоляя –
«Быть ничем, чтобы всем был Ты».

После этой песни, поговорив немного, мы заснули. В этой камере я спал как дома. Было тепло, к тому же рядом со мною была труба парового отопления. Утром нам в форточку подали три куска хлеба. Здесь паек давали по одному фунту, но у моих

товарищей хлеб оставался нетронутым, т.к. они получали хорошие передачи от своих родственников. Утром покушали. Чай пили с сахаром. Часов в девять нас повели на прогулку. За три недели я в первый раз увидел свет Божий. Чистый морозный воздух действовал на меня благотворно, и я жадно вдыхал его. Посредине двора была высокая будка, на которой стоял часовой. Я увидел ещё не смытую кровь бедного часового, который покончил жизнь самоубийством. Во дворе нам не позволяли общаться с заключёнными из других камер и приближаться к ним, но держали на расстоянии пяти шагов.

Я внимательно всматривался в лица арестованных, а когда мы проходили мимо окон, прислушивался к каждому шороху в камерах, рассчитывая увидеть брата Шилова. Пятнадцать минут прошли быстро, и нам приказали идти в камеры. После прогулки камера показалась ещё мрачнее. Товарищи мои начали играть в домино, которое было сделано из спичечных коробок, а я принялся читать книги. В разговорах и чтении этот день прошёл совершенно незаметно. Вечером – снова пение и т.д.

В 4-м отделении в одной камере сидели трое заключённых из уголовного мира. Инженер рассказал случай из их жизни. Три уголовника сделали себе из бумаги карты и начали играть. Игра в карты в тюрьме запрещается. Надзиратель, посмотрев в «волчок», увидел, что они играют, открыл дверь, вошёл в камеру и потребовал отдать карты ему.

– Нет у нас никаких карт, – отвечают ему.

– Как – нет, я же сам видел в «волчок», что вы играли в карты! – закричал на них надзиратель.

– Вы ошибаетесь, товарищ надзиратель, у нас нет карт, – возразили ему.

После нескольких тяжеловесных слов надзиратель решил сделать обыск. Просмотрел внимательно одного, другого, третьего, но карт при них не оказалось. Обыскал их кровати – и там ничего не нашёл. Рассерженный, он плюнул на пол и пробкой вылетел из камеры. Ему было неловко, что он у них ничего не нашёл, а они только смеялись.

Спустя полчаса надзиратель снова заглянул в «волчок» и увидел, что они опять играют в карты. Он пригласил другого надзирателя и, открыв дверь, они вдвоём быстро вошли в ка-

меру. Их взорам представилась такая картина: «шпана» сидела у столика и читала книги, но карт на столе не было.

– Дайте сюда карты! – закричал один из надзирателей.

– Да нет у нас карт и не было никогда, – ответила «шпана».

Был произведен тщательный обыск, но карт действительно не было. Надзиратели были в недоумении – спрятать карты заключённые не могли, да и нет такого места в камере, где можно было бы это сделать. Закрыв дверь, они оставили «шпану» и удалились от камеры.

Спустя некоторое время надзиратель опять подкрался к камере, тихо открыл «волчок» и с удивлением увидел, что «шпана» снова играет в карты.

– Что делать? Как поймать? Где они берут карты? – рассуждали надзиратели и решили доложить об этом происшествии начальнику тюрьмы.

Начальник пришёл с помощником. Он посмотрел в «волчок», увидел, что заключённые играют в карты, заметил даже, какие карты, и кто держал колоду. Быстро открыв дверь камеры, начальник вбежал первый, а за ним – остальные. При виде начальника «шпана» встала со своих мест, но была совершенно спокойна, как будто ничего не произошло.

– Где ваши карты, в которые вы сейчас играли? – грозно потребовал начальник.

Пожимая плечами, ему ответили:

– Мы карт не имеем. Вы к нам придираетесь уже третий раз, но карт у нас нет.

Был произведен самый тщательный обыск, но карт не нашли. Начальник даже рассердился, что его так умело провели. Он не понял, в чём дело, но знал, что тут что-то не так. Закрыв камеру, их оставили в покое.

На другой день начальник вызвал одного из игроков к себе в кабинет, угостил его папироской и спросил:

– В чём дело? Мы видели, как вы играли в карты, произвели у вас обыск, но карт не нашли, а вы опять играли в карты?

Уголовник долгое время скрывал тайну, но начальник дал своё «честное пролетарское слово», что наказания не будет, и ещё что-то пообещал ему, и тогда тот открыл секрет. Секрет заключался в ловком действии рук.

– Когда вы начинаете делать у нас обыск, карты находятся в руках у одного из наших специалистов, и во время, когда вы подходите к нему, он незаметно кладет карты в ваш карман. А когда вы закончили его обыск, он ловко вынимает карты из вашего кармана и кладет в свой – вот и весь секрет. Когда вы нас обыскиваете, карты находятся у вас.

Начальник рассмеялся и приказал ему идти в камеру.

Кормление голубей

К окну нашей камеры каждый день прилетали голуби. Мои товарищи по камере получали хорошие передачи от родственников, а выдаваемый паек хлеба они разламывали на кусочки и клали голубям за решётку. Как только начинало рассветать, наши свободные гости, голуби, собирались на подоконнике и давали знать о себе своим воркованьем, а иногда – и дракою между собою. На железном щите, который закрывал окно, помещалось немного голубей, на подоконнике – тоже, а чтобы получить кусочек хлеба, их слеталось много, поэтому они подымали такой шум, что их приходилось отгонять от окна. Впоследствии я тоже отдавал свой паек хлеба нашим пернатым посетителям, потому что и мне раз в неделю посылали передачу с бельём и продуктами.

В одно утро я кормил голубей хлебом, раскладывая его на подоконнике, но они старались отнять кусочки друг у друга, и в этой борьбе за обладание хлебом теряли его, и он падал вниз. В это время внизу проходило начальство. (Наша камера была как раз над дверью, которая вела на тюремный двор.) Падающий хлеб попал на головы начальству, и, таким образом, внимание было обращено на нашу камеру. Я стоял у окна и, ничего не подозревая, кормил голубей. Вдруг дверь камеры с шумом распахнулась. Вошёл взволнованный надзиратель и начал кричать, что мы бросали хлеб на улицу и нарушили правила и дисциплину тюрьмы. Правила для арестантов, действительно, воспрещали кормить голубей. Мы извинились и дали слово, что не будем больше кормить голубей. Надзиратель, пригрозив нам лишением прогулок и передач, вышел. С этого дня мы уже не кормили гостей, которые доставляли нам столько удовольствия. Однако прирученные голуби долго не давали нам

покоя. Они прилетали к нам и стучали своими клювами по стеклу, ожидая от нас пищи.

Однажды, во время прогулки заключённых из других камер, я выглянул чрез решётку во двор, где гуляли арестанты, и увидел среди них брата Шилова. Сердце моё забилось от радости, что он был жив и здоров. Я хотел как-то подать ему сигнал, чтобы он обратил на меня внимание, но этого нельзя было делать, потому что часовой мог выстрелить без предупреждения, если кто-то выглядывал в окно.

Шилов находился в общей камере. Им разрешалось гулять целый час. Арестантов в общих камерах было много. Я заметил время прогулки Шилова и всегда наблюдал за ним, когда он был на прогулке.

Я не знал, что арестован и брат Иван Яковлевич Леварт. Однажды, осторожно выглядывая в окно, я заметил гуляющие группы по три человека. Эти группы не сходились друг с другом, они шли на расстоянии пяти шагов друг от друга. В одной из групп я увидел знакомое лицо брата Леварта. Он бодро шагал, подняв вверх лицо. Борода придавала ему солидность, хотя он был ещё совсем молодым. Брат Леварт тоже работал в нашем Северном Союзе как благовестник. Он имел отделение своей духовной работы в ... Духовная работа проходила у него весьма благотворно – собрания были переполнены. Многие души нашли покой у Христа чрез его проповедь. Я с большим вниманием выслушивал его глубокие и серьезные проповеди. Относительно военного вопроса он тоже был убежден, что его нельзя навязывать каждому насильно, но всякий должен поступать по своему убеждению. За это он и был арестован. Когда они закончили прогулку, я начал прислушиваться к звукам, куда их поведут. Мне показалось, что он был недалеко от моей камеры.

Однажды меня вызвали в коридор за передачей, и в коридоре я встретился с ним. Как мы были рады увидеться! С нами не было надзирателя, и мы обменялись с ним несколькими новостями. Долго задерживаться было опасно, и мы, пожав друг другу руки, разошлись. Его «пришили» к моему делу, так как в письме, которое попало следователю Макарову, была и его фамилия.

Передача от жены

Как-то после обеда меня вызвали в коридор и сообщили, что я могу получить передачу от жены. Я был очень рад и быстро направился в означенное место. Придя в указанную камеру, я увидел груду передач, сваленных в одну кучу. Одни были в мешках, другие – в ящиках и чемоданах. Надзиратели внимательно просматривали каждую передачу. Выбрасывая всё содержимое передачи на стол, они разрезали булки, отыскивая в них записки, оберточную бумагу сваливали в кучу, а продукты выдавали без обертки, в белье ощупывали даже все швы, смотрели на

свет перед лампочкой и, убедившись, что ничего подозрительного нет, выдавали передачу заключенному на руки. Надзиратели знали, кому посылались хорошие передачи и, заранее просматривая их, половину содержимого оставляли у себя. Первый раз мне выдали только бельё и подушку с одеялом, а продукты взять не разрешили. Я был очень обрадован и этому.

Несмотря на такой тщательный осмотр, сведения с воли всё-таки поступали. За большие же деньги надзиратели и сами передавали письма и даже носили ответы на дом к семьям. Переписка велась широко, хотя и была весьма опасна для заключённых. Иногда надзирателям разрешалось брать переписку от заключённых, но с тем, чтобы она сначала была доставлена следователю, который вёл дело заключенного. Всё важное для дела следователь оставлял у себя и подшивал как доказательство против заключенного. На такую приманку попались очень многие, а некоторые поплатились за это жизнью. Мои товарищи по камере делились со мною всем, что им присылали родственники.

Предательство надзирателя

Один заключённый был виновен в серьезном преступлении. Следователь никак не мог добиться от него признания, и дело затянулось. Он сидел и в одиночной камере, и в камере 4-го отделения, где сидят по три человека. Ему и угрожали, и уговаривали по-хорошему, чтобы он сознался, но все попытки не увенчались успехом. Наконец, следователь поручил надзирателю его камеры во что бы то ни стало добиться от него признания. Жил этот надзиратель при тюрьме, занимал там квартиру, и рьяно взялся за это дело. Он стал очень хорошо относиться к намеченной жертве. Заключённый был лишен свидания со своей женой, и надзиратель предложил ему свои услуги – что-нибудь купить для него. Ничего не подозревая, заключённый попросил его купить ему продуктов. Всё было выполнено. Надзиратель с него даже ничего не взял. Так шли дни за днями. Надзиратель приносил продукты, папиросы и всё, что нужно. Заключенному очень хотелось дать знать о себе своей жене. Он попросил надзирателя отнести ей маленькую записку. Тот сначала как будто отказывался, но потом согласился.

Записка содержала очень мало слов. В ней семейству сообщалось, что, мол, жив, здоров и надеюсь выйти на свободу. Надзиратель отнес эту записку по назначению и принес ему ответ от жены, которая сообщала, что рада вести о нём. Вскоре заключенному предложили свидание с женой. Ничего не подозревая, бедняга обрадовался такому предложению. Надзиратель, чтобы не дать повода заключенному подозревать его в предательстве, потребовал за услуги некоторую сумму денег. Заключённый был человек состоятельный и согласился дать ему эту сумму. Условлено было сделать свидание в квартире надзирателя, которая была при тюрьме. Заключённый написал жене письмо, просил довериться этому человеку и взять с собою определенную сумму денег.

Был назначен день свидания. Супруга с радостью и нетерпением ожидала этот день. Следователь потирал руки, что скоро поймает свою жертву и, конечно, получит похвалу и награду от начальства. Надзиратель же, человек с продажной совестью, надеялся получить и деньги за свидание, и похвалу от начальства за усердие.

Настал день свидания. Жена заключенного пришла на условленное место. Свидание было назначено днём, в спальной комнате квартиры надзирателя. Следователь пришёл в спальню заранее, и поудобнее устроился под кроватью. В условленный час надзиратель вышел к этой женщине, провёл её в свою квартиру и, оставив её одну в спальне, сам пошёл за её мужем. Открыв дверь камеры, он громко крикнул заключенному: «На допрос!», а затем тихо сообщил ему, что отведет его в свою квартиру на свидание с женой. Увидев свою жену, заключённый бросился к ней в объятья, от радости у обоих текли слёзы. Надзиратель сообщил, что они могут чувствовать себя здесь свободно и говорить обо всём, отворил дверь в столовую, давая понять, что из соседней комнаты их никто не будет подслушивать, и удалился.

Супруги начали рассказывать друг другу всё, что было у них на сердце. Муж поведал жене, как его здесь допрашивали, принуждая сознаться, но он ещё и до сего дня не сдался им. Следователь, сидя под кроватью, всё слышал. Он достиг своей цели. Вскоре пришёл надзиратель. Супруги простились. С бью-

щимся сердцем жена пошла домой, её муж – в камеру, а следователь со своими заметками – в кабинет.

На другой день заключенного вызвали к следователю и приказали подписать показания в протоколе. Он понял, какая для него была расставлена западня, но было уже поздно. Всё было кончено.

Свидание с женой

Приближался к концу январь. День за днём тюремная жизнь проходила обычным порядком. Мои друзья по камере получали свидания со своими родственниками и приходили с них ободренными. Я тоже ожидал, что вот-вот и меня вызовут, но время шло, а свидание мне не было разрешено. В неделю на нашу камеру выдавали шесть книг различного содержания, и я выбирал для чтения более серьезные. Но и книги читать мне уже наскучило. Однажды, во вторник, в день свидания, надзиратель вызвал и мою фамилию. Я был очень рад. Из 4-го отделения нас вызвали двадцать человек, поставили в шеренгу в тюремном коридоре, проверили всех по списку и повели вниз. Разговаривать в пути строго воспрещалось – за нарушение лишали свидания. Каждому сообщили номер окна, в котором можно разговаривать.

Нас привели в полуподвальное помещение, тускло освещенное электрическим светом. В середине комнаты стояли две проволочные решётки; одна со стороны арестованных, а другая – со стороны посетителей. Между решётками был проход шириною в метр, и в нём прохаживались два надзирателя, следящих, чтобы заключённые не передавали своим родственникам записок, а также – чтобы подслушивать разговоры. По всей линии решётки были окна – тоже из проволоки – и под каждым окном висел номер. Те, которые уже были прежде на свиданиях, быстро заняли свои места, и начался разговор. Пока я нашёл своё окно, между разговаривающими поднялся такой крик, как будто бы они перекрикивались друг с другом на большом расстоянии. Тихо разговаривать было нельзя, нужно было говорить громко, но так как все двадцать человек начали кричать, то разобрать, что говорит тот, кто пришёл на свидание ко мне, было совершенно невозможно. Люди начинали кричать изо всех сил, что-

бы перекричать других, поэтому и поднялся такой шум и крик. Люди престарелые, или те, кто имел слабый голос, просто стояли у решётки и уже не говорили, а только плакали, глядя друг на друга. В этом невероятном шуме очень трудно было уловить ответ того, с кем имеешь свидание.

Я нашёл своё окно, против меня стояла моя Л., но узнать её в полумраке было нелегко. Она начала что-то говорить мне. Я видел, что по её лицу текут слёзы, и не выдержал, зарыдал сам. Долго я старался уловить хотя бы одну мысль из её слов, но это мне никак не удавалось. Сделав из ладоней рупор, я начал кричать всё, что хотел передать. Она кивала головой в знак того, что понимает меня, но мне очень хотелось узнать что-либо и от неё: здоровы ли детки, как они живут, имеют ли хлеб, как обстоит дело Божие и т.д. Прижав к решётке левое ухо, я напряг слух, чтобы уловить среди крика что-либо от Л. Время свидания летело быстро. Радостно было увидеть, хотя и в полумраке, дорогое лицо моей Л. Я узнал, что дома всё благополучно, Господь не оставляет их и дает всё необходимое. Церковь молится за нас и надеется, что мы выйдем на свободу, потому что Всероссийский Московский Съезд баптистов вынес более приемлемую и удовлетворяющую правительство резолюцию. От нашей общины были посланы на съезд делегаты во главе с братом Н., который был убежден, что «военный вопрос» нам, христианам, принимать не следует. Другие наши делегаты, молодые братья, были такого же убеждения.

Раздался зычный голос надзирателя, объявлявший, что свидание закончилось. Время свидания продолжалось только полчаса. Кивнули друг другу головами, махнули руками, и я должен был отойти от решётки. Отойдя немного, я оглянулся назад. Л., прижавшись лицом к решётке, глядела мне вслед, на глазах её были слёзы. Когда мы вышли из комнаты свидания, из моих глаз тоже хлынул поток слёз. На душе стало тяжело и обидно, что люди так жестоки и бессердечны; оторвали от дорогой семьи и держат в этих тюремных стенах. Что я сделал? Какое причинил кому зло? Кого обидел? За правительство всегда возношу молитву и не хочу причинить им вреда. Почему они не понимают нас? Считают нас врагами только потому, что мы веруем в Бога. Мой Господь научил меня любить их, молиться за них и повиноваться им. Мне на память пришли слова

Апостола Павла: «Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы»[16]. Господь Иисус учил нас: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и всячески злословить и гнать. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах, так гнали и пророков бывших прежде вас»[17].

И, действительно, когда я вспомнил об этом, душу мою озарил необыкновенный свет, сердце наполнилось неземным миром и радостью. «Так должно быть, Господи! Да будет воля Твоя», – подумал я. В моём сердце загорался огонь – работать, работать, не щадя жизни, для Царствия Божия.

После свидания настроение совершенно изменилось. Душа рвалась на свободу. Я надеялся иметь свидание и в следующий вторник.

С друзьями я часто беседовал о Боге и о загробной жизни. Иногда беседа затягивалась до глубокой ночи. Я рассказывал им, как Господь меня нашёл и спас, как Он изменил мою греховную природу, и как я стал новым человеком. Они с интересом выслушивали свидетельство о Боге. Один из них после моих долгих наставлений убедился в том, что курение, действительно, приносит вред, и решился покончить с ним, а через некоторое время мы, уже вдвоём, убедили оставить курение и третьего заключенного. Наша камера стала некурящей. Воздух в ней сделался более чистым, и мы чувствовали себя здоровее.

Нелегальное письмо

У нашего товарища по камере И. закончился срок заключения. Хотя он и был комсомольцем, но общая камера сроднила нас, и мы чувствовали привязанность друг к другу. Он не был абсолютным атеистом, но ради куска хлеба стал комсомольцем и, на словах отрицая Бога, в душе всё же сознавал, что Бог есть. Мы понимали его и доказывали ему, что он должен открыто встать или за Бога, или против. Неопределенную позицию занимать опасно в двух отношениях: во-первых, если верить, что есть Бог, тогда не нужно скрывать этого пред людьми, а следует всем говорить о Нём, потому что кто стыдится и не исповедует Господа открыто пред людьми, тому Господь

16 Библия. 2-е Послание к Тимофею 3:12.

17 Библия. Евангелие от Матфея 5:12.

говорит, что и Он не будет исповедовать того пред Отцом Небесным. Такой человек в свете Слова Божия считается «двоедушным» и неосновательным. Вторая опасная сторона в том, что перед начальством ты выдаешь себя отрицающим Бога, а в душе веруешь. Рано или поздно будет выяснено, что поступаешь не по убеждению, и «последнее может быть хуже первого».

В тот день, когда И. должен был выйти на свободу, нам очень захотелось послать с ним письма к домашним, а сделать это можно было только нелегальным путем. Он согласился это сделать, рискуя за это попасть обратно в тюрьму. Мы надеялись, что он нас не предаст. Во время выхода на свободу всех внимательно обыскивают, чтобы тайно не передавали записок, но И. совершенно не подвергли обыску, имея к нему доверие как к комсомольцу.

И. вручил по назначению моё письмо, в котором я дал распоряжение относительно моих обязанностей как пресвитера церкви, и просил жену в пятницу принести мне продуктовую передачу, что она и сделала.

У следователя

Я находился под следствием уже два месяца. По закону власти должны в течение двух месяцев закончить следствие и определить моё положение. Фактически же никакого следствия не проводилось.

6 февраля 1927 года, в 10 часов утра, надзиратель, открыв дверь нашей камеры, вызвал меня на допрос к следователю. Сердце моё тревожно забилось. Я чувствовал, что наступил серьезный момент: или выпустят на свободу, или отправят в Соловецкий концлагерь на Белое море. Следователь Макаров, по обыкновению, любезно встретил меня и предложил сесть.

– Ну, как чувствуете себя теперь? – задал он мне вопрос.

– Хорошо, – ответил я ему.

– Может быть, вы сообщите мне что-либо новое? – продолжал следователь.

– Что же я могу вам сообщить, сидя чуть ли не в одиночной камере?

– Вы имели свидание с женой, и, наверное, она сообщила что-либо новое? – снова задал вопрос следователь.

– Разве вы никогда не бывали в этой комнате, где проходят свидания? – ответил я ему.

– Нет, не бывал.

– Жаль, что не бывали. Вам нужно побывать там, – предложил я ему. – На свидании стоит такой шум, что невозможно понять ничего, что там говорят. Всякий хочет перекричать другого, и из-за этого шума я не понял ничего, что мне хотела передать моя жена.

– Так вы не можете работать с нами, имея такие убеждения, – начал говорить следователь. – Вы знаете, что в Москве был съезд ваших баптистов, и была принята резолюция о «военном вопросе» – в лучшую сторону, чем было раньше. Ваши баптисты согласились на наше предложение признать «военный вопрос» обязательным для всех членов вашего Союза. Что теперь вы будете делать, и как будете относиться к резолюции съезда? – задал он мне вопрос.

– Мы сейчас ничего не можем делать, так как находимся в заключении, а что будут делать наши заместители, мы не знаем, да и не отвечаем за них. У нас в общине у каждого члена имеются свои убеждения относительно этого вопроса, – ответил я следователю.

– Как вы лично смотрите на эту резолюцию? – опять задал он мне вопрос.

– Я смотрю так, что если наши руководители Всероссийского Союза баптистов нашли нужным изменить общее положение по этому вопросу, и признать его обязательным для всех, то я не могу воспрепятствовать проведению его в жизнь нашим Союзом. Я человек в Союзе очень маленький, – закончил я свой ответ.

– Вы, гражданин Петров, отвечаете очень уклончиво. А я требую от вас прямого ответа: признаете ли вы постановление Союза обязательным для себя?

– Как же я могу дать вам положительный ответ, когда сам совершенно не знаком с резолюцией Союза и не знаю, что там постановили.

– К сожалению, я не имею у себя этой резолюции. Я читал её в «Известиях» (правительственный печатный орган в Москве). Наверное, в правление вашего Северного отдела она уже прислана, и вы должны её провести в вашей общине, а затем

– и в Союзе. Вы должны дать мне подписку, что согласны с резолюцией, и будете проводить её в жизнь. Если вы дадите эту подписку, то я выпущу вас на свободу, а если нет, поедете на Белое море в Соловецкий концлагерь.

Следователь замолк.

– Если бы я имел на руках резолюцию съезда и знал постановление Союза, тогда я, может быть, и дал бы подписку, но эта подписка была бы только лично за меня, а не за наш отдел.

– Пойдите обратно в камеру и хорошо подумайте, а вечером я вызову вас, – Следователь Макаров выглядел очень взволнованным.

Я вышел из кабинета и вернулся в камеру. Мои товарищи заметили на моем лице тревогу и печаль, начали спрашивать «что и как?» Я им ответил, что следователь обещает отправить меня в Соловецкий концлагерь.

– Ну, это он так пугает, не пошлет, – утешали меня.

После обеда чтение не шло. Я лег на кровать и задумался. Почему я так упорствую? Если старые братья, опытные и испытанные во всём, нашли нужным провести военный вопрос в пользу государства, то что же я буду упорствовать и подвергать себя ненужным страданиям?.. Так хотелось выйти на свободу и с ещё большим усердием трудиться в общине и в Союзе. Быть среди дорогого семейства... Как хорошо после двухмесячного заключения быть на свободе, дышать чистым воздухом, чувствовать и видеть жизнь, свет и радость... Но нет. Не могу я дать такую подписку. Может быть, братья из-за страха или каких-то других причин вынесли такую резолюцию, которую я не могу принять. Пусть они делают всё, что найдут нужным и справедливым... А что решат мои дорогие заключённые? Хорошо было бы поговорить с ними и обсудить этот вопрос. Вечером меня опять вызвали к следователю.

– Ну что, решили давать подписку? – задал мне вопрос следователь.

– Нет, гражданин Макаров, подписки такой я вам дать не могу по той причине, что я не знаю, в какой плоскости нашим Всероссийским съездом признан военный вопрос. Если вы дадите мне на руки резолюцию, тогда я, возможно, что-либо смогу ответить в положительном смысле.

– Что же вы, не верите, что я говорю вам правду? Если Московский Союз признал это обязательным для всех ваших членов, то ваш Северный отдел должен последовать за ним и принять такую же резолюцию.

Следователь говорил спокойно. Я почувствовал, что в нём произошла перемена в лучшую сторону.

– Зачем же вы меня заставляете дать вам подписку, разве я один в правлении Союза? Один провести этот вопрос я не берусь, как решит большинство, так и будет. Вы же знаете мои убеждения по этому вопросу. В наших общинах каждый член имеет свои личные убеждения, и все наши постановления не будут иметь силы, т.к. наши члены идут не за нами, а следуют за Христом и выполняют только Его желание и волю. Если резолюции наших съездов – против убеждения кого-либо из членов, то он свободен от них. Резолюции съезда приемлемы постольку, поскольку они не идут вразрез с личным убеждением члена.

– Вы уплачиваете государственные налоги? – задал мне вопрос следователь.

– Да, платим, потому что это не расходится с Писанием, – ответил я.

– Разве вы не знаете, что большой процент налогов идет на содержание армии?

– Я знаю это, и вы можете употреблять по своему усмотрению средства, получаемые от налога. Мы в этом также исполняем повеление нашего Господа, Который сказал: «Кесарево отдавайте кесарю, а Божие – Богу»[18]. По своему личному желанию я вам не дам ни одной копейки, а если вы требуете это на основании закона, тогда я подчиняюсь ему, а за те средства, которые берете с народа, вы будете отвечать сами. Мы во всём беспрекословно подчиняемся государственным законам, если они не нарушают наших убеждений.

– А какие ваши личные убеждения могут быть против закона государства? – задал мне вопрос следователь.

– Если бы вы издали закон, чтобы мы, верующие, не проповедовали никому Евангелие, то ваш закон для нас не обязателен, так как закон Бога выше законов государства. Если бы вы

18 Библия. Евангелие от Матфея 22:21; Евангелие от Марка 12:17; Евангелие от Луки 20:25.

издали закон, чтобы люди не верили в Бога, такой закон для нас тоже не обязателен.

– Вы, гражданин Петров, должны работать вместе с нами, рука об руку. Мы строим новую жизнь, где все будут равны и счастливы. Вы скоро убедитесь, что мы сможем и без вашего Бога создать рай на земле, – заявил мне Макаров.

– Когда вы создадите рай на земле, тогда мы будем и говорить с вами иначе, а теперь, когда нет ещё вашего рая, мы не будем терять на это время. Ваши законы и декреты не делают людей благородными и честными. Все ваши тюрьмы переполнены. Вы строите новые за неимением места в старых. Вы открыли много концлагерей, чего раньше не было. У вас каждый день проходят ужасные судебные процессы, чего раньше не было. До невероятности развито пьянство, со всеми его последствиями. Публика стала такая «честная», что в кармане нельзя держать даже носового платка. Служащие ваших государственных учреждений часто делают растраты государственных денег. И даже суровые меры наказания не останавливают преступлений. Вы уже девять лет строите новую жизнь, но она всё ухудшается. Если вы своими идеями думаете осчастливить мир в будущем, то почему же они сейчас бессильны переродить человека? Бог сказал чрез Христа: «без Меня вы не можете делать ничего»[19]. Я уверен, что ваша идея приведет и вас самих, и всех к катастрофе. Разве вы не знаете, что народ с радостью согласился бы вернуться к старому? Вы, наверное, знаете историю, как комиссар из Москвы посетил Кавказ. В одном ауле он расспрашивал людей о том, хорошо ли им живется, и спросил: «Нравится ли вам наша коммунистическая свобода?» «Да, – ответил один, – она очень хороша, но очень долго тянется. Вот если бы она была покороче, тогда лучше было бы». Я вам говорю правду в глаза, что своими идеями – без Бога – вы не достигнете ничего.

Я замолчал.

– А что вы сделали хорошего, чтобы можно было бы показать миру, с вашими идеями любви, милосердия и прощения? – возразил следователь. – Я прекрасно знаю учение Евангелия. Вот оно, всегда у меня на столе (достал Библию и показал мне).

19 Библия. Евангелие от Иоанна 15:5.

Сейчас у меня нет времени долго с вами беседовать, я занят, но когда-либо мы побеседуем на эту тему: что сделали вы в течение 1926 лет, и что думаем сделать мы – в короткий срок. Вы своими миролюбивыми действиями не можете провести в жизнь многих идей Христа. Руководители церквей закабаляли темную массу. Вашими идеями многие воспользовались, чтобы взять власть в свои руки и творить темные дела. Об этом нам говорит беспристрастная история. Мирным путем с массой вообще ничего не создашь. А мы уверены, что путем оружия, меча и пуль мы создадим другое царство и другую систему. После революции мы получили в наследие испорченных людей, способных только на преступления. Нет, гражданин Петров, не возражайте мне, а лучше дайте подписку, что признаете постановление съезда в Москве.

– Я дам вам подписку, только если буду иметь на руках резолюцию съезда, иначе не могу.

– Ну, тогда дайте честное слово, что, когда вы будете на свободе, то вы дадите мне подписку о признании резолюции.

– Да, такое слово я могу вам дать.

– Ну, вот я и решил выпустить вас на свободу, в надежде, что мы будем работать вместе.

С лукавой улыбкой следователь подал мне руку.

– Благодарю вас, что вы выпускаете меня на свободу, но и эти два месяца вам не нужно было держать меня в тюрьме.

– Сегодня вечером я не могу вас выпустить, т.к. канцелярия тюрьмы уже не работает, да и ордер об освобождении должен быть подписан начальником ГПУ… Вы будете выпущены завтра после обеда, – закончил следователь.

Я не придал большого значения словам следователя, вернулся в свою камеру и сообщил, что завтра, может быть, выйду на свободу. Вечер прошёл быстро, наступила ночь. Мои друзья просили передать их родственникам записки. Я обещал. Записки были приготовлены. Сон бежал от меня. В голове родились тысячи мыслей и предложений. Моя Л. и детки не знают, что завтра я буду дома. Какая радостная будет встреча! Воистину, верующему всё содействует ко благу и на пользу. Не помню, как я заснул.

Утром мысль, что сегодня я буду на свободе, опять завладела мною. Я представлял, как встречусь с домашними, решил

сначала сообщить им по телефону, но потом передумал – лучше приду нечаянно. Надзиратель прервал мои мысли и вызвал меня на допрос к следователю. Тревожные мысли одна за другой сменялись в моём воображении. Следователь обещал сегодня выпустить, а теперь опять зовёт на допрос. Что-то будет?

В кабинете я увидел следователя Макарова, сидящего за своим столом. Он предложил мне сесть на вчерашнее место и заговорил.

– Хотя я и обещал сегодня вас выпустить на свободу без подписки, но начальник ГПУ меня за это выругал, и я приехал, чтобы взять подписку. Если не дадите, то я уже не знаю, что мне с вами делать.

Для меня настал решительный момент: подписка, а затем – свобода; не подпишусь, значит останусь в тюрьме на неопределенное время, а, может быть, и навсегда. Я задумался; мысленно обратился за помощью к Господу.

– Гражданин Макаров, подумайте, сами, к чему вы принуждаете меня; не назовёте ли вы сами меня нечестным человеком и «шкурником»? Что хотите, делайте со мною, но дать подписку я не могу и никогда этого не сделаю. Хотя мне хочется быть на свободе, но ради правды я готов жертвовать собою.

– Поверьте мне, – заявил следователь, – что я сам читал эту резолюцию, но только не могу достать этот номер «Известий».

Я заметил лукавство на его лице, и ещё более решил стоять на своём, не поддаваясь ни на какие обещания. Если Сам Господь откроет для меня дверь тюрьмы, тогда они не смогут удержать меня в ней. Слава Ему, что Он дает нам такое упование! Я сразу почувствовал, что тут есть что-то нечистое. Газету «Известия» он мог достать всегда, да она, наверное, и тогда была у него в портфеле.

– Нет, гражданин Макаров, такой подписки я вам не дам, принципиально не дам, не хочу играть с вами втемную.

Макаров некоторое время сидел, задумавшись, что-то соображая, а перед ним лежал напечатанный в три строчки бланк, приготовленный для того, чтобы подсунуть его мне для подписи.

– Но вы даете слово, что подпишите, когда я вас освобожу?

– Да конечно, – ответил я, – тогда я буду знать, что я делаю и что подписываю.

– Ну, так и быть, я верю вам, вы пойдете сегодня на свободу. По выходе из тюрьмы, через несколько дней вы должны прийти в нашу канцелярию на Гороховую, 2, ко мне в кабинет, а сейчас идите в камеру.

Я вернулся в камеру. Рассказал своим друзьям всю историю, и они были рады за меня. После обеда я собрал свои вещи и с минуты на минуту ожидал, что вот-вот откроется дверь камеры, и я буду вызван, чтобы идти на свободу. Время шло медленно. Начинало темнеть, а меня всё не вызывали. В душу начали закрадываться всякого рода сомнения. Что будет дальше? Идет седьмой час, раздали ужин, но я ничего не брал. Скорей на свободу! Ах, как душа хотела вырваться из этих стен! Восемь часов вечера. Скоро будут ложиться спать. Значит, я остаюсь… По коридору прошёл надзиратель, сообщив, чтобы все ложились спать. Значит, я не освобожден. Я развязал вещи и начал расстилать себе постель.

В камере у нас сегодня было уныло. Шутить никто не хотел. Я опять предал всё в распоряжение моего Господа. Спать не мог и думал – а может быть, ещё и вызовут, всякие случаи бывают, задержка могла произойти по разным причинам.

Не допустили до свидания

Моя жена не подозревала, что вечером я буду освобожден. Ей выдали разрешение на свидание. Разрешение получили также жена Шилова и сестра Леварта, они пришли все вместе. Жена Шилова первая получила свидание с мужем, но он сам не знал, что будет освобожден. Сестра Леварта при свидании с братом Иваном тоже ничего не узнала об освобождении. Хотя следователь в эти дни вызывал Шилова и Леварта к себе и требовал от них признать резолюцию съезда, но они отказались, а потому и не знали, что их отпустят на свободу.

Моя жена подошла к «решётке свиданий», и ей сообщили, что меня в камере нет. Она начала объяснять, что я должен быть здесь, т.к. ГПУ выдало ей разрешение на свидание. Никакие доказательства не помогли. Надзиратель подтвердил, что меня здесь нет, и посоветовал обратиться в справочное бюро, чтобы узнать, куда меня перевели.

Жена очень расстроилась от этого сообщения. С огорчением все три женщины оставили стены тюрьмы и направились в справочное бюро на Гороховую улицу. Там им тоже сказали, что ничего не знают о переводе, и предложили прийти через несколько дней. С Гороховой они направились на Выборгскую сторону в тюрьму «Кресты». Там тоже сообщили, что ничего не знают, и что разыскиваемый заключённый к ним не поступал. Было уже четыре часа дня. Начало темнеть. Усталая и огорченная жена решила пойти домой, чтобы с утра снова начать поиски исчезнувшего мужа. Придя домой, к деткам и родственникам, она сообщила им о моём исчезновении. Все были в тревоге за меня, а я в это время уже радовался предстоящему освобождению.

На свободе

В камере было тихо, мы не вели никаких бесед; мои товарищи чувствовали моё огорченное состояние. Было уже девять часов вечера. В камеру вошёл надзиратель и приказал мне собирать вещи и отправляться в канцелярию. Собрав вещи и простившись с товарищами, я вышёл в коридор. Двери камеры заперли на замок. Я уже чувствовал свободу и благодарил Господа. В коридоре у стола дежурного стояло ещё несколько человек с вещами, по-видимому, также предназначенных к выходу на свободу. Все вещи были внимательно просмотрены, затем надзиратели тщательно обыскали всё, что было на нас надето, но сапог с ног не снимали. После обыска повели в канцелярию тюрьмы. Сюда привели ещё партию человек в пять, и среди них был брат Шилов, но брата Леварта не было. Когда бумаги были готовы, с нас взяли подписку о невыезде из Ленинграда и выдали пропуска, объявив, что мы свободны и можем идти из тюрьмы. Забрав свои вещи, мы все, человек десять, направились к выходу. За нами уже никто не шёл с винтовкою. Часовой, проверив наши пропуска, отворил пред нами ворота, и мы ринулись с тюремного двора на Шпалерную улицу. Все быстро разбрелись в разные стороны, остались только мы с братом Шиловым.

Мы увидели небесный свод с мириадами мерцающих звезд и благодарили Господа. Улица была ярко освещена. Стоял сильный мороз. Мы свободно вдыхали чистый воздух. Да, теперь

мы на свободе. Нам встречались люди с поднятыми от мороза воротниками. Все спешили, мороз подгонял пешеходов. Вышли на Литейный проспект, где была масса пешеходов. Жизнь кипела, быстро неслись туда и сюда трамваи. Всё казалось прекрасным и любопытным, как будто я первый раз попал в круговорот этого шумного города.

Простившись с братом Шиловым, я вышел на набережную реки Невы. Река была покрыта льдом и снегом. Вдалеке, на противоположном берегу, вся набережная была залита огнями. Остановившись от наплыва чувств, я не мог идти дальше, и не знал, что мне делать. Постояв немного и придя в себя, я сообразил, что нахожусь у Литейного моста. Чистый морозный воздух действовал на меня опьяняюще и приводил в экстаз от радости – ведь я свободен. Вдали, в ночной тишине, вырисовывался силуэт Петроградской стороны с мерцающими огнями, а там находилось моё дорогое семейство. Сколько будет радости сегодня вечером, когда они откроют дверь, и вдруг увидят меня. Нет, не буду сообщать по телефону, а явлюсь неожиданно.

Дойдя по набережной до Дворцового моста, я сел в трамвай. С моими вещами я решил не проходить в вагон, а остался на площадке. Трамвай быстро докатил до угла Введенской улицы. Когда я сошёл с трамвая, было уже более десяти часов вечера. Посмотрев кругом, я направился к своему дому. Ворота дома ещё не были закрыты. Пройдя двор, я никого не встретил. Вот я и дома! Поднявшись по лестнице на пятый этаж, я увидел двери своей квартиры. Всё было тихо. Постояв немного, я нажал три раза. Сердце билось от предстоящей радостной встречи.

Кто-то подошёл к двери.

– Кто там? – раздался голос у двери.

– Свой, – ответил я, стараясь изменить голос.

Открылась дверь, и я увидел на пороге дочку. Она бросилась ко мне, расцеловала и потащила к жене, которая сидела и качала в коляске ребенка. Для неё моё появление было совершенно неожиданным. Она бросилась ко мне на шею, из глаз потекли слёзы радости. Почти все дети спали, но их разбудили. Сколько было радости – описать невозможно! Мы благодарили нашего Небесного Отца за Его милость, что Он дал нам возможность снова быть вместе.

Жена рассказала мне о сегодняшнем случае, как её обманули, сказав, что меня нет в камере, и она не знала, куда меня увезли, и где искать. Но вот, после таких огорчений – неожиданная радость. Слава Богу!

Встреча в молитвенном доме

Утром я долго пробыл в кровати. Новая обстановка и тишина подействовали на мои расстроенные нервы. Утром меня никто не тревожил. Форточка в камеру не открывалась, никто не кричал зычным голосом: «жареная вода!» (Так в тюрьме называли кипяток.) После завтрака я прошёл в свою рабочую комнату. На письменном столе лежала масса корреспонденции. Я решил пока всё оставить и посетить молитвенный дом. Меня снова повлекло на подвиг страдания. Тюрьма и все её последствия были уже не страшны. Я понял, что в страданиях душа верующего получает крещение, освящение и очищение. Апостол Петр предлагает с радостью принимать огненное испытание, потому что святой огонь страдания уничтожает всё плотское, а устоит только Божие.

В молитвенном доме меня встретили с большой радостью. Снова я оказался в родной семье Божиих детей. Драгоценная кровь Господа нашего Иисуса сделала нас одним народом, влекомым святой любовью друг ко другу. Мы приветствовали друг друга и благодарили Господа за дарованную нам милость. Было собрано заседание совета Северного Союза Баптистов. После заседания я вернулся домой и начал приводить в порядок все свои дела. Было много писем от общин со всей России и денежных переводов на заказ духовной литературы, которую мы выписывали из-за границы. Нужно было выплачивать жалованье нашим союзным работникам и т.д. После длительного перерыва и вынужденного отдыха я находил большое удовольствие в работе.

Вечером было собрание. Весть о нашем освобождении облетела почти всех членов общины. Зал был переполнен. Взойдя на кафедру, я не мог удержать слёз радости и, сквозь слёзы приветствовав дорогих братьев и сестёр, предложил склонить колени и благодарить Господа за дарованную нам свободу, что Он сохранил нас, и мы теперь вместе. Полился поток благода-

рения и хвалы Господу за всё, что Он совершил. После молитвы нас, освобожденных, приветствовали братья и сёстры, а мы рассказывали им о своих переживаниях в тюрьме.

Первым говорил брат Леварт, вторым – Шилов, и затем – я. Собрание затянулось. В мире и с молитвой Господу все разошлись по домам. Я тоже вернулся на свою квартиру, где меня ожидали любовь деток и теплота домашнего очага.

Вечером на Петроградской Стороне в отделении общины было назидательное собрание. Это отделение имело более двухсот членов. Оно особенно было дорого моему сердцу, потому что эта работа была начата в 1922 году с немногими членами. Господь обильно благословил наш труд, и в течение короткого времени образовалась большая группа спасенных братьев и сестёр. Собрание было переполнено. При моём появлении на кафедре многие сёстры и братья плакали. После приветствия началась молитва благодарности нашему Творцу. Исполненные Святым Духом, все чувствовали небесную теплоту и любовь. С особенным воодушевлением мы в заключение пропели гимн:

О, нет, никто во всей вселенной
Свободы верных не лишит,
Пусть плоть боится цепи тленной
И пусть тюрьма её страшит.
Но мысли, тьмой порабощенной,
Сам Бог любви свободу дал,
И цепи ей, освобожденной,
Доныне мир не отковал!

Во время этого гимна моя душа переживала особенное духовное настроение. Эта песнь ещё глубже утвердила мысль, что мы страдаем за правое дело: мы ведем мир к истинной свободе, основанной на абсолютной братской любви и уважении. Я ясно понял слова Апостола Павла: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? ... Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»[20].

20 Библия. Послание к Римлянам 8:35-39.

Апостол написал такие слова, потому что он и сам был гоним, был в тюрьмах, и ничто не могло поколебать его. Жалок и беден мир со всеми своими уговорами и хитрыми сетями: ему не уловить чад Божиих. Слава Ему, искупившему нас Своею кровью!

Поездка в Москву

На третий день после освобождения мы собрались в молитвенном доме для обсуждения союзных вопросов. Были приглашены братья, делегаты от Петроградской Общины на Всероссийский съезд, проходивший в декабре 1926 года. Братья сделали доклад о съезде. Нас особенно интересовал военный вопрос. Сообщили, что съезд принял резолюцию по военному вопросу, и что верующие должны признать его для себя обязательным, хотя было примечание, в котором говорилось: «согласно его убеждению». Этой резолюции на руках они не имели, т.к. постановления съезда ещё не были отпечатаны. Братья передавали, что съезд был очень неудачным. Представители ГПУ были на каждом заседании и записывали все высказанные мнения.

Особенно усердствовал чекист Тучков. В его руках, как рассказывали, находились тысячи жизней заключённых в московских тюрьмах. Он имел власть, как древний вавилонский царь Навуходоносор. Всё было в его воле и власти. Все дрожали пред ним. Десятки тысяч людей преждевременно сошли в могилу по воле «товарища» Тучкова. Это исчадие ада, в нём нет сердца. По происхождению он еврей. (Фамилия Тучков – это не его фамилия, это псевдоним.) История запишет его кровавую деятельность, и когда-либо мир узнает обо всех ужасах этого человека-зверя. Тучков образован, и в разговорах не проявляет грубости, но подходит к душе очень умело, тонко и жалит, как гремучая змея. Он убивает не только тело, он умеет мучительно терзать душу человека. Испанская инквизиция бледнеет пред теми ужасами и издевательствами над человеком, какие совершает «культурный зверь» Тучков. Таковых «культурных» истязателей в России – тысячи. От них всё тяжко стонет и погибает в муках.

После нашего братского совещания я решил поехать в Москву и подробно узнать всё, но предварительно я должен был

испросить разрешения на выезд у следователя ГПУ Макарова, т.к. с меня взяли подписку о невыезде из Ленинграда.

Отправился в ГПУ. В конторе пропусков мне сообщили, что Макарова в канцелярии нет, а есть начальник секретного отдела Шибов. Я попросил пропуск к нему. Начальник Шибов любезно принял меня и сообщил, что следователь Макаров простудился и лежит больной. Шибов был простой деревенский мужичок, со спокойным характером. Из беседы с ним было видно, что у него совесть ещё не совсем потеряна. Он часто соглашался с моими доводами, что их политика нетактична, но говорил, что явление это временное, и когда они будут чувствовать, что больше нет врагов, тогда дадут свободу всем. Тогда и можно будет свободно проповедовать Евангелие. Он говорил: «Мы сейчас сами не верим в Бога и преследуем религию только потому, что она хочет достигнуть равенства и счастья людей без меча, а мы достигнем этого с мечом в руках, и тогда не будем принуждать вас вступать в армию. Когда наши враги будут уничтожены, тогда мы и сами сложим оружие и перекуем на серпы и плуги, как говорит ваша Библия».

Я спросил его:

– Кто же ваши враги?

– Весь капитал, вся капиталистическая система, все люди, которые служат капиталу и поддерживают его, – ответил гражданин Шибов.

– В России вы уже достигли своей цели, – ответил я ему, – теперь всё народное, капиталистов нет, и теперь вам остается заняться мирным строительством и дать всем свободу.

– Нет, у нас в мире ещё много врагов. Мы успокоимся только тогда, когда капитал всего мира будет уничтожен, и во всём мире будет власть трудящихся, – возразил Шибов.

– На вашем месте я не делал бы так, а задался целью провести в жизнь идеи коммунизма в своей стране, но добровольно. Тогда вы показали бы миру на практике всю важность коммунизма, и не нужно было бы затрачивать так много народных денег на агитацию за границей – весь пролетариат увидел бы это сам и не замедлил бы провести у себя то, что есть у вас. Я думаю, что ваша борьба напрасна и бесцельна. Идеи так и останутся идеями, а жизнь диктует другое. Вы знаете, что коммунистов много, а практических работников нет.

– В этом вопросе вы правы, гражданин Петров. Наши коммунисты ещё не доросли до того, чтобы провести в жизнь всё задуманное. Даже у сознательных из нас остались задатки старых традиций, но мы надеемся воспитать молодое поколение, которое будет более практичным.

Затем он в шутливом тоне спросил, как я чувствовал себя, находясь в тюрьме.

– Для меня как для верующего тюрьма не приносит вреда. Но если вы преследуете Бога и Его последователей, то далеко с вашей свободой не уйдете.

– Знаете, гражданин Петров, вы не обижайтесь на это, нам нужно было вас подержать немного. Теперь, я надеюсь, мы будем друзьями.

Много я говорил с ним и, наконец, сообщил ему цель своего посещения:

– При выходе из тюрьмы вы взяли с меня подписку о невыезде, а я хочу поехать по делам в Москву, разрешаете мне это сделать?

– Да, конечно, во всякое время. Хотя тюрьма и имеет для всех такое положение, такой порядок, но вы могли ехать, не спрашивая разрешения, – ответил Шибов.

– Благодарю вас, я не знал этого.

Выйдя из этого кошмарного учреждения, я размышлял над его словами: «быть с ним друзьями». Что бы это могло значить? Хорошо, что Макарова не было, он снова начал бы требовать ответа и подписки о резолюции съезда, а я ещё не ознакомился с ней по-настоящему. В душе у меня шевелились недобрые чувства по поводу поведения Шибова и его предложения «быть друзьями». Я был рад, что моё посещение обошлось благополучно, потому что ГПУ – это такое место, в которое можно свободно войти, но вот выйти оттуда возможно не всегда. Когда подходишь к зданию ГПУ, душа вся напряжена, всем существом овладевает какой-то страх и думаешь: «Выйдешь ли отсюда?» Только когда выходишь из этого здания, душа освобождается от страха. Я на минуту зашёл домой и направился в молитвенный дом – поделиться с братом Шиловым своим желанием поехать в Москву и подробно выяснить всё, что нам было неясно. Шилов одобрил моё намерение, и на другой день я уехал.

В Москве братья были рады нашему освобождению, сожалели, что мы не могли быть на Всероссийском съезде. Военный вопрос всегда был вопросом спорным и не до конца выясненным, а на съезде все пришли к одному соглашению и вынесли общую резолюцию.

Они передали мне все подробности съезда, подчеркнув, что делегаты общины Северного Отдела воинственно отстаивали свои убеждения и были в корне не согласны с резолюцией, а за свою резкость лишены были даже голоса на съезде.

Мне вручили протоколы съезда в печатном виде. Из этих протоколов я узнал, что военный вопрос стоял на съезде весьма серьезно. Его решению уделили много времени, выслушали два специальных доклада. Один доклад сделал секретарь Союза И., а другой доклад – председатель Дальневосточного Союза баптистов Яков Яковлевич Винс.

Доклады были сделаны серьезные, из практической жизни, и ратовали за принятие баптистами воинской повинности наравне со всеми гражданами. Были доклады и против, но они не были напечатаны в протоколах, потому что ГПУ не разрешило этого сделать. Доклады против принятия воинской повинности были также весьма богаты фактами и цитатами Священного Писания, но большинство голосов решило признать военную государственную службу обязательной, наравне со всеми гражданами страны. Я помещаю здесь два первых доклада за признание военной службы[21], но докладов против военной службы не печатаю, т.к. не мог найти необходимого материала.

Неудавшийся темный план Макарова

По приезду из Москвы, я решил пойти к следователю Макарову и высказать ему своё мнение относительно военного вопроса. Макаров принял меня и начал расспрашивать, что нового слышно в Москве. Я ответил коротко, и хотел уже подробно говорить по поводу резолюции московского съезда, но Макаров перебил меня заискивающим голосом:

21 Доклады в журнале «Свет к просвещению» не были опубликованы. Прим. И. Шнайдера.

– Вы, гражданин Петров, наверное, теперь исполните данное обещание подписать этот бланк? В нём и написано-то всего три строчки.

В это время всем моим существом я почувствовал какую-то жуткую угрозу. Руки мои дрожали. Я прочитал напечатанные четким шрифтом три строчки:

«Я обязуюсь быть тайным секретным сотрудником при секретном отделе ГПУ».

Я поднял вопросительный взгляд на Макарова и спросил:

– Что это значит? Вы шутите? Или что вы хотели этим сказать?

Макаров, смущенный, с минуту сидел молча и, краснея, ответил:

– Да вы, гражданин Петров, сами обещали мне дать подписку, когда я выпускал вас из тюрьмы. Если бы вы не дали мне слова, то я вас не выпустил бы.

– Вы ошиблись, гражданин Макаров. Я такого обещания не давал и не подпишу бланк. Я обещал дать подписку относительно резолюции нашего Союза баптистов, да и то – только в том случае, если резолюция не будет идти вразрез с моими убеждениями. Вы хотите насильно принудить меня стать вашим агентом, но на это я не согласен, и позвольте мне оставить вас.

Макаров принял угрожающую позу, лицо его побагровело.

– Нет! Вы не выйдете отсюда до тех пор, пока не подпишите мне этот бланк, и вы никогда не увидите света.

– Как вам не стыдно обманывать и прибегать к таким приемам! – возразил я Макарову. – Как у вас хватило совести предлагать мне такие вещи, к тому же таким нечестным образом?! Вы знаете, что я вам не давал такого обещания, а вы мне в глаза врете и принуждаете это сделать. Вы думаете, мне тюрьма страшна? Нет, вы ошибаетесь, даже если бы мне пришлось умереть, я никогда не пойду на предательское дело.

Я замолчал. Лицо моё горело. В душе всё кипело. «Вот на чём держится власть рабочих и крестьян. К чему может привести такая система?» – думал я.

Макаров начал выливать на меня потоки грязи и ругался самыми нецензурными словами, угрожая мне Соловецким концлагерем. Я молчал, не желая ничего отвечать. После ругани

он, изменив свою тактику, начал спокойно говорить, что ему будет неудобно перед начальником ГПУ, т.к. он дал слово, что я подпишу согласие на работу с ними.

– Почему вы не сказали мне этого, когда я был ещё в тюрьме? – задал я вопрос. – Вам не нужно было бы ставить себя в неловкое положение перед начальником. Вы, как коммунист, должны были действовать честно и открыто. Я нахожусь в вашей власти, и что вам покажется справедливым, то и делайте со мною, но я не подпишу ваш бланк. Я христианин и готов на всё доброе и хорошее, но на предательство – никогда.

Макаров оставил меня в кабинете одного, а сам вышел. Сидя один, я решил, что лучше умереть, но не идти на сделки с совестью и быть предателем, ведь столько братьев таким образом уже попалось в расставленные обманом сети. Некоторые впоследствии сами говорят, что являются секретными сотрудниками и каются, а другие скрывают своё сотрудничество, но их изобличают и отлучают от церкви. Цель ГПУ – опозорить перед обществом и в общине пойманного в сети проповедника. Чекисты сами стараются подвести его и дискредитировать перед церковью, а иногда против него собирают судебный процесс, и за измену и контрреволюцию приговаривают к высылке в Соловецкий концлагерь.

Мне вспомнился прискорбный случай с одним таким служителем церкви. Он имел огромное влияние в церкви и среди всех людей, был очень честным, и агенты ГПУ, подосланные к нему, ничего не могли найти против него, хотя следили за ним днём и ночью. Человек этот был уже пожилым, с седой головой. У одного сотрудника ГПУ созрел план опозорить этого служителя: ему вручили повестку из ГПУ с приказанием явиться в определенное время, и он со спокойной совестью пришёл туда.

Начальник секретного отдела принял его и предложил написать духовную статью в журнале, издаваемом органами ГПУ. Тот сначала отказывался, но его уговорили написать о современной церкви. Ничего не подозревая, он написал статью и сдал её в редакцию.

Статья была напечатана, и его пригласили в контору редакции, где ему предложили за труд некоторую сумму денег. После уговоров он согласился получить её, и должен был расписаться в ордере и на бланке в получении денег. Через не-

сколько дней он снова получил из ГПУ повестку явиться в назначенный день. Явился, приняли любезно, разговор вели на духовные темы, а затем прямо предложили быть на их стороне и давать некоторые сведения о церкви. Тот начал отказываться и не давал на это своего согласия. Видя такое упорство, чекисты заявили, что с такого-то числа он уже находится у них на службе, и они требуют от него исполнения всех поручений, какие они найдут нужным дать ему. Бедный служитель церкви был ошеломлен этим требованием – только теперь он понял свою роковую ошибку, написав духовную статью и получив за неё деньги. Начальник секретного отдела поднес ему расписку и спросил:

– Это ваша фамилия и расписка? Если вы не будете давать нам сведения, то мы напечатаем о вас в газетах и поместим там вашу расписку, чтобы все узнали, что вы были на службе ГПУ.

Мольбы и просьбы были напрасны. Наш служитель согласился быть сотрудником. В конце концов, чекисты информировали всех о его тайной работе и за неисполнение какого-то важного задания судили и заключили в Соловецкий концлагерь. Такие планы и действия может придумать только «отец лжи». И теперь я тоже попал в лапы «зверя»...

Через несколько минут Макаров вернулся в кабинет и заявил, что отпускает меня домой, арестовывать не будет, но я должен давать нужные сведения. Никакие мои доводы не помогали. Было приказано доносить обо всём, что они найдут нужным, а теперь я могу идти домой. Я опять на свободе. Дорогою я благодарил Господа и молился. Да, ГПУ меня не оставит в покое; но пусть будет воля Господа, я чекистам не поддамся. Дома жена заметила моё внутреннее волнение, но я объяснил ей, что так всегда бывает после посещения учреждений ГПУ.

Жизнь снова пошла своим порядком. Увлекательная духовная работа, каждый вечер – братские собрания. Я даже забыл, что за мною всюду следят.

Прошёл месяц. В один из дней в моей квартире раздался резкий звонок телефона. Я снял трубку и спросил, кто говорит. Говорил Макаров.

– Завтра часов в десять утра зайдите к нам на Гороховую.

– Хорошо, – ответил я, – завтра буду. А постельные принадлежности брать с собою?

– Не нужно.

– Ну, хорошо.

Телефонный разговор закончился. Я сообщил жене, что завтра нужно быть в ГПУ. В сердце зашевелились недобрые чувства, а в голову начали приходить разные мысли. Я сообщил брату Шилову, что меня требуют в ГПУ, и просил его молиться. На другой день пришёл к Макарову. В этот день он был очень серьезным. Поздоровавшись со мною, приступил прямо к делу.

– Что же это вы, гражданин Петров, забыли свою обязанность? В течение месяца мы ждали от вас хоть чего-нибудь, а вы ничего не даете.

– Я и не обещал вам ничего давать, – ответил я ему, – да притом у нас и не о чем вам доносить. Могу сообщить, что собрания у нас переполнены, люди со вниманием слушают Слово Божие, и в течение прошлого месяца мы крестили человек тридцать. Наша община увеличивается. Теперь, наверное, мы имеем уже более тысячи членов. На диспуты нас теперь не приглашают, потому что поняли, что победа всегда на нашей стороне. Вот и всё, что я вам могу сообщить.

– Этого вы мне не рассказывайте, – ответил Макаров, – мы знаем, как идет ваша работа, знаем всё, мне не это надо.

– Больше я вам ничего не могу сообщить, – ответил я.

Он долго ещё беседовал со мною, угрожал, вынимал из кармана револьвер и клал на стол, надеясь напугать меня, но ничего не вышло. Наконец, он отпустил меня, приказав на следующий раз обязательно дать сведения. Я предполагал, что скоро они меня оставят в покое. Прошла Пасха, с её большими торжественными собраниями, и настало лето.

Съезд баптистов Северной области

На одном из совещаний Совета Союза баптистов Северной области, в апреле месяце, решили созвать северный областной съезд в июле месяце. Некоторые из членов совета протестовали против созыва съезда, в том числе и я, т.к. нашей областью ещё не был выяснен военный вопрос. Ленинградский исполком выдал разрешение на право проведения съезда. Съезд был назначен на 27 июля 1927 года. Всем общинам было разослано приглашение на съезд. За несколько недель до

съезда я получил приглашение из-за границы быть представителем от баптистов Северной области на открытии молитвенного дома. Открытие должно состояться после съезда. Я сделал соответствующее заявление в департамент иностранных паспортов. Мне предложили выполнить все надлежащие формальности и уплатить за паспорт триста рублей.

Я предполагал, что дело уже устроено, и намеревался после съезда выехать за границу. Недели за две до съезда я был снова вызван Макаровым в ГПУ. В разговоре о съезде он упомянул о моей поездке. Я сообразил, что чекисты уже осведомлены относительно моей поездки за границу, и без их согласия, наверное, меня не выпустят. Я просил Макарова не задерживать меня и дать своё согласие на поездку. Макаров сказал, что моя поездка будет зависеть от решения нашего Северного съезда.

– Если вами будет признана резолюция 26-го московского съезда по военному вопросу, то мы вас задерживать не будем, и вы поедете свободно.

Я ещё до съезда знал, что резолюция московского съезда не будет признана, потому что все были с ней не согласны, за исключением некоторых членов. За день до съезда Макаров вызвал меня в свою канцелярию и приказал доставить к началу съезда анкеты на всех собравшихся делегатов, но сделать это тихо, чтобы никто из делегатов не знал об этом. Я понял, что из этого может произойти какое-либо недоразумение. Накануне съезда, вечером, когда все делегаты были на месте, я объявил им, что представители ГПУ в лице Макарова требуют точные сведения обо всех делегатах. Делегаты согласились на это, я заполнил приготовленные анкеты и отнес их Макарову. Он принял анкеты и попросил у меня два входных билета на заседание съезда, но только выдать их так, чтобы об этом не знали делегаты. Я сообщил, что и анкеты заполнил с ведома всех делегатов, и входные билеты доставлю тоже открытым порядком. Макаров почему-то не возражал.

В первый день съезда было решено заседаний не делать, а вместе с делегатами посетить достопримечательные места города. Утром брат Шилов по телефону получил от Макарова приказание прислать к нему в канцелярию в два часа дня одиннадцать делегатов, перечислив их фамилии. В этом списке была и моя фамилия. Все делегаты переживали какое-то неприят-

ное чувство. Хотя я и привык к посещениям ГПУ, но и у меня на душе были тревожные чувства. Делегатов пригласили не всех, а только одиннадцать. Среди этих одиннадцати были два наших предателя, которые не устояли в истине и упали. Братья косо смотрели и на меня, т.к. Макаров имел дело главным образом со мною. Для меня, конечно, визиты к Макарову были неприятны, но я обязан был являться, когда они меня звали, как секретарь Союза и как пресвитер. ГПУ хотелось поймать меня в свои цепкие лапы, но это им не удавалось. Великий Бог был моей защитой и не дал врагу восторжествовать надо мной.

Когда все одиннадцать человек прибыли в секретный отдел к Макарову, он вызывал в кабинет каждого отдельно и спрашивал о взглядах на резолюцию московского съезда. Кто не был согласен с этой резолюцией, того он ругал и приказывал обязательно принять эту резолюцию и нашим съездом. Особенно большой шум поднялся в кабинете Макарова, когда с ним говорил брат Шилов. Это старый борец за истину, и никакие угрозы Макарова на него не действовали. Макарову пришлось молчать, слыша серьезные ответы Ивана Никитовича.

Получив задания от Макарова признать «военный вопрос», мы все вместе направились в молитвенный дом. Вечером было благословенное собрание, делегаты говорили Слово Божие, звучали приветствия. Зал был переполнен слушателями. Первый день прошёл благополучно, делегаты сделали доклады о духовной работе на местах, а затем были доклады правления Союза. На третий день съезда был поставлен на обсуждение «военный вопрос». Присутствовали представители ГПУ в лице Макарова и Грачева. Прения по этому вопросу так затянулись, что представители ГПУ не вытерпели и ушли. Делегаты, убежденные в своей правоте, говорили, ничуть не стесняясь присутствием чекистов, имея пред собою высшую власть – великого Бога, Который господствует над всякой властью. После долгого обсуждения решили вынести резолюцию. Резолюция говорила, что **следует предоставить право каждому члену наших общин самому решить вопрос о военной службе, согласно личным убеждениям**. «Если христианин, подлежащий отбыванию воинской повинности, убежден, что можно вступить в армию и нести службу наравне со всеми гражданами, то мы должны всё же считать его нашим братом и иметь с ним

общение. Если же кто из членов убежден, что не может нести военной службы, то мы не имеем права насиловать его убеждения и совесть».

За эту резолюцию голосовали почти все, за малым исключением. Самый тяжелый вопрос решен. Какие будут последствия этого, никто не знал, хотя все чувствовали, что даром это не пройдет.

Этим же вечером меня вызвал Макаров. Я сообщил братьям, что меня вызывают в ГПУ. Взяв с собою резолюцию нашего съезда, я направился к Макарову. Дорогою я взывал к Господу, чтобы Он защитил меня и не дал врагам победить меня.

– Ну, как съезд решил военный вопрос? – обратился ко мне Макаров.

– Не особенно приятно для вас, – ответил я.

– Так я чувствовал, что вы проведете его не в нашу пользу.

Я положил на стол резолюцию, которую он схватил двумя руками и начал читать. Закончив чтение, взволнованный, он устремил на меня свой сердитый взгляд и закричал:

– Вы знаете, что я теперь с вами сделаю? Я вас всех предупреждал перед съездом, что если вы не проведете резолюцию по нашей воле, то мы вас всех арестуем и сошлем на Соловки!

Он начал ругать нас всех вместе и каждого отдельно.

– Вы теперь проехались на моей спине, но не забудьте, что и я поеду на вашей! Что я теперь буду говорить начальнику? Вы подвели меня!

– При чём тут я? Я сложил с себя всякую работу в Союзе. Вы сами слышали это на заседании съезда.

– Я знаю это, но вы могли провести это дело, как и другие.

Макаров взял красные чернила, зачеркнул нашу резолюцию и написал по-своему. Его резолюция гласила, что мы, съезд, признаем обязательным для себя и для всех наших членов исполнение воинской повинности наравне со всеми гражданами. Закончив писать, он свернул резолюцию и подал мне, говоря:

– Вот, иди сейчас с этой резолюцией и передай президиуму, чтобы они вынесли такое постановление, а прежнее разорвали. Передай им всем, что если не сделают так, как я говорю, то мы с вами будем разговаривать иначе.

Я был очень рад, что смогу ещё немного побыть на свободе. Взяв у него резолюцию, я вышел из кабинета.

Президиум ожидал меня в зале молитвенного дома. Передав резолюцию, я рассказал, как был принят Макаровым, и о его угрозе отправить нас всех на Соловки. Делегаты были уже распущены, съезд закончен. Обсудив предложение Макарова, делегаты президиума не решились изменить резолюцию без согласия всех членов съезда. **Всё осталось без изменений – так, как решил съезд**.

На другой день Макаров опять вызвал меня к себе и, когда я сообщил ему, что всё осталось по-старому, как решил съезд, снова полились потоки ругани по адресу всех, а больше всего он ругал брата Шилова и меня. В заключение он приказал Грачеву составить на меня протокол. Грачев провёл допрос, всё записал, заставил меня подписаться, а затем подписал пропуск и сказал, чтобы я убирался отсюда.

Радости моей не было предела! Спускаясь с пятого этажа, я не шёл, а бежал. Пройдя парадную дверь, где стоял часовой, я передал ему свой пропуск и вышел на Гороховую улицу. Было уже темно, я сел в трамвай и быстро доехал домой. Дома все были рады, что я вернулся. По телефону я сообщил брату Шилову о результатах моего посещения.

Все делегаты разъехались по домам. Мы предполагали, что всё пройдет благополучно. Раз не было арестов во время Съезда, когда все ещё были вместе, следовательно, не будет и после, когда делегатов уже нет в Ленинграде.

Арест правления

После утомительной работы съезда и вообще после всего зимнего периода работы, мы с братом Шиловым решили немного отдохнуть. Один из наших членов общины снял на летнее время в Сестрорецке целый дом под дачу. В этом доме было несколько комнат, и наш брат предложил поехать туда кому-либо с семьёй и немного отдохнуть. Мы решили, чтобы сначала отдохнул брат Иван Никитович с семьёй, а затем уже и я с семьёй. Брат Шилов на другой же день, забрав своё семейство и всё необходимое для дачи, переехал в Сестрорецк. Вечером 6 июля брат Шилов был на собрании в К., где отделение общины устраивало какой-то торжественный вечер, на который был приглашен и он. Собрание затянулось до поздней ночи, и

брат Шилов И.Н. остался ночевать в К. Никто не подозревал, что в ночь на 7 июля ГПУ готовило налет на наши квартиры.

В час ночи в наш молитвенный дом пожаловали «гости». Сделали обыск в квартире брата Х. После обыска он был арестован и увезен в ГПУ. В то же время был произведен обыск и у брата … Его тоже арестовали. Хотели обыскать и квартиру Шилова, но, узнав, что его нет в квартире, опечатали её и уехали. Одновременно был произведен обыск и у брата …, которого тоже не было дома и, таким образом, в эту ночь он избежал ареста. В эту ночь меня почему-то не арестовали. Утром управляющий молитвенным домом по телефону позвонил ко мне на квартиру и сообщил, что в час ночи их посетили «гости», сделали обыск и произвели аресты. Это известие меня крайне поразило, и я задавал себе вопрос, почему не арестовали меня. Я отправился в молитвенный дом и узнал все подробности обыска и ареста братьев.

При обыске брата … забрали почти все отчетные книги Союза (он был казначеем Союза). Ознакомившись с создавшимся положением, я вернулся домой очень расстроенным. Как только я сел за стол, чтобы приготовиться к проповеди, раздался звонок телефона. Со мною с Октябрьского вокзала (бывший Николаевский) говорил Иван Никитович. Он сообщил, что только что приехал из К. и должен ехать в Сестрорецк. Я передал ему, чтобы он сейчас же прибыл ко мне на квартиру. Через полчаса Шилов был у меня. Я передал ему, что произошло в эту ночь, и что его квартира опечатана. Это известие очень встревожило его. Неизменная улыбка исчезла с его лица, он не знал, что ему теперь делать, ехать ли в Сестрорецк, или идти в ГПУ. У меня дома в то время был гость – брат проповедник из Украины. Мы посоветовали Шилову ехать к своему семейству в Сестрорецк и побыть там день-два, а затем уже пойти в ГПУ. Иван Никитович так и сделал. ГПУ знало, что Шилов в Сестрорецке, но не посылало за ним.

Брат Шилов был в Сестрорецке, среди своего семейства, три дня, со дня на день ожидая своего ареста. На четвёртый день он приехал ко мне, готовый на всё. После беседы со мною он позвонил следователю Макарову и спросил его, нужно ли ему приходить с подушкой и одеялом, или без них. Макаров ответил, что если хочет взять, не помешают. Помолившись Го-

Petrow_kor.indd 82 10.09.2015 15:04:25

споду и простившись с нами, он направился в ГПУ, сообщив коменданту ГПУ, что ему нужен пропуск к Макарову. Комендант начал звонить по телефону, но ответа не последовало, и он сообщил, что пропуска к Макарову он дать не может, потому что в его кабинете никого нет, лучше прийти завтра. Брат Шилов пошёл домой, и ещё несколько дней пользовался свободой, а потом явился к Макарову, был арестован и заключен в Дом предварительного заключения. Я ещё не был арестован, но также со дня на день ожидал своего ареста.

Дни шли за днями. Духовная работа в общине была ослаблена, так как многие члены церкви получали отпуска и уезжали на отдых. Семейство брата И. закончило свой отдых и вернулось в город.

Тогда и я решил поехать на дачу в Сестрорецк, чтобы побыть там с семьёй, сколько позволит Господь. На даче мы чувствовали себя спокойно, по несколько раз в день купались в море, гуляли по рощам и наслаждались летним временем. Но 21 июля 1927 года роковой день настал и для меня.

Дня за три до моего ареста арестованный брат Х. был выпущен на свободу и, накануне моего ареста, приехал ко мне в Сестрорецк, настоятельно требуя от меня уплатить ему некоторую разницу его жалования. (Брат Х. был благовестником Северного Союза и получал содержание от Союза.) Разница в жаловании была приблизительно рублей в пятьдесят. Он так настойчиво требовал от меня этой разницы, что я отдал ему эти деньги из своих личных средств, хотя в это время уже не был членом правления. Очевидно, Х. знал, что меня арестуют, и я больше никогда не буду на свободе.

Утром 21 июля я решил поехать в Ленинград и зайти к Макарову, чтобы узнать о деле братьев. Простившись на вокзале Сестрорецка с женой и детьми, я направился в Ленинград. В пути мне приходила довольно назойливая мысль, что я не увижу дорогих моему сердцу очень долго, а может быть, и никогда. Подавив в себе все тревожные предчувствия, я пришёл в здание ГПУ. Комендант дал мне пропуск, и вот я опять перед Макаровым. Его подозрительная усмешка при моём появлении дала мне повод предполагать, что моя судьба уже решена. Я сообщил Макарову, что хочу узнать о деле моих братьев. Макаров

сообщил мне, что они теперь получают то, чего сами пожелали, и заявил мне, что я тоже арестован.

Это известие не было для меня неожиданным, я ждал его и с мужеством принял как должное. Был составлен протокол; мне приказали подписать его, и дело было кончено. Я должен был вернуться в Сестрорецк часов в семь вечера, но я больше не вернусь. Сегодня там будут слёзы и горе. Снарядив двух красноармейцев с винтовками, меня опять направили на Шпалерную, в Дом предварительного заключения. Пересекая Невский проспект, я внимательно всматривался в проходящую публику, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых, но никого не было. Люди останавливались, всматривались в меня и, наверное, думали, что ведут преступника. Некоторые качали головами, другие выражали своё сочувствие. Всякий думал и делал выводы по-своему. Для проходящей городской публики это явление было совершенно обыкновенным. Люди привыкли к этому, да и ни у кого не было гарантий, что и его завтра так же не арестуют и поведут по улицам. Я следовал между часовыми со спокойной совестью. Настало то время, когда за правду судят, как преступников. Мне пришли на память слова моего Господа: «Радуйтесь и веселитесь, когда вас будут гнать, и всячески неправедно злословить за Меня, ибо велика ваша награда на небесах»[22].

Быть гонимым за истину, судимым без вины, считаться преступником без преступления – это действительно великая радость. Пусть судят, пусть гонят, пусть злословят, но совесть чиста, и это дает душе мир и покой. С Иисусом можно страдать, можно идти и в печь огненную, можно идти на смерть. Он – наша жизнь, наша сила и победа. Он победил смерть, отнял страх пред смертью, потому что дал залог вечной жизни, а смерть для нас – это желанный момент и переход в вечную обитель.

Проходя по Дворцовой площади, я услышал свисток паровоза на Финляндском вокзале. Мои мысли перенеслись в Сестрорецк, где меня ждали детки и вся семья, но сегодня их ожидания будут напрасны. Вечер был очень теплый, ночи были ещё светлые, на улицах гуляла публика, до которой ещё не дошла очередь ареста. Река Нева тихо несла свои воды. По реке

22 Библия. Евангелие от Матфея 5:12.

скользили лодки с катающимися. Мне казалось, что все люди выглядят невесело, голоса у них – могильные, смех – плачевный. На мосту через реку Фонтанку нам встретилась и окружила нас партия рабочих. Мы совершенно смешались с толпой. Мои конвоиры начали разгонять толпу. Я остался почти без призора. В голове у меня зародилась мысль: «бежать!» Самый удобный случай! Несколько прыжков, и можно было смешаться с толпой, или убежать куда-либо в сторону; мой конвой стрелять не мог, потому что вокруг было много людей. Но куда я побегу? Зачем? Что будет со мною дальше, после побега? Нет, скрываться я не должен, я не преступник. Если я скроюсь, то пострадает моя семья. Я не побегу. Бог Сам всё сделает и освободит меня. Да будет воля Его. Толпа миновала нас, конвой опять пошёл со мною, и мы приблизились к мрачному Дому предварительного заключения.

Опять тюрьма

Мне не страшна была тюрьма, т.к. я её уже знал. Двери тюрьмы открылись, и я вошёл на знакомый двор. Комендант приказал вести меня в 4-е отделение. Слава Богу, что не в одиночку. 4-е отделение мне известно. Сделали обыск, отобрали всё и заключили в камеру под номером 205. Войдя в камеру, я увидел в ней человека среднего роста, сидящего у столика. Он приветствовал меня и, по-видимому, был рад, т.к. находился в камере один. Дверь за мною закрылась, замок звякнул, и мы остались вдвоём. В камере было жарко и душно. Мой товарищ был из евреев, коммерсант. У него была пекарня, и его арестовали, чтобы ликвидировать частную пекарню. В 1929 году советское правительство усиленно вело борьбу против частной торговли. Были арестованы почти все хозяева частных пекарен, кондитерских и других предприятий. Я спросил своего нового сотоварища:

– Почему вас арестовали?

Мой собеседник начал объяснять мне нечестную тактику советского правительства.

– Большевики, видите ли, арестовывают нас, коммерсантов, конфискуют имущество. Они забирают не только имущество, которое было в торговом обороте, но конфискуют всю об-

становку и вещи наших квартир. Арестованных высылают на Соловецкие острова, а их семьи высылают в Сибирь и на крайний Север.

Говорили мы долго. Время было уже позднее, решили прекратить разговоры и идти спать. Ночь я спал спокойно, забыв даже, где нахожусь. Проснувшись утром, увидел только желтые стены камеры. Мой сосед ещё спал. Солнце уже давно взошло, и его лучи едва освещали камеру. Начался тюремный день. Сделали уборку камеры. Окна со двора были отворены, и в камере был свежий воздух. На тюремном дворе началась работа. Арестантов вывели на прогулку. Я осторожно смотрел в окно, чтобы увидеть моих братьев. Сначала выводили на прогулку 4-е отделение, и я не нашёл среди гуляющих наших братьев. Очередь дошла до нас. Я был рад, что попал, хотя бы на короткое время, во двор.

Перед обедом выпустили на прогулку заключённых из общих камер. Общие камеры гуляли свободнее, чем наше 4-е отделение, из камер 3-го отделения выпускали всех разом. Среди гуляющих я заметил брата Шилова и брата … Они ходили вокруг будки часового и беседовали с заключёнными. Лица их были бодрыми и веселыми. Мне хотелось крикнуть им из окна, но делать этого было нельзя, и, когда они проходили мимо моей камеры, я начал махать носовым платком. Часовой, стоящий посреди двора, не мог меня заметить, так как окно было загорожено железным щитом.

Была пятница. Заключённые получали передачи от родственников. Я ничего не ожидал от своей семьи, но после обеда меня вызвали за получением передачи. Был рад, хотя и не знал, от кого эта передача. В полученном мешке были подушка, одеяло, простыня, полотенце, рубашки и немного продуктов. С передачей мне передали записку с перечнем вещей. По почерку я узнал, что передачу принесла сестра моей жены.

Я завёл разговор с соседом на религиозную тему. Он оказался иудеем, верующим в Иегову, как в единого Творца вселенной, и серьезно относящимся к вопросу о Боге. Библии у меня с собой не было, но я на память приводил библейские тексты о Христе, Которого евреи не приняли. Мой собеседник не мог согласиться, что Христос есть обещанный Спаситель Израиля. Библию он почти не знал и основывался на толковании

Талмуда и раввинов. Я рассказал, как Бог нашёл меня чрез Иисуса Христа, и как переродил моё испорченное сердце и сделал новой тварью, возродив от Духа Святого. Вспомнил благословенный момент моей жизни, когда Господь действительно переродил моё испорченное греховное сердце, и я почувствовал в себе новую жизнь и силу для победы над грехом, и как моя новая природа избегала греховных мест. Всякий грех, который господствовал надо мною, прекратил свою власть. Я был свободен, и свободен не своими силами, а силою моего Господа.

Выслушав мой рассказ, товарищ по камере несколько раз бросал курить, но не смог устоять пред властью этой привычки. Он даже написал своей жене, чтобы она больше не присылала ему табаку, но через несколько дней начинал просить курево у надзирателей или служащих.

Понемногу я освоился с тюремной обстановкой. Читал книги, ежедневно минут на пятнадцать ходил на прогулку и чувствовал, что мне не выбраться на свободу: арест наш был не случайным, он был запланирован сотрудниками ГПУ. Свобода моя – в руках чекиста Макарова и, если я дам ему подписку быть секретным сотрудником, он выпустит меня. Но верующему в Господа Иисуса не должно быть рабом человека. Господь призвал меня не только веровать в Него, но и страдать с Ним. Чекисты могут победить мою плоть, замучить её, расстрелять, но больше ничего не могут сделать. Моя возрожденная душа находится в сильных руках Господа, и из этих рук никто не может меня похитить. Пусть во всём будет Его воля. Он хочет провести чрез испытания, да будет так. Это нужно для нашего освящения. Слава Ему.

Свидание

Каждый день перед обедом я наблюдал за прогулкой моих братьев. Мне очень хотелось поговорить с ними, но сделать это было невозможно. Через неделю меня вызвали в коридор для свидания с женой, хотя я даже не предполагал, что свидание мне дадут так скоро. Как только вошли в помещение для свиданий, я с радостью побежал к означенному окну и начал говорить. Было ещё тихо, так как ещё не все нашли свои окна. Я успел задать несколько вопросов и получил ответ, но скоро

начался такой шум, что уже ничего невозможно было понять. Всё же узнал от жены, что они на другой же день моего ареста с дачи переехали в город. Все здоровы, целуют и шлют привет. Братья и сёстры встревожены нашим арестом и усиленно молятся Господу. Тридцать минут свидания прошли быстро, и мы расстались в надежде увидеться на следующей неделе.

В камере моим сердцем овладела тоска. Глаза наполнились слезами.

«Зачем всё это? Кому нужны эти переживания? Разве без них нельзя обойтись? Я смогу всё перенести, но там у меня остались дети. Как они теперь будут жить? Сколько забот моей жене… Жалованья от общины я не получаю. Поддержат ли их теперь без меня? Мне уже не придется заботиться о них».

Слёзы душили меня. Подошёл к окну, поднял свои взоры к небесам, и моя молитва вырвалась из груди и понеслась к Престолу. После такой молитвы на душе стало легко и светло, как бы благодатная роса освежила мою душу. Бог ясно начертал на моём сердце, что Он – Отец сирот, и никогда их не оставит и не покинет. Душа преисполнилась мира и радости.

Мой товарищ тоже пришёл со свидания расстроенный, впал в истерику, проклинал всех на свете и не имел утешения. Я уговаривал его и успокаивал. Свидания всем заключённым приносили расстройство и слёзы. День свидания всегда был острым моментом, когда душою особенно болезненно овладевала жажда свободы. Настоящих преступников в тюрьме было мало, хотя камеры тюрьмы всегда были переполнены. Происходила политическая борьба, и всему, что не было солидарно с идеями «диктатуры», объявлялась война. Всё свободомыслящее отвергалось и объявлялось враждебным «пролетариату» – людям без воли, без всякого осознания жизни и идеала, но руководимым какой-то неведомой дьявольской рукою.

Я понимал, что это не случайное явление, не каприз безумных людей – всё это предусмотрено в Священном Писании. Мир будет пожинать то, что он сеял годами. Закон вечного Бога неизменен. Что посеет человек, то и пожнет. Сейчас мы видим только всходы, а что будет, когда всё посеянное будет созревать?.. Мир не избежит катастрофы. Грядет ночь, темная беспросветная ночь. Советская власть допущена Богом в многострадальной России, как проказа на теле Иова. Это Божий

огонь, посланный с неба, чтобы испытать всё, что было построено в неправде и лицемерии. Драгоценный металл пройдет чрез огонь и выйдет из него ещё чище, а что подлежит уничтожению в огне, будет уничтожено. Только один способ борьбы против зла мира сего, – это раскаяние и искреннее обращение к Богу как к источнику жизни и счастья.

У следователя

Спустя две недели после моего заключения, в 10 часов утра, меня вызвали к следователю. Формальный допрос Макаров почему-то поручил сделать своему помощнику. Мне предложено было присесть. В кабинете был только следователь. Воцарилось гробовое молчание. Следователь поднял на меня свой вопросительный взгляд и сидел так долгое время. Я тоже смотрел на него без всякого смущения и думал: «Чего он хочет достигнуть этим испытывающим взглядом? Может, он применяет способ гипноза? Но это ему не удастся». Наконец, мне опротивело смотреть на него, и я перевёл свой взор на окно, которое выходило на улицу.

Начался допрос. Он предложил мне самому записывать вопросы и ответы. Допрос продолжался недолго. Выполнив всё требуемое, я подписался под своими ответами и передал ему протокол.

Следователь оказался малограмотным человеком, поэтому он и заставил меня писать протокол. Объявил мне, что я обвиняюсь по 58-й статье, пункты 4 и 6, которые говорят о шпионаже и связи с международной буржуазией, начал задавать вопросы, которые ничего общего не имели с моим делом. Я отвечал на них. Он хотел похвастаться своими научными познаниями, но запутался и не знал, как закончить. Я усмехнулся и спросил:

– Когда же закончится наше дело?

– Ваше дело будет зависеть от Москвы. Это не так скоро.

– Почему вы меня обвиняете в шпионаже, ведь вы прекрасно знаете, что я не шпион?

– Вы сами знаете, за что вас обвиняют, – ответил он, – если бы вы согласились с нами по «военному вопросу» на съезде, тогда и были бы на свободе.

– Почему же вы не действуете прямо? Если мы не могли провести по вашему желанию резолюцию, тогда и обвиняйте нас в этом, но зачем вам обвинять в том, в чём мы не виновны?

– Какая для вас разница, та или другая будет статья, – ответил следователь.

– Конечно, я понимаю вас, – ответил я, – вы не можете судить нас за это, так как есть декреты, что по религиозным убеждениям люди освобождаются от военной службы, и если эти декреты не отменены, то вы должны применять другие статьи. Но это нечестно. Вы обманываете народ. Законы страны должны быть устойчивыми, иначе вся ваша работа будет разрушена. Вы сами подрываете свой авторитет. Вот вы нас арестовали, будете судить и пошлете в Соловецкий концлагерь. За что? Мешаем ли мы вам в чём-либо? Если многие из нас убеждены, что они не могут взять оружия и поднять его на брата, то они никогда не поднимут его и против вас.

– Вы правы, гражданин Петров, но мы в данное время со всех сторон окружены врагами, которые желают нас раздавить и уничтожить нашу власть. Когда мы будем чувствовать, что наши враги побеждены, тогда не только освободим вас от военной службы, но и сами сложим оружие. Мы сами против войны, которая несет смерть и разорение, но в данное время мы не можем действовать мирным путем.

На этом закончился наш разговор. После допроса меня опять водворили в камеру.

Арест секретаря общины

Утром я стоял у окна моей камеры и смотрел во двор, где гуляли арестованные нашего 4-го отделения. Среди гуляющих я заметил знакомое мне лицо. Это был брат Мамулин Василий Васильевич – секретарь нашей общины. Он всегда энергично и настойчиво трудился, защищая права общины. Он хорошо знал законы страны, и смело действовал на их основании. Несколько раз власти пытались отобрать молитвенный дом в Ленинграде, но он как-то умел с ними разговаривать и отписываться на бумаге, а поэтому дело отобрания дома всё откладывалось. Мамулин был незаменимым работником общины. Он ходил во все учреждения для выяснения того или другого вопроса.

Работы всегда было много, но он всё делал вовремя. Причин к его аресту не было никаких, при том он открыто выступал за признание резолюции 26-го съезда по военному вопросу, и всё-таки его арестовали.

Глядя на него из окна, я увидел, что он бодро шагал и полной грудью вдыхал чистый летний воздух. На его лице не было ни печали, ни уныния и, казалось, что он готов победить весь мир. Брат Мамулин обратился к Господу, будучи матросом Балтийского флота. После обращения он вместе с другими матросами отказался нести военную службу, и был арестован. Позже суд всех их оправдал и выпустил на свободу. Это было в первые дни революции. Брат Мамулин был семейным человеком: имел на своём иждивении жену, троих детей и тещу. Теперь он арестован. Освободят ли его? Или осудят к высылке в Соловецкий концлагерь? Тогда жене и детям тоже придется страдать и самим находить себе средства к существованию. Мне было от души жаль его, и я молился о нём.

Шпион

Поздний вечер. В камере темно. Мы тихо разговаривали. Вдруг камера осветилась. С лязгом зазвенели замки, открылась дверь, и надзиратель впустил к нам человека. Для него принесли щит и козлы с матрацем. Надзиратель сообщил, что втроем нам теперь будет веселее. Посаженный к нам человек был лет тридцати пяти, с короткой всклоченной бородкой. Он показался нам каким-то подозрительным. Начали его расспрашивать, откуда он, за что арестовали и т.д. В его ответах чувствовалось что-то темное. Он старался показать себя интеллигентным и часто не к месту вставлял научные выражения, что делало его очень смешным. Одет он был очень бедно и любил покурить. Мы поделились с ним пищей. Поев, он улегся на кровать и начал нас расспрашивать, за что сидим под арестом. Мы отвечали ему, но откровенничать сдерживались.

На другое утро познакомились с ним ещё лучше. Оказалось, что он многое путал. Мы принудили его дать объяснения, почему вчера вечером он говорил одно, а наутро – другое. Путаясь, он объяснил, что вчера он нас не знал ещё так хорошо, как сегодня, а поэтому и наврал нам. При этом добавил, что он вос-

питанник какого-то графа, и вот за это его посадили в тюрьму. Он начал нам говорить про власть, про ее несправедливые действия, начал порицать и даже ругать ее.

Мы с моим товарищем стали ещё более осторожны и неохотно отвечали на его вопросы. Больше времени стали проводить в чтении книг, играли в спичечное домино… Мы подозревали, что человек этот специально подсажен к нам, чтобы уловить нас в рассуждениях против советской власти. Так мы провели с ним несколько дней. Иногда он не выходил с нами на прогулку и, когда мы возвращались в камеру, находили наши вещи и продукты просмотренными, а иногда даже исчезало что-то из продуктов. Однажды он начал всячески поносить советскую власть и попытался вовлечь нас в свою ругань. Мой товарищ заявил ему: «Если вы будете далее говорить против власти, то мы вызовем надзирателя, сообщим ему обо всех ваших разговорах и попросим убрать вас из нашей камеры».

Он бросился на нас с площадной бранью, что мы трусы и не хотим признать кошмарной правды, которая совершается вокруг нас этой проклятой властью.

– Я ничего не боюсь, даже смерти! – заявил наш шпион.

Мы решили больше с ним не разговаривать и делали так несколько дней. Это его ещё более выводило из себя. Когда его вызвали на допрос, он очень быстро вернулся в камеру и заявил нам, что его хотят перевести куда-то в исправительный дом, так как вины у него нет, а отпустить на свободу боятся. Вёл себя вызывающе, требуя делиться с ним продуктами, которые мы получали в передачах из дома, но мы ему, как шпиону, отказывали. Наконец, мы не могли выносить его безобразий и просили надзирателя перевести его в другое место. Надзиратель только посмеивался, когда мой товарищ говорил ему это.

Через неделю-две рано утром после завтрака его вызвали с вещами. Мой товарищ от радости наградил его сахаром и всем, что у него было. Что он передавал следователю о нас, мы так и не узнали, но ясно выявили его, как тюремного шпиона (таких людей называют «наседками»). Из рассказов заключённых мы знали, что очень многие пострадали из-за своей неосторожности в разговорах с заключёнными. Если преступления налицо нет, тогда в камеру подсаживают людей, которые вызывают вас на откровенность, и если вы в чём-либо согласитесь с ними,

или сами выразите недовольство властью, этого будет уже достаточно для обвинения в контрреволюции и для ссылки в Соловецкий концлагерь.

Брат Леварт

Брат Иван Яковлевич Леварт был ещё совсем молодым человеком. На съезде он был избран секретарем Союза Северной области баптистов. По национальности он латыш, но русский подданный, Новгородской губернии. Имел среднее образование. Членом церкви баптистов он стал чуть ли не с детства, так как его родители были верующие из баптистов. Брат Леварт – довольно сильный проповедник, твердо убежденный в евангельских истинах. Он был заведующим одним из отделений и успешно трудился в приобретении душ для Христа. Убежденный в том, что не может поднять оружия на своего ближнего, брат Леварт не только проводил это в жизнь, но готов был и пострадать за свои убеждения.

Однажды он был на собрании в своём отделении и, закончив проповедь, вышел из собрания. В это время в молитвенный дом вошли несколько людей, чтобы его арестовать, но, видя, что его нет в зале, вышли на улицу и ожидали у дверей. Собрание разошлось, в помещении осталось несколько молодых братьев и сестёр. Брат Леварт снова зашёл в зал, но через другой вход. Братья сообщили ему, что приходили его арестовать. Он ничуть не испугался, но, побеседовав ещё с братьями и помолившись с ними, сообщил, что завтра сам пойдет в ГПУ, и пусть его арестуют. Когда он выходил из зала и спускался по лестнице, ему встретились те, которые должны его арестовать. Свет на лестнице был не яркий, а поэтому они не узнали его, и он прошёл мимо незамеченным.

На другой день Иван Яковлевич сам явился в ГПУ и отдался в их руки. Макаров был рад этому и сейчас же препроводил его в Дом предварительного заключения. О его аресте мне сообщила во время свидания моя жена. Я начал следить за гуляющими арестантами и скоро увидел его. Он был посажен в наше 4-е отделение. Иногда нам приходилось гулять в одно время, но сблизиться и поговорить мы не могли. Теперь нас, братьев, было заключено пятеро человек. Статья обвинения

против нас была одна и та же – 58-я, пункты 4 и 6. Нам хотелось поговорить и утешить друг друга, но мы не могли этого сделать и только молились. Каждый день мы не упускали случая повидаться, и здесь полюбили друг друга ещё больше, чем на свободе. Мы ожидали окончания нашего дела и рассчитывали, что тогда нас переведут в общие камеры, и мы будем вместе.

Заведующий кооперативом

Вечером в нашу камеру привели арестанта. Из разговора с ним мы узнали, что он заведующий Сестрорецким кооперативом. Его посадили за растрату. Растрата получилась не по его вине – служащие, которые работали в кооперативе, всё разворовали. Все служащие тащили из кооператива всё, что только попадало под руку. Уследить за всеми было невозможно. Несколько раз он захватывал проворовавшихся на месте преступления и рассчитывал их, но это не помогало. Бедный человек был очень встревожен. Он имел семейство, много детей и очень боялся, что его осудят на несколько лет.

Я задал ему вопрос, почему все служащие сделались ворами. Он подумал немного и ответил:

– Почему служащие стали нечестными? Причин очень много. Во-первых, служащие получают очень мало жалованья и не могут содержать себя и своё семейство. Продуктовый паек получают очень маленький, а покупать на рынке нет денег, потому что на частном рынке всё очень дорого.

Вторая причина в том, что рабочие и служащие видят своих главарей – «руководителей рабочего класса», которые живут в роскоши и ограничений не имеют, а могут брать сколько хотят. Затем, очень часто ответственные лица делают колоссальные растраты народных денег, а рабочий класс видит всё это и учитывает, что народные суммы кто-то разбазаривает направо и налево. Честный человек бежит от всякого ответственного дела, потому что если даже сам не сделает преступления, то за его спиной это сделают друзья и служащие. Я много раз отказывался от этой должности и с радостью соглашался быть чернорабочим, но меня не увольняли.

Третья причина того, что народ стал безнравственным и нечестным – потому что от рабочего класса стараются отнять

Бога. Люди неверующие не имеют страха пред Богом за совершенный нечестный поступок. Теперь люди живут только для себя. Любовь к другим считается чем-то позорным и отсталым. На строгость судов никто не обращает внимания. Раньше просидеть день или два за решёткой – считалось большим позором, а теперь, если человека приговаривают в тюрьму или концлагерь на три года, то он с улыбкой говорит: «Дали детский срок, три года – это пара пустяков». Преступники даже расстрелов не боятся: «Какая разница, умру ли я теперь, или проживу ещё десять, двадцать лет, впереди – могила; бери от жизни всё, что можно взять». Так думают «руководители рабочего класса», так делает и весь рабочий класс, за исключением тех, которые ещё сохранили веру в Бога.

Когда я слушал этот правдивый рассказ, мне стало больно за наш русский народ.

Был уже конец сентября. По ночам было холодно. Наш кооператор пришёл в тюрьму в одной кожаной куртке. Когда мы легли спать, я предложил нашему сотоварищу воспользоваться на ночь моею шубой, потому что в камере было очень холодно. Он принял предложение и накрылся моим пальто. Выключили свет. Два соседа ещё долго говорили на различные темы. Я же, склонив колени, имел сладкое общение с моим Господом в молитве и затем спокойно заснул.

На другой день мы много беседовали о Боге. Кооператор был православным, но, будучи заведующим, он скрывал свою веру. Жалка и бедна та религия, которая не научила своих последователей открыто исповедовать свою веру. Живая вера не может молчать, скрываться. Она бьет ключом. Когда мы вышли на прогулку, наш новый друг передал мне моё пальто, которым он накрывался ночью. Вскоре я почувствовал, что по моему телу начинают ползать насекомые. Придя в камеру после прогулки, я осмотрел пальто и обнаружил в меховом пальто массу вшей. Только спустя месяц я освободился от них.

Следствие закончено

В конце сентября после обеда меня вызвали к следователю. В кабинете следователя я увидел за столом молодого человека лет двадцати двух. Он спросил, как меня звать, сколько

лет, семейный ли, где работал и т.д. Затем объявил, что следствие по моему делу закончено, что теперь следует подписать последний протокол, и дело будет направлено в Москву. Следователь, хотя и молодой, был очень серьезным. Он долго беседовал со мной о Боге, о военном вопросе и о нашем будущем положении в концлагере.

– Вам дадут самое меньшее – три года Соловецкого концлагеря, а может быть и больше.

– Как будет решаться дело, в моём присутствии или заочно?

– Нет, дело будет решено без вас, – ответил следователь. – Если бы преступление было налицо, то мы создали бы открытый процесс, но вас приговорит не суд, а специально созданная особая совещательная комиссия, которая и решит вашу судьбу.

– Гражданин следователь, это же будет несправедливо – судить человека без вины заочно. Мне пришлось побывать в тринадцати государствах, и негде я не встречал такой системы судопроизводства. Мне кажется, что здесь есть что-то нечистое и темное. Я никогда даже мысли не допускал, что «рабоче-крестьянская» власть может пойти на это. Оторвать меня от семьи, лишить свободы – за что? Кому нужна такая жертва? У вас томятся миллионы жертв, совершенно невиновных, не причастных к контрреволюции, и только потому, что они имеют свой личный взгляд на жизнь. Вы нам часто указываете на испанскую и другие виды инквизиции, но я вам говорю, что история пишет кровавыми буквами и вашу инквизицию. Когда люди будут читать про неё, они будут ужасаться. Вся прежняя инквизиция побледнеет пред вашей. Бог вас накажет, и накажет скоро.

– Я советую вам больше никому так не говорить.

– Почему так? Я такой же член государства, как и вы, и всякая неправда меня крайне возмущает. Вы хотите достичь братства и равенства, а разве таким путем его можно достичь?

Мой следователь сидел, задумавшись. Я тоже замолчал.

– Давайте прекратим с вами этот разговор, – заявил он, – сейчас вы можете идти в свою камеру, а на днях вас переведут в общую камеру.

Я вышел из кабинета.

Общая камера

Дня через два меня вызвали на выход с вещами. В моём воображении возникла мысль: «Уж не домой ли, на свободу? Как хорошо было бы оставить эти мрачные стены…». Выйдя в коридор, я увидел у стола дежурного надзирателя группу людей, в числе которых был и наш брат ... Мы сердечно приветствовали друг друга, он тоже недоумевал и не знал, почему его вызвали с вещами. Всех нас было человек десять. Скомандовали построиться по два человека, надзиратель повёл нас из 4-го в 3-е, общее, отделение. Мы вошли в большой светлый коридор на втором этаже. Двери общих камер состояли только из железной решётки, а потому арестанты из камер наблюдали за нами, когда мы проходили мимо.

Меня и ещё одного человека поместили в камеру номер 21. Я почувствовал себя в другом мире. Людей в камере было человек тридцать. Все подходили, знакомились, спрашивали, за что арестован и откуда переведен. Коротко ответив на все вопросы заключённых, я спросил, как и где мне устроиться. Меня подвели к старосте по камере, который записал мою фамилию и сообщил, что в камере сейчас переполнение, кровати все заняты, но на ночь будут приносить щиты, и на них можно будет спать. К стенам на веревках были прикреплены кровати, которые в дневное время были приподняты. Заключённые в камере читали книги и ходили по камере, из-за тесноты толкая друг друга. Посреди камеры стояли два больших стола. В углу рядом с окном помещалась уборная, закрытая щитом по пояс человеку. Я пристроил свои вещи в уголок камеры и стал рассматривать окружающих меня людей. Здесь были люди разного положения, но преимущественно – интеллигенты. В камере было два священника, один монах, инженеры, красноармейцы, адвокаты, торговцы, заведующие торговыми предприятиями, бухгалтера, казначеи и несколько офицеров царской армии. Было тихо. Разговаривали негромко. Лица у всех были изнуренные, в глазах – уныние и тоска. Большинство были задумчивы.

Я подошёл к решетчатой двери увидел, что у решётки в камере напротив нашей стоял мой дорогой брат Шилов. Я очень обрадовался, что увидел его. Мы приветствовали друг друга и

начали разговор. Разговаривать было трудно, потому что нас разделял широкий коридор, по которому часто проходили надзиратели и начальство. Кричать через коридор было невозможно, но брат Иван Никитович сделал из рук рупор, и мне стало слышно всё, что он говорил. Я последовал его примеру, и между нами завязался оживленный разговор. Наши слова по коридору совершенно не разносились, а проникали только в камеру. Шилов сообщил, что рядом с его камерой находится брат ... Поговорив с братом и видя вокруг себя много людей, я ожил духом. Здесь была возможность свидетельствовать о Христе. За час перед обедом всех людей из общих камер повели на прогулку. Прогулка продолжалась час. Выйдя в коридор, я опять встретился с братом Шиловым, мы поцеловали друг друга, а затем к нам подошёл брат ... и мы пошли вниз на общий двор для прогулки. К нам присоединился брат ... Мы ходили все вместе, передавая друг другу новости. Мы узнали, что всех нас обвиняют по одной статье и по одному делу: «Шпионаж и связь с международной буржуазией».

Следствие по делу закончено, и теперь мы будем ожидать решения коллегии ОСО[23]. Мы сознавали, что без воли Бога мы здесь не могли быть, и готовы были идти на Соловки, в тюрьму и куда угодно. С нами Бог! С Ним мы будем жить и радоваться. Час прогулки пролетел для нас как несколько минут, и нам очень не хотелось расставаться. В надежде, что будем видеться каждый день, мы спокойно разошлись по местам. Заключённые замечали нашу радость при встрече и, когда я пришёл в камеру, меня спрашивали:

23 ОСО – Особое совещание («Особое совещание при Коллегии ГПУ», позже – «Особое совещание при Коллегии ОГПУ», «Особое Совещание при НКВД СССР», «Особое Совещание при МГБ СССР») в СССР в 1922-1953 годы – внесудебный орган, имевший полномочия рассматривать уголовные дела по обвинениям в деяниях, угрожающих советскому строю (контрреволюционная деятельность, антисоветская пропаганда и агитация, измена Родине, дезертирство в военное время, вредительство и т. д.), и выносить приговоры по результатам расследования, а также пересматривать решения Военной коллегии Верховного суда. Особое совещание имело право выносить приговоры о тюремном заключении, ссылке или высылке обвиняемых, а также о применении других мер наказания.

– Что они, родственники вам, что вы с такой радостью встретились?

– Да! Они мне родственники, только не по плоти, а по вере в Господа Иисуса, – отвечал я.

– Ах, вы тоже – баптист. Теперь понимаем, почему это в наших церквах и организациях нет такой тесной связи и любви друг ко другу, как у вас… – говорили мне товарищи по камере.

– Где Бог, там будет и любовь, – отвечал я. – Мы имеем Христа не на груди, а в груди, т.е. в сердце, и живущий Христос соединяет нас и влечет друг к другу. Мы имеем одного Небесного Отца, от Которого возродился наш дух, душа и тело, а воля нашего Небесного Отца, чтобы мы любили друг друга.

– Мы тоже верим в Бога, но у нас почему-то совсем нет любви, и мы чужды друг другу, – говорили мои новые друзья.

– Чтобы любить друг друга, нужно быть новой тварью, рожденной от Духа Святого, только тогда вы поймете любовь Божию и любовь друг к другу.

Часов в двенадцать дня принесли обед, состоявший из супа с рыбой и пшенной каши. Некоторые обед не брали, т.к. получали продукты из дома, и заключённым было разрешено брать супа и каши, сколько они пожелают.

Брат Шилов днём ходил на работу во двор, где гуляют заключённые. Работа эта была бесплатной, но за это он имел привилегию личного свидания. Привилегия заключалась в том, что сетки на окне были спущены, а потому заключённые могли видеть своих посетителей лучше и даже могли подать руку.

После обеда разрешалось опускать койки и отдыхать один час. Вечером, перед сном, староста выстроил в камере всех заключённых в два ряда. Через несколько минут пришёл дежурный тюрьмы, поздоровался с нами, староста отдал ему рапорт о количестве заключённых в его камере, а затем все спустили свои койки и легли спать. Для тех, кто не имел коек, принесли сколоченные из досок щиты с козелками и расставили их посреди камеры. Было тепло. Всю ночь горел огонь. Дежурные надзиратели из коридора следили за всеми камерами. Всё успокоилось. Предав себя в распоряжение Господа, я спокойно заснул.

«Чёрный ворон»

Окно нашей камеры выходило во двор служащих тюрьмы. Эти окна не были загорожены железными щитами, как в 4-м отделении, а поэтому из нашей камеры было видно всё, что делалось во дворе. Часов в двенадцать ночи во двор въехал автомобиль. В нашей камере все проснулись от шума. Я спросил, в чём дело, и почему такой шум на дворе в ночное время. Один из заключённых сообщил мне шёпотом:

– Это приехал «чёрный ворон», чтобы отвезти кого-то на место расстрела. Он каждую ночь в это время приезжает за жертвами. Иногда берет одного, а бывают ночи, когда забирает многих.

Автомобиль перестал работать, и шум прекратился. Во дворе были слышны шаги конвоиров; наша лестница была рядом с лестницей, ведущей на служебный двор. Все прекратили даже тихие разговоры и ожидали, что будет. Ни у кого не было гарантии, что его сейчас не возьмут, и все, затаив дыхание, прислушивались к каждому шороху. Спустя немного времени дверцы «чёрного ворона» отворились. В парадной послышались шаги нескольких лиц. Двери парадной со скрипом открылись, и во двор вышло несколько человек конвоя с жертвами. Жуткий момент. Не знаю, сколько людей увезли в эту ночь, но по шороху можно было предположить, что несколько человек. Дверцы автомобиля громко захлопнулись, звякнул ключ в замке… Мотор снова заработал, автомобиль с шумом выехал на улицу. Всё опять стихло. Спокойно лежа на кровати, я представил себе, что переживают те люди, которых сейчас взяли на расстрел. Если бы они были рожденными для новой жизни, то смерть для них была бы приобретением лучшей, небесной жизни. Теперь сознание и совесть заговорили в них, и они сознали, что жизнь их была напрасна. Я спросил соседа, из какого отделения берут на расстрел.

– Некоторые смертники сидят в одиночках и знают, что их дело серьезное, а большинство находятся в общих камерах и в 4-м отделении, – ответил заключённый.

– Разве смертники бывают и в общих камерах? – снова задал я вопрос.

– В общую камеру смертников иногда сажают нарочно, чтобы успокоить. Смертник не знает, что ему угрожает расстрел. Ему говорят, что всё обстоит благополучно, разрешают свидание с женой или родственниками и переводят в общую камеру. По законам тюрьмы в общих камерах находятся узники, дело которых закончено или несерьезно. Попав сюда, смертники воображают, что опасность миновала, и даже мечтают выйти на свободу. Неожиданно ночью приходит дежурный по тюрьме, будит его и уводит. Таких случаев было много. Как только приезжает «чёрный ворон», все думают: не за мною ли?

Я долго не мог уснуть. Мне ясно представлялась казнь увезенных из тюрьмы. Вырыта яма. Смертники стоят бледные. На их лицах уже лежит печать смерти. Раздается несколько залпов, несколько стонов, и всё кончено. Кто может исправить безумную ошибку и вернуть жизнь? Кто имеет право отнимать жизнь? Люди забыли слова живого Бога: «Не убей», «Любите друг друга». Просвещённый Словом Божиим человек не должен жестоко относиться к ошибкам людей и применять расстрелы. Жизнь человека может погубить только тот, кто воспринял дух антихриста, дух сатаны, который от начала был человекоубийцей.

Молодой еврей

В общей камере тюремная жизнь пошла незаметнее и быстрее. У меня даже не хватало времени для чтения книг – я старался знакомиться со всеми и вести разговоры о Боге и о спасении души. Некоторые «верующие в Бога» с фарисейской улыбкой отмежевались от разговора на эту тему, а другие открыто порицали меня за мой фанатизм. Православному монаху ... кто-то сообщил, что я штундист, и он не хотел даже смотреть в ту сторону, где я находился. Священники имели предания отцов церкви, акафисты, церковные правила, и не хотели вести со мною беседу о Боге. Некоторые из них слушали и соглашались с Евангелием, но говорили, что жить так, как учит Евангелие, теперь нельзя. Миряне, обремененные тоскою и печалью в своём заключении, не могли вмещать того, что я свидетельствовал им о Христе.

В камере находился один молодой человек лет двадцати трех, из евреев. У этого человека было среднее образование. Он имел жену и детей. Не помню, по какому делу он был арестован, но только тюрьма действовала на него особенно угнетающе. Он ходил по камере угрюмый, неразговорчивый. Присматриваясь к нему, я решил при удобном случае поговорить с ним о Христе. Скоро такой случай представился. Я стоял у решётки и молился. Кто-то подошёл к решётке и стал рядом со мною. Прекратив молитву и открыв глаза, я увидел молодого еврея, и решил начать с ним разговор. Мне пришла мысль запеть духовный гимн, и я тихо запел: «Великий Бог, когда на мир смотрю я».

Он обратился ко мне и спросил:

– Что вы поете? Я вижу, что, когда вы поете, ваше лицо преображается.

– Я пою мой любимый чудный духовный гимн во славу моего Господа, Который сотворил весь мир, и нас с вами, – ответил я.

– Теперь мало людей, которые верят в Бога, и почти нет таких, которые живут так, как хочет Бог, – сказал мой собеседник.

Я был рад, что разговор начался, и мысленно просил благословения у Господа начать беседу с ним. Человек этот хорошо знал Библию, но не знал Евангелия. Суждения его были искренними. Беседа наша затянулась до обеда. Во время прогулки мы ходили вместе и рассуждали о Боге и Его любви. Я старался приводить из Библии места Писания, которые говорили о Христе как о Мессии. Библии у нас не было, но он доверял мне. Мы сошлись с ним очень близко, беседовали каждый день. Он был знаком с историей и разными религиями. Это помогло мне открыть ему глаза на Христа. Он уже не верил в возможность осуществления политических идей и во всём был разочарован. Особенно был недоволен советской властью:

– Рабоче-крестьянская власть совершает невероятное насилие, о котором мир раньше даже не слышал. Дальше идти некуда.

Он запутался и не видел выхода из создавшегося положения. Я старался открыть ему глаза на Писание и объяснить, что всё происходящее в мире, и даже бесцельная политическая борьба – предусмотрено всемогущим Богом. Время, которое мы переживаем, ясно предсказано пророками, Христом и апостолами. Я

объяснил ему, что учение Христа есть учение жизни. Оно имеет силу воскрешать людей к новой жизни. Через Иисуса Христа Бог делает из греховного, погибшего человека новую тварь, которая способна исполнять волю Божию. Я засвидетельствовал ему, как Господь сделал новым человеком меня, возродив от Святого Духа. Это его заинтересовало. Он полюбил Христа и обещал посещать собрания, если будет освобожден. Я рассказал ему, как Господь мне во сне открыл мою греховность, а затем, спустя несколько дней, простил меня и принял в число Своих детей.

До 1911 года я был человеком политиканствующим, хотел дать счастье всем, а сам был самым несчастным. Хотел всё разрушить и построить новое. Проживая с 1910 года в Америке, я прожигал жизнь в огне греха… Но 30 апреля 1911 года Бог послал ко мне Своего служителя, проповедника Евангелия.

Пред торжествами 1 мая русская политическая организация устроила собрание в Нью-Йорке. Я присутствовал на этом собрании. Пришёл послушать ораторов – политических деятелей, и ... Я сидел с ним рядом на одной скамейке. Он был с женою и дочерью лет шести. На собрании между лидерами различных организаций получился большой скандал. Они не поделили между собой время для своих речей. Один лез на кафедру, а другой тащил его обратно и, заняв его место, начинал кричать товарищам, чтобы помогли водворить порядок; другие ораторы не хотели уступить. Произошёл шум, гвалт; но явилась полиция, и порядок был водворен.

... сидел и всё время указывал мне на этих людей, говоря:

– Это – ваши товарищи, которые ведут нас к счастливой мирной жизни, а сами не могут между собою наладить порядок. Если бы не полицейские, то они бы так и не усмирились.

Мне стыдно было выслушивать этот упрек, но факт был налицо. В дальнейшем я познакомился с этим господином ... Долгое время жил у него на квартире. Он указывал мне истинный путь жизни, но я долгое время противился и не хотел смиряться пред Господом. Посещал собрания, где проповедовалось Евангелие, даже иногда пел вместе со всеми духовные песни. Верующие много беседовали со мною, но переубедить меня было трудно. Я был на распутье – отбился от политических партий и не присоединялся к верующим евангелистам; жил мирской жизнью, и вопрос спасения моей души мало меня

интересовал. Я не думал о вечности, не думал о Боге и даже отвергал Его. Жизнь меня не интересовала и была тяжела для меня. Иногда приходила мысль – покончить с собой. Я чувствовал себя совершенно одиноким в этом хаотичном пустом мире, где нет радости и счастья. Свет духовной жизни, который просвещает всякого человека, приходящего в мир, был от меня сокрыт. Люди, которые должны были быть светом, только коптили и делали духовную атмосферу вокруг меня ещё более мрачной. Я пришёл к погибели… Но всемогущий, всеблагой и милостивый Бог во Христе Иисусе встретился со мною и ночью, во сне, снял с меня покрывало тьмы.

Сон

Я пришёл к товарищу, который жил в лесу. Мы были большими приятелями. Во время беседы он вынул большой острый нож и положил его на стол. Мой товарищ был гораздо выше и сильнее меня. Я недоумевал, для чего он приготовил нож. Товарищ взял нож, подошёл ко мне и говорит:

– Хотя ты и мой друг, но я должен убить тебя этим ножом.

Я онемел от испуга, кровь у меня в жилах остановилась, и я с трудом проговорил:

– За что ты хочешь меня убить? Что я тебе сделал злого?

– Ты ничего плохого мне не сделал, но у тебя есть деньги, они мне нужны, я и решил убить тебя, чтобы завладеть деньгами, – спокойно ответил он.

Я умоляющим голосом сказал ему:

– Деньги я сам тебе отдам, и никогда не буду спрашивать о них, зачем тебе убивать меня?

– Нет! Я должен тебя убить, – неумолимо возразил он. – А то ты отдашь мне деньги, а выйдя от меня, заявишь в полицию, и меня арестуют.

Я умолял его не совершать злодейства, просил вспомнить нашу дружбу, но он был неумолим. Кричать – в лесу никто не услышит. Передо мной стоял сильный мучитель с занесенным ножом. В жилах леденела кровь. Я закрыл глаза и почувствовал, как острый нож опустился на мою грудь. Его холодное лезвие погружалось глубже и глубже, разрезая ткани тела. Ещё минута – и я потерял сознание. Атмосфера ада овладела мною.

Огонь неугасимый уже касался моей души. Нет возможности передать словами всего мучения, которое я испытал.

Затем у меня проснулось сознание, и я начал вспоминать слова Христа. Один призыв за другим всплывали в моей памяти. Господь предоставил мне возможность избежать места сего вечного мучения, но я не принял Его зов. Слова Христа жгли огнём всё моё существо. Он не оставил меня в неведении, и я знал, что ожидало меня в вечности. Я знал, как дорого было уплачено за моё спасение, но пренебрег этим и жил для мамоны. В одно мгновение передо мной промелькнула, как мне казалось, вся вечность. В моей душе, как бы извне, прозвучал голос: «Бог есть любовь». Может быть, для меня ещё не всё потеряно? Может быть, Бог ещё пощадит меня? Я решил молиться Богу и, что было во мне силы, закричал: «Христос! Спаситель! Спаси меня!»

Очнувшись, услышал стук в окно. Мой товарищ выхватил из моего тела нож, забросил его в угол, а сам побежал к двери. Я обрадовался этому... и проснулся.

Опомнившись, увидел себя на кровати. Было темно. Тело моё дрожало, сердце билось, на лбу выступил пот. Слава Богу, это был только сон, но сон от Бога. Я почувствовал в душе угрызения совести. Я ещё жив! Призыв Христа звучал во мне и всё сильнее влёк меня к Себе. Я встал с постели, склонил колени, и первый раз в жизни призвал имя моего Господа. Сознание моих грехов угнетало меня. В эту ночь в молитве я не получил облегчения, но любовь Божия завладела мною. Царство Божие было открыто для меня, хотя я ещё был вне его.

Явление Господа

Встав утром, я сообщил братьям своё намерение служить Господу, но не сообщил, что со мною произошло ночью. Братья были обрадованы и удивлены моим решением. Я верил, что Христос меня не оттолкнет, но радости спасения ещё не имел. В душе загорелось искреннее желание получить прощение грехов и иметь мир с Богом. Совесть моя пробудилась. Дух Божий влёк меня к подножию креста на Голгофе, где распятый Господь Иисус пролил Свою Святую кровь, умер за меня и воскрес для моего оправдания.

В то время я искал уединения в молитве пред Господом, но такового места не находил. Проживал я в Бруклине, а работал в Нью-Йорке на улице Бродвей. Каждый день мне нужно было ехать к месту работы в трамвае, но я вставал пораньше и шёл пешком, а по пути отдавался искренней молитве. Слёзы рекой лились из моих глаз. Я умолял моего Небесного Отца простить меня и принять в число Своих детей. Я чувствовал блаженные минуты, но прощен ещё не был, совесть моя говорила мне, что я грешник. Мне очень ясно было открыто Царство Божие, и моя измученная душа рвалась войти в него. Наконец, грех был прощен. Дух Божий очень ясно говорил мне, что я прощен, и что я – новая тварь во Христе Иисусе.

Утром я шёл пешком на фабрику и почти не замечал людей, которые встречались мне на пути. Мой взор и душа были направлены к Источнику жизни. На фабрику я пришёл к началу работы. Зашумели машины, я нажал педаль швейной машины, приготовил детали для шитья и принялся работать. В тот день я не мог работать так спокойно, как обычно. Мне хотелось уйти с фабрики, удалиться куда-либо и отдаться молитве. Среди шума машин и крика рабочих моя душа была устремлена к Небесам. Я чувствовал, что со мною происходит что-то необъяснимое. Всё моё существо наполнялось ощутимой теплотой.

Я остановил свою машину. Мои соседи, ничего не замечая, продолжали свою работу. Мне представилось, что я на зеленом лугу, а навстречу мне идет много людей. Они вели с собой какую-то женщину со всклоченными волосами в небрежной, измятой одежде. На лицах ведущих вспыхивали злорадные и лукавые усмешки. А недалеко от меня, в светлой одежде и окруженный сиянием, сидел Христос. Я хотел броситься к Нему, пасть пред Ним на колени, умолять Его положить на меня Свою руку, благословить и простить. Но ноги мои отказывались повиноваться, и я остался на месте. Толпа приблизилась к Иисусу, окружила Его, поставила пред Ним приведенную женщину и с криками: «Она достойна смерти!» начала обвинять ее. Христос Своим проникновенным и кротким взглядом смотрел в лицо каждому обвинителю. Этого взгляда никто не мог перенести, люди смущенно опускали глаза, стараясь как можно скорее выбраться из толпы и уйти. После ухода каждого пристыженного обвинителя Христос что-то писал на земле. Это был не

сон, а действительность. Я ясно чувствовал себя сидящим за швейной работой, но рабочих и машин не видел. Мне захотелось, чтобы люди, приведшие женщину, подвели и меня к Иисусу – ведь я более грешен, чем она, я более достоин осуждения! Постепенно толпа рассеялась. Остались только женщина и Христос. Христос поднял Свой взор на женщину и сказал: «Я не осуждаю тебя, иди с миром». Женщина преобразилась, лицо её просияло неземным светом. «Ах, если бы Он взглянул и на меня», – подумал я. Женщина ушла. Кричать я не мог, двигаться – тоже, и тогда я из глубины сердца направил все свои мысли к Нему. И Он услышал меня – встал, поднял на меня Свой кроткий взор и сказал: «Я не осуждаю тебя, иди с миром». Христа я уже не видел, но Его слово глубоко проникло в моё сердце и наполнило всё моё существо. В душе разливался удивительный мир, который невозможно передать словами.

Видение прошло, как сон. Я снова увидел мастерскую, рабочих и машины, но я уже был новой тварью во Христе Иисусе. Атмосфера в мастерской совершенно изменилась. Мне представилось, что и рабочие изменились, стали добрыми и хорошими, всё было гармонично, как будто бы весь мир переродился. В душе я благодарил Господа, и весь рабочий день провёл в радостном настроении духа, повторяя слова: «Я теперь прощен, прощен навсегда, Христос – мой Спаситель, и я – в Его руках. Слава Ему! Аллилуйя». Возвращаясь с работы, я пожелал идти пешком по мосту, чтобы наедине отдаться созерцанию невидимой небесной радости. Я шёл и плакал – не от сокрушения духа пред грехами, а от невыразимой радости. Я чувствовал, что для меня открыты Небеса, и слова моей благодарности достигают Царя царей.

Придя домой, я передал братьям и сестрам, что Господь меня простил, и что теперь я желаю совершить Его волю в водном крещении. Все были рады моему обращению.

Обращение еврея ко Христу

Молодой еврей был тронут моим свидетельством. В его взоре загорелся огонь надежды получить мир от Иисуса. Он признал, что Христос есть действительно Мессия и Сын Божий. Каждый день он старался беседовать со мною, и после беседы

его лицо освещалось, он был весел и бодр. Впоследствии он в камере и сам встал на защиту истины Божией, и, по своей ревности, однажды в споре вошёл в такой азарт, что готов был избить противников, отрицающих Бога. Для него до некоторого времени не было понятным только учение о Троичности Бога. Он не мог усвоить, как это – Сын произошёл от Отца? Я привёл ему пример, который вполне его удовлетворил.

Один довольно образованный человек, при том верующий, задался целью исследовать вопрос о Троичности Бога. Он прочитал массу различных книг по этому вопросу, но ни одно толкование не удовлетворяло его. Он старался разобраться сам, но ничего не получалось. Вопрос этот был для него непостижим. Он пришёл в уныние и сомнение. Однажды этот человек был на даче на берегу океана. Как-то утром он гулял по берегу, и увидел, что его шестилетний сынок выкопал на берегу небольшую ямку, незаметно от матери взял столовую ложку и начал этой ложкой черпать из океана воду и выливать в ямку. Заметив это, отец подошёл к нему и спросил:

– Что ты делаешь, сынок?

– Папа, я хочу перелить в мою ямку это море.

– Это невозможно, – ответил отец, – океан – большой, а твоя ямка мала, да и много ли ты начерпаешь столовой ложкой…

– А я всё равно хочу это сделать, папа, – твердо и настойчиво ответил мальчик.

Отец отошёл в сторону и остановился.

«Этот случай с сыном, я думаю, мне показал Сам Бог, – размышлял он. – Как же я могу вместить Его, во всей Его полноте, в свой маленький череп, когда Его не могут вместить все необъятные пространства небес».

Этот разговор с сыночком удовлетворил его и успокоил, после этого он прекратил исследование вопроса о Троичности Бога.

Услышав этот рассказ, мой молодой друг воскликнул:

– Теперь я вполне удовлетворен – и даже более, чем ожидал!

Его скоро выпустили на свободу, и он дал мне слово, что будет всегда посещать собрания и отдаст своё сердце Господу.

Монах

В нашей общей камере находился один монах, он был лет двадцати двух, высокого роста, очень изнурен. Когда ему сообщили, что я штундист, он боялся встретиться со мною и никогда даже не смотрел в мою сторону, где бы я ни находился. Своими воспитателями он был очень сильно настроен против нас, верующих. Мне передавали, что он считал меня страшным еретиком и отступником от Бога. Но он был всё же очень добрым человеком и творил много милостыни. Его родственники и друзья каждую неделю приносили ему передачи со всякими кушаньями, а он половину полученного разделял неимущим. Все уважали его за доброту. Садясь за стол, он раскладывал на столе белую салфетку; приготовив себе кушанье, осенял себя и всё, что было на столе, большим крестом. Молодой монах был всегда скромным и никогда не смеялся. По вечерам он садился за стол, к нему присоединялось несколько старцев, один священник, и они хором пели молитвы.

Сначала администрация приказывала прекратить пение, но они не обращали внимания на это распоряжение и каждый вечер продолжали петь. Пели тихо, слышно было только в камере, а потому надзиратели перестали запрещать. По вечерам монах, никого не стесняясь, ставил на свою кровать маленькую иконку, становился на колени и долго молился. Молитвы его были заучены, но произносились серьезно и с благоговением. По утрам он умывался, долго молился и потом уже начинал кушать. Он имел при себе Евангелие и ежедневно читал его.

Однажды, заметив, что монах сидел в углу камеры и беседовал с заключёнными, я подошёл к ним, присел рядом и стал прислушиваться к разговору. Мне очень хотелось побеседовать о Священном Писании. Библии и Евангелия у меня не было, а монах читал Евангелие и объяснял слушателям. Желая вступить в собеседование, я остановил их и внес поправку на основании прочитанного. Чтецу это не понравилось, и он сказал, что мы отвергаем церковь и не верим в неё. Я попросил его объяснить мне, что есть церковь. Он дал мне уклончивый и отвлеченный ответ. Я ничего не понял из его объяснений и на основании Писания начал говорить, что есть церковь, и что есть храм. Монах был настроен против, и моим пояснени-

ям не придал никакого значения. Он обличил меня в том, что мы не поклоняемся святым иконам, чудотворцам и мощам. Я объяснил, почему мы не поклоняемся иконам и мощам. Вскоре наша беседа прекратилась. Я оставил их и подумал: как хитро лукавый сплел свои сети над душами. «Они, видя – не видят, и слыша – не слышат». Один только Господь может пробудить их душу для познания истины.

Монах был арестован из-за вопроса о военной службе. Он был убежден, что не может брать оружие, направляя его против брата своего. Когда следователь спрашивал его, почему он не хочет вступить в армию, он смело ответил: «Эта власть – от диавола, а не от Бога, а потому я не хочу повиноваться ей. Она не верит в Бога, отвергает Его и преследует тех, которые веруют Ему. Такой безбожной власти я над собою не признаю». Его держали и в одиночке, и в карцере с крысами, но он не соглашался подчиниться власти и сидел в тюрьме Дома предварительного заключения.

Священник О...

В камере находился священник О... Он вёл себя очень прилично, и все его уважали. Он не был так сильно настроен против меня, как молодой монах. Познакомившись с ним, мы часто вели беседы на религиозные темы. В заключении он находился уже месяцев девять. Ему ставили в вину какое-то угрожающее анонимное письмо. Один из агентов ГПУ получил письмо с угрозами, и, из-за сходства почерка, подозрение пало на О... Он отрицал это ложное обвинение, явных улик против него не было, но его всё-таки принуждали сознаться. Он перенес много испытаний и находился в крайней нужде, т.к. семейство его, проживая далеко от Ленинграда, не могло ничего ему передавать ни из продуктов, ни из белья. Этот человек был примечателен тем, что, будучи православным пастырем, почти ничего не знал из Евангелия. Во время беседы он не мог возражать против многих доводов из Священного Писания, а когда следователь Макаров позволил мне иметь Библию, то этот священник даже боялся взять её в руки и читать. У меня была Библия синодального издания, и когда О... удостоверился, что Библия правильная, то иногда просил её у меня и читал. Этот пастырь произвёл на меня странное

впечатление. О подобных пастырях Христос сказал: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму»[24].

Если пастырь не знает учения Христа, каковы же будут его овцы?! Бедный русский народ! Таких пастырей на нашей родине очень много, особенно в провинциальных городах и селах. И вот последствия неверного духовного руководства нашим народом: «Нет Бога! Природа сама всё создала». Да наш русский народ упал не в яму, а в глубокую пропасть! И к этой бездне греха его привели пастыри, которые и сами вместе с народом попали в этот ад, откуда вывести может один только Бог.

Во время бесед со мной О... основывался исключительно на преданиях отцов церкви. После многих бесед он начал признавать авторитет Слова Божия выше преданий и догматов, и так был заинтересован Евангелием, что часто сам просил побеседовать с ним, хотя и старался беседовать со мною наедине, стесняясь своих православных овец. Однажды я ему открыто заявил: «Какой же вы пастырь, если твердо не знаете Библии, ведь вам и вашим овцам, которых вы ведете, угрожает вечная гибель?..» Скоро О... забрали из общей камеры и перевели в другую тюрьму. На прощанье я просил его приобрести Евангелие и всегда читать его, чтобы твердо знать, как Сам Бог учит чрез Иисуса Христа.

Получил Библию

Кто в жаркий день проходил большое пространство, не встречая реки и колодца, тот знает, что такое жгучая жажда. В продолжение многих месяцев заключения я не имел Библии. Она мне нужна была при беседе с заключёнными, т.к. слушатели часто не доверяли моим словам и доводам, да и сам я имел сильное желание читать драгоценное Слово Божие, которое было для меня источником счастья и радости. Моя душа томилась по Библии. Я просил Господа, чтобы Он послал мне её, и Господь услышал мою молитву. Однажды после обеда надзиратель подошёл к решётке камеры и назвал мою фамилию. В руках надзирателя я увидел свою Библию. Он передал мне её и, ничего не сказав, ушёл.

24 Библия. Евангелие от Матфея 15:14; Евангелие от Луки 6:39.

Сколько было радости и ликования, что Бог дал мне Своё Слово! Я целовал Библию, прижимал к своей груди и чувствовал, как она дорога для меня. Её страницы дышали для меня какой-то новой жизнью. Я пил, пил без конца из этого источника живой воды. Библия укрепила меня, утешила и дала новые силы для борьбы со злом. Я старался садиться где-либо один и читать её, но не всегда мне удавалось это сделать. Увидев меня с Библией в руках, мои товарищи по камере подходили ко мне, садились рядом, и начиналась беседа. Были среди заключённых и философы нынешнего века, но Библия побеждала их и приводила в стыд. Когда я, стоя у решётки, читал Библию, иногда подходили надзиратели и начинали издеваться надо мною. Один из надзирателей, уже престарелый, был особенно злобно настроен против меня и Библии. Он не мог спокойно пройти мимо меня, когда я стоял у решётки с Библией.

– Недаром вас сюда и запрятали, – говорил он. – Дурманите людям головы своим Богом. Довольно! Ушло то время, когда боялись Бога. Теперь мы будем жить без Бога.

– Это понятно во всей наглядности, что вы строите свою жизнь без Бога, – возражал я. – Прежде в тюрьмах было свободно, а теперь переполнено, и даже нет мест – нужно строить новые тюрьмы. Прежде в тюрьмах сидели уголовные преступники, а теперь сидят за веру в Бога.

Этот надзиратель часто курил, а я говорил ему, что грех чрез табак вытянул из него уже все соки, всю физическую силу. «Вы уже наполовину стоите в гробу, но всё ещё противитесь Богу». На все мои предупреждения старец только посмеивался.

Братья ... и ... находились вместе в одной камере. Своими беседами и поведением они заинтересовали всех в камере. Люди стали внимательны к ним и слушали Слово Божие. Сначала братья по вечерам пели духовные гимны одни. Гимны эти удивительно действовали на заключённых, которые один за другим начали присоединяться к пению, и скоро почти вся камера пела вместе с ними. Пение устраивалось после ужина. Начальники в это время уже не проходили по коридору, а надзиратели, хотя вначале и протестовали, но потом смирились с этим и даже сами прислушивались к пению. Я часто замечал, как кто-либо из них подходил ближе к камере, где происходило пение, слушал и глубоко задумывался. Братья часто пели о

всепрощающей любви Христа и о Его искуплении. В тюремных стенах этот призыв к людям, обремененным скорбью, проникал глубоко в сердце и душу человека. Камера их была напротив нашей камеры, поэтому я часто наблюдал за пением и иногда подпевал сам. Особенное действие имела песнь, которую братья пели каждый вечер:

Как быстро наши дни текут!
Как тень они проходят,
И нас с собой туда влекут,
Откуда не приходят.

Ещё скитанья год прошёл
В пути земном и трудном.
И странник ближе подошёл
К стране святой и чудной.

О, долго ль будем мы блуждать
По стезям этой жизни?
И долго ль нам ещё здесь ждать
У врат святых отчизны?

У Бога книга наших дней:
Назначил Он скитанья,
И слёзы наши пишет в ней,
И наши испытанья.

Когда тернистый кончим путь,
Войдем в чертог небесный.
Господь велит нам отдохнуть
В стране Своей чудесной.

Не дай нам в скорби унывать,
Но дай всегда смиряться.
К Тебе с молитвой прибегать,
Перед Тобой склоняться.

Слушая эту благословенную песнь, я склонялся перед величием моего Господа, чувствовал Его присутствие, Его свет и радость. Он давал силу, уверенность, бодрость не только переносить тюремное заключение, но и идти на крест за истину. Я

глубоко понял выражение Апостола Павла: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или опасность, или меч. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»[25].

Я осязал Его могучую руку, которой Он держал меня, и чувствовал Его дыхание жизни. Мне приходила мысль, что все братья и сёстры могут пройти этот путь и навсегда понять жизнь воскресения во Христе Иисусе. Плоть рвалась из тюрьмы на свободу, но освященный дух не имел оков, тюрьма не препятствовала ему вознестись на небесные высоты и парить над землею. Я чувствовал себя счастливым, свободным и богатым, хотя и находился в мрачных тюремных стенах, сознавая, что много людей живет на свободе, но не имеет познания Истины и находится в рабстве. Я знал, что многие братья и сёстры сожалеют о нашем заключении и молятся, чтобы Господь дал нам свободу; некоторые проливают даже слёзы… Но они не знают, как я со своей Библией счастлив в тюрьме!

В третьей камере помещались наши братья, которые тоже свидетельствовали о Господе и приобретали для Него души. Было несколько душ, которые уже решились служить Господу. Пение духовных гимнов продолжалось, однако, недолго. Както раз братья по своему обыкновению начали петь духовный гимн. Наши камеры помещались рядом с лестницей, которая вела вниз, в канцелярию тюрьмы. В это время в канцелярии было начальство. Братья так увлеклись пением, что забыли о том, что они находятся в тюрьме, и звуки пения доносились в канцелярию. Начальство, прислушавшись к пению, уловило ухом, что штундисты поют о Боге. Они прибежали в коридор к камерам, а пение идет своим порядком; пели не только два штундиста, а вся камера. Люди сидели на своих приготовленных на ночь кроватях и пели. Со стороны начальства посыпались угрозы и ругань. Продолжать пение было строго запрещено, а надзирателю отделения пришлось понести наказание за то, что допустил пение штундистов.

25 Библия. Послание к Римлянам 8:35-39.

Petrow_kor.indd 114 10.09.2015 15:04:26

Десятилетний юбилей советской республики

Тюремная жизнь полна ожиданий и надежд. Все до одного мечтают об освобождении. Всякое полученное извне известие о каком-либо изменении в пользу заключённых, производит хорошее впечатление. Кто-то сообщил, и с быстротой молнии эта весть передается из уст в уста, проникая даже в одиночные камеры посредством стука пальцами по стене. Распространились слухи, что прокурор республики Крыленко вырабатывает новый закон, по которому следователям нельзя будет держать людей в предварительном заключении более двух месяцев, а ведь сейчас некоторые томятся более года. Эта весть всех окрылила надеждой, что его дело скоро будет закончено, и он узнает его результат. Самое томительное для заключенного – это не знать, как долго ему придется ещё сидеть, поэтому за каждое такое сообщение заключённый хватается, как за соломинку. Кто-то сообщил, что, исключая уголовных, всех будут выпускать на свободу, и это вызвало много разговоров и преждевременной радости. Но проходили дни, недели, месяцы, а всё оставалось по-старому. Изменялось только одно: день ото дня в камере становилось теснее от прибытия всё новых и новых заключённых.

Приближался день 7 ноября (25 октября по старому стилю), день 10-летия Советской республики. Об этом дне много писалось в газетах. Заключённые с нетерпением ожидали этого дня. Все рассчитывали на широкий манифест по случаю 10-летия и на амнистию. Среди заключённых полились потоки разных невероятных слухов. Определенно никто ничего не знал, но все были уверены, что эта амнистия коснется и его – если не освободят совсем, то уж скидку получит каждый. Некоторые за несколько дней до юбилея прощались с товарищами по камере, а иные говорили чувствительные речи. Этим ожиданием были увлечены даже верующие. Я знаю брата, который несколько вечеров подряд говорил в своей камере прощальное слово заключённым в надежде, что завтра будет уже на свободе. Мечтам этим не удалось осуществиться. Настал долгожданный день 7 ноября 1927 года. Все встали с радостным настроением в душе, с сознанием, что сегодня будут отпущены на свободу. Желания заключённых были справедливы, потому

что никто не чувствовал себя преступником, а потому все надеялись на справедливое отношение к ним советской власти. Некоторые говорили:

– Если советская власть просуществовала десять лет, то она теперь окрепла, и не будет бояться мнения какого-то Ивана Ивановича. По всей вероятности, все мы пойдем по домам, на свободу.

В этот день в камере появились газеты, в которых все страницы исписаны были разъяснением широкомасштабной амнистии. Читали и слушали, затаив дыхание. Обещано было очень много, но совершенно ничего – для политических и религиозных заключённых. Манифест прочитывался внимательно, по нескольку раз, каждая фраза и слово тщательно взвешивалась, чтобы отыскать хоть какой-то намек на освобождение. Но затем люди с печалью оставляли газеты и целый день в молчании ходили по камере, раздумывая о своей печальной судьбе. Все были разочарованы и обмануты несбыточными надеждами. Амнистия коснулась только уголовных преступников, потому что они считались не опасными для государства. В годовщину смерти Ленина вместо кипятка был дан заваренный чай, а в юбилейный день даже и этого не сделали. Вечером многие прислушивались к каждому движению и крику с улицы, ожидая, не придет ли избавление, не произойдет ли революция, которая свергнет ненавистную советскую власть…

Но день юбилея прошёл благополучно. Всё в городе было тихо. Революцию никто не совершил. Заключённые остались в камерах. «Чёрный ворон» по ночам посещал наш мир и увозил на расстрел свои новые жертвы.

Этапы

По средам тюремная жизнь немного отличалась от обычных дней, т.к. в этот день из тюрьмы отправлялись этапы с арестантами. В одну среду была отправка партии в Вишерский лагерь, в другую среду производилась отправка в Соловецкий лагерь и Сибирь. Это был день слёз и радости. Слёзы проливались во время последнего свидания с родственниками, а радость вызывалась тем, что заключённые на время покидали мрачную тюрьму.

Дня за три до отправки приходила «кукушка» (так называли барышню из канцелярии), которая вызывала заключенного и объявляла ему постановление ГПУ о сроке заключения. Три года заключения в концлагерь на тяжелые лесные работы считались детским сроком. Десять лет – тоже небольшим сроком. После «кукушки» одни проливали слёзы, а другие шутили. Посылали родственникам телеграммы и готовились к этапу. Расспросы и ответы лиц, которые уже побывали в каком-либо лагере, наводили ужас. День отправки был очень оживленным. Происходил расчет с канцелярией тюрьмы[26]; люди получали из дома одежду, продукты; их водили в баню, на свидание и т.п. Наставал долгожданный вечер. Каждого заключенного по фамилии вызывали в коридор, строили в шеренгу, проверяли и обыскивали вещи и, наконец, открывалась решетчатая дверь, и всех этапных вели во двор.

В этих партиях были заключённые разных возрастов, начиная от подростков до 85-летних стариков. В одну из этапных партий попали два старца, которые были приговорены на десять лет каждый. Оба старца были жителями Ленинграда (Петербурга), в прошлом занимали довольно высокие посты, а теперь – десять лет заключения в концлагере. Провожая их, все думали, что им на родину уже не вернуться. Тяжело было переносить слёзы этих жертв. Я помню, как одному заключенному лет пятидесяти сообщили, что его приговорили на десять лет. Сначала он как бы не разобрался в этих цифрах, но потом сел на скамью, заложил руки за голову, и рекой полились слёзы. Рыдая, он говорил:

– За что? За что? Десять лет – за что?

Отец шестерых детей, которые были на его содержании, он понимал, что теперь они оставлены на произвол судьбы. Нельзя выразить душевного переживания этой бедной жертвы; оно не поддается описанию. Я прежде беседовал с ним о текстах из Библии, и теперь при отправке он просил меня молиться за него.

Моя душа переживала тяжелые минуты в дни отправки этапов. Остающиеся ещё на местах также нервничали, созна-

26 Расчет с канцелярией тюрьмы – полагаю, что заключённые находясь длительное время в тюрьме, имели какие то деньги, личные вещи от передач, или изъятые при поступлении в тюрьму, вёлся учет отсиженных, отработанных дней (Прим. И. Шнайдера).

вая, что и они уже на очереди к отправке в какую-либо трущобу, в леса дикого Севера или дальней Сибири. В общих камерах все заключённые так сближались друг с другом, что после этапа всегда чувствовалась пустота, но на их места приводили других, и всё забывалось.

Книга «Долг»

В тюремной библиотеке было сравнительно много разнообразных книг. Было даже немного духовных, но почему-то их не выдавали. Однажды в нашу камеру принесли книги, и среди них я нашёл книгу под названием «Долг». Я почувствовал, что эта книга должна быть интересной, и с радостью начал читать её. Она была прислана для меня братьями, которые работали в библиотеке по починке книг. Книга произвела на меня очень глубокое впечатление. Её содержание во многом обличало меня, я сознавал свою вину во многих своих поступках, которые не соответствовали моему христианскому долгу.

Дух Святой обличал меня во всей силе. Я был виновен – как в семейной жизни, так и в служении церкви. Из этой благословенной книги я понял всю свою серьезную ответственность пред Господом в тот день, когда Он позовёт меня. Сколько было в моей работе упущений и беспечности! Но вернуть прожитого невозможно, и я просил у Господа прощения за всё, в чём согрешил – и Он мне простил, я точно знал это. В моём сознании прочно утвердилось решение, что если Господь даст мне ещё быть на свободе и работать на Его ниве – быть ревностным в труде. Над этой книгой я пережил очень много счастливых и скорбных минут. Благоденствие окружающих нас людей во многом зависит от нас, верующих. Христос сказал: «Вы – свет миру». Свет в физическом труде, свет в семейной жизни, свет в общественном служении, свет во всех проявлениях нашего духовного существа.

На работе во дворе

Сидячая жизнь в камере мне крайне опротивела. Меня потянуло во двор, на работу, куда ходили и наши братья. Они с утра и до обеда проводили время на работе во дворе, под-

метали тюремный двор, сжигали мусор и делали всю мелкую работу по тюрьме. Я попросил начальника отделения, и он разрешил и мне выходить на работу. На дворе было холодно, часто падал снег, который убирался со двора силами заключённых. Мне очень нравилась эта работа. Я подметал двор, сваливал в одну кучу снег, готовил уголь для кочегарки. На дворе сообщалось много разных новостей, мы могли беседовать о Слове Божием. Впоследствии администрация так доверилась нам, что уже не наблюдала за нами, и мы свободно ходили по двору, по мастерским. С тех пор, как начал выходить на работу, я почувствовал себя очень хорошо, к тому же тем, кто работал, разрешалась добавочная вечерняя прогулка на один час.

В одну жуткую ночь все камеры были переполнены арестованными торговцами мясом. Большая часть из них были евреи. Камеры были так переполнены, что ночью люди лежали даже под койками, некоторые спали сидя. После этапа стало немного свободнее, но через несколько дней все камеры заполнили арестованными мануфактурщиками. Была начата борьба против частной торговли.

С 1922 года в стране был объявлен НЭП[27] (новая экономическая политика). Частные рынки и магазины были переполнены различными товарами. Цены были сравнительно низкие, норм на продукты не было, жизнь кипела, и все говорили, что мы подошли к старым временам, потому что всего было достаточно, и всё было доступно. Но НЭП был Советам не по нутру, и политика правительства скоро изменилась. Частник стал вести конкуренцию с государством, которое не могло удовлетворять потребителя так, как удовлетворял частник. Государственные

27 НЭП – Новая экономическая политика – экономическая политика, проводившаяся в Советской России и СССР в 1920-е годы. Была принята 14 марта 1921 года X съездом РКП(б), сменив политику «военного коммунизма», проводившуюся в ходе Гражданской войны. Новая экономическая политика имела целью восстановление народного хозяйства и последующий переход к социализму. Главное содержание НЭПа – замена продразвёрстки продналогом в деревне (при продразвёрстке изымали до 70% зерна, при продналоге – около 30%), использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий, проведение денежной реформы (1922-1924), в результате которой рубль стал конвертируемой валютой.

цены были выше, чем у частника, а качество продукта – гораздо ниже.

У частника к сезону всё было приготовлено для потребления, а у государства, наоборот, весной продавался тот продукт, который должен быть продан осенью, а осенью предлагался товар, который должен продаваться весной. Зимнее пальто предлагали купить в мае месяце, а летний костюм – в декабре. Почему так получалось? Объяснять этого никто не хотел, хотя все ясно сознавали, что это получилось потому, что пирожник стал сапожником, а сапожник – пирожником, и ни один из них не был на своём месте. Из арестованных торговцев очень мало было счастливчиков, которые освобождались из тюрьмы. Почти все были приговорены к ссылке или в концлагерь.

Неудачный побег

Одного заключённого долго держали под следствием, и он, решив освободиться от незаслуженного наказания сам, начал ждать благоприятного случая. Как-то его вызвали к следователю на допрос. Когда следователь разговаривал с ним, дежурный надзиратель сообщил следователю, что его зовут к телефону. Телефон находился в коридоре, в особой будке. Следователь прекратил допрос заключённого, оставил его одного в кабинете и вышел к телефону. Уйти из кабинета следователя было слишком рискованно и опасно для жизни. Но пословица говорит, что утопающий хватается за соломинку. Так получилось и здесь. «Бежать, бежать во что бы то ни стало, и быть свободным, но как? Через окно – невозможно, потому что решётки толстые, пилить нечем, да и времени нет».

Мысль работала быстро, и в один момент выстроила план смелого побега. В углу кабинета висело меховое пальто и шапка следователя, а на столе лежал портфель с делами. Не рассуждая ни минуты, заключённый быстро надел пальто и шапку, взял в руки портфель и направился из кабинета. Роста он был одного со следователем. Он поднял воротник, быстро прошёл мимо будки, в которой следователь говорил по телефону, и направился к первому выходу. Ему нужно было пройти решетчатую дверь, у которой стоял часовой с винтовкой и пропускал следователей, надзирателей и граждан с пропусками. Подняв

воротник, беглец благополучно миновал эту опасность, держа в руках портфель. Часовой не рассмотрел лица и, приняв его за следователя, пропустил и ничего не спросил. Заключённый благополучно прошёл по коридору мимо тюремной канцелярии, дверь которой всегда была открыта. В канцелярии находились начальник тюрьмы, его помощник и другие. Затем он удачно миновал кабинет прокурора и по парадной лестнице вышел на тюремный двор. Ещё одна застава – и будет на свободе! Оставалось только пройти мимо часового, который стоял у ворот, ведущих на Шпалерную улицу. Во дворе были люди, надзиратели, но кому какое дело, что мимо них прошёл человек с портфелем.

Смелой походкой он направился к калитке, у которой стоял часовой, быстро открыл дверь калитки и вышел на улицу. Часовой у ворот даже не посмел беспокоить его, вполне уверенный, что это следователь. И вот заключённый на свободе, ворота за ним закрылись! Почувствовав себя вне опасности, он облегчённо вздохнул и быстро направился по тротуару к Литейному проспекту, чтобы сесть в трамвай и уехать куда-нибудь подальше. Вот он уже видит остановку и подходивший трамвай. Ещё минута, и он уедет, будет свободным! Но с ним случилось то, чего не мог ожидать никто. У самой остановки из-за угла проспекта навстречу ему шёл начальник отделения его тюрьмы. Увидев знакомоё пальто и портфель, он подумал, что это следователь, подошёл поближе, чтобы поздороваться, и с изумлением увидел лицо своего заключённого.

– Ты куда идешь? Ты как сюда попал? – грозно закричал он и, крепко схватив беглеца, повёл обратно в тюрьму, где в это время уже был большой переполох, т.к. никто не знал, куда скрылся заключённый. Несчастную жертву привели и водворили на прежнее место.

Встреча Рождества и Нового года

По моей просьбе надзиратель перевёл меня в другую камеру, где находились братья. Мы были очень этому рады и много времени проводили в беседе и чтении Слова Божия. Ежедневно выходили на работу, а через неделю мне за работу

дали личное свидание с женой. Сколько было радости! Мы могли подать руку друг другу и говорить не криком, а спокойно.

Время приближалось к новому 1928 году. Вот уже второй год приходится встречать праздники в тюрьме… Уже, казалось бы, и привыкли. Получили к новому году хорошие передачи с продуктами. Ночью мы не могли встречать новый год, потому что администрация строго наблюдала за нами и запрещала пение в камере. Утром же мы сложили вместе все наши продукты и устроили общий завтрак, обед и ужин, пригласив новых друзей по камере, которые разделили с нами трапезу. На прогулке все поздравляли друг друга с новым годом, желали счастья и скорого освобождения из тюрьмы. После нового года мы провели праздник Рождества Господа Иисуса Христа. Как хотелось нам в эти дни быть среди братьев и сестёр! Тюремная жизнь привела нас к глубокому осознанию нашего долга в духовной работе, но мы были уверены, что нас выпустят на свободу, и готовились к новой жизни, полной различных испытаний, лишений, а, может быть, и смерти.

Прошёл холодный январь, и наступил февраль. Солнце уже поднималось выше, и на дворе было веселее. Заканчивался седьмой месяц нашего заключения. Теперь мы желали как можно скорее из этих мрачных стен выбраться на волю. Перед нами прошло много этапов, мы видели много пролитых слёз, а «чёрный ворон» всё хватал заключённых и отправлял их на вечный покой. Мы желали выяснить наше будущее. Понимали, что работать в церкви, среди братьев и сестёр, нам не позволят уже никогда. Для нас был предназначен другой путь. Сбылись слова нашего Господа, которые Он сказал Петру: «Когда состаришься, то простреш руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь»[28].

Очень не хотелось оставлять духовную работу, братьев и сестёр, с которыми вместе трудились и были одной семьёй. Не хотелось оставить своё родное семейство; но нам было ясно, что теперь Господь хочет провести нас другим путем, путем креста, а может быть, и смерти. Да будет Его воля над нами. Он – наш Пастырь и приведёт нас на злачные пажити и к водам тихим.

28 Библия. Евангелие от Иоанна 21:18.

Приговор

4 февраля перед обедом в наш коридор пришла «кукушка». Все насторожились и притихли, ожидая вызова для получения приговора – куда и на сколько лет. Надзиратель прошёл мимо нашей камеры со списком в руках. Моё сердце предчувствовало, что сегодня постановление объявят и нам. Все мы стояли у решётки, как звери в клетке. Надзиратель вызвал к столу ..., который скоро вернулся. Когда он проходил мимо нас в свою камеру, было заметно его огорчение. Мы подумали, уж не десять ли лет ему дали, отчего брат так сильно расстроен. Потом прошёл от стола инженер. Он спокойно сообщил, что его отправляют в концлагерь на десять лет. Надзиратель подошёл к противоположной от нас камере и начал вызывать к столу по фамилиям. Один получил десять, другой – пять лет, и только некоторые – по три года. От стола до камеры заключённые проходили спокойно, но через несколько минут в камере раздавались истерические рыдания, проклятия и слёзы. Дошла очередь и до нашей камеры. Вызвали брата ..., который, вернувшись от стола, сообщил нам: три года Соловецкого концлагеря. Он тоже был слегка взволнован: лицо покрылось румянцем, руки дрожали. Потом вызвали меня. Подошёл к столу. Барышня вслух прочитала мне постановление:

«Три года Соловецкого концлагеря, с зачётом предварительного заключения».

Расписавшись на постановлении, я вернулся в камеру и сообщил это известие братьям. Все мы, братья, пятеро человек, получили по три года заключения в Соловецкий концлагерь. Я ожидал гораздо более, чем три года, но, узнав определенное постановление, я всё же опечалился. Сердечная скорбь наполнила моё существо. На три года – в северные холодные края, на Белое море… Как жестоки люди! За что меня приговорили на три года к суровому режиму, о котором рассказывали такие ужасные вещи? Этот день был днём скорби. Обедать совсем не хотелось. От работы на дворе мы уже отказались, и на наши места назначили других. Мы написали открытки, извещая своих о нашей высылке из Ленинграда.

В этот день мы долго не могли заснуть, размышляя о нашем будущем заключении в Соловках, откуда почти никто не

выходит живым: многие умирают от болезней, замерзают, тонут, кончают самоубийством, а больше всего людей попадает под расстрел. Всё же мы не печалились и не тосковали, как другие, но были бодры, возлагая всё на Господа.

Так же прошёл второй день после объявления приговора. На третий день мы побывали в бане, а вечером получили от родственников всё необходимоё в дорогу. Община братьев и сестёр купила нам по чёрному меховому полушубку, по паре кожаных сапог, по меховой шапке и по нескольку пар теплого белья. Все эти вещи начальник отделения внимательно просмотрел – нет ли в них зашитых пилок и других инструментов. Весь вечер провели за укладкой вещей и продуктов, т.к. наутро была назначена отправка нашего этапа в Соловки. Вечером в камере беседовали с друзьями о Царствии Божием, убеждали их отдать сердце Господу и служить Ему. Тюремная жизнь так сблизила нас с ними, что жаль было оставлять их. Между нами чувствовалась какая-то общая связь, устранявшая все преграды нашего воспитания и положения. Теперь нам представлялась другая картина, чем та, которую мы наблюдали, попав в тюрьму первый раз. Тогда все служащие казались очень злыми, людьми с потерянной совестью, теперь же я видел в них, особенно в старцах-надзирателях, добрых людей с хорошими чувствами, которые просто сурово исполняли долг своей службы. Мы полюбили всех заключённых, которые так же, как и мы, несли свой крест, хотя и не были преступниками пред государством.

В Доме предварительного заключения мы спали последнюю ночь. Тюрьма – это особый мир. Просидев семь месяцев в тюрьме, я так привык к ней – там даже стены имели со мною какую-то связь, потому что посредством перестукивания они часто служили проводником для передачи мыслей в соседнюю камеру. Наше пребывание в этом помещении приближалось к концу. Сегодня – последний день, завтра нас уже повезут на далекий и холодный Север. Там – опять тюрьма, но другая. Я предполагал, что там будет несравненно лучше, т.к. мы будем работать на воле, в лесу. Физической работы я не боялся. Пила и топор были знакомы мне с детства.

Последнее свидание с семьёй

Сегодня мы ожидали личного свидания с родственниками. Обычно уезжающим в концлагеря администрация разрешала «личное свидание», т.е. без решёток. Часов в десять утра всех уезжающих в концлагеря вызвали в коридор и сообщили, что будет свидание. Как нам хотелось повидаться с дорогими! Может быть, мы никогда уже не увидим близких, и это свидание – последнее?.. Душа волновалась. В сердце – скорбь и тоска. Меня тревожило какое-то недоброе предчувствие, что мне не придется больше работать в Ленинграде, и я никогда не увижу дорогих по вере братьев и сестёр.

Мы спустились вниз и вошли в камеру свидания. К нашему удивлению, решётки в окнах для свидания оказались закрытыми. Мы спрашивали надзирателей: почему так, почему закрыты решётки и нет «личного свидания»? Поднялся шум. Все были возмущены до крайности. Последнее свидание – и на общих основаниях?! Со стороны администрации это было крайне жестоко. Но помочь нам никто не мог. Надзиратели сообщили нам, что такое распоряжение вышло от начальника тюрьмы, а сами они не могли дать нам «личное свидание». Другого выхода не было, и нам пришлось смириться. На душе было очень тяжело. Я подошёл к окну и через решётку увидел ... Все вместе они не могли говорить со мною в окно, т.к. оно было приспособлено только для одного. Поднялся ужасный крик: один старался перекричать другого. Со мною рядом стоял один еврей, пожилой человек, приговорённый на десять лет концлагеря. На свидание пришла его престарелая жена. Они ничего не могли сказать друг другу; крик мешал им. Они стояли, прильнув к железным решёткам, и плакали. Плакали все. О, этих слёз я никогда не смогу забыть!.. То были как будто надгробные рыдания. Каждый прощался навсегда и не надеялся, что опять вернётся в объятия своих родных.

Соловки! Одно название холодило душу. Это – могила для живых мертвецов. Только чудо могло вернуть заключённого из Соловков домой. Через решётку я увидел плачущих жену, сына и ... Из моих глаз тоже потекли слёзы, удержать которых я уже не мог. Несколько минут мы ничего не могли говорить, а только смотрели и плакали. Я думал: как жесток и неспра-

ведлив мир! За что лишать людей свободы? За что разлучать их с семьями? Кому и какая польза от всего этого? Брат восстал на брата. Брат брату набрасывает петлю на шею, чтобы задушить. О! Бедный мир без Христа! Как у тебя всё превратно! Как темно в твоих разукрашенных чертогах, как мрачно на твоих освещенных электричеством улицах. Со дня на день ты погружаешься всё глубже во тьму! Ты провозгласил свободу всем людям. Твои идеи братства и равенства проповедуются на всех улицах и перекрёстках, а те, кто обольщен и поверил, оказались в таком рабстве, которого мир ещё не знал.

Мир! Отец твой – диавол! Поэтому все, прельстившиеся твоими речами, стали грубы и жестокосердны... Наконец, мы прервали наши слёзы и молчание, и начали кричать друг другу. Невозможно было понять всего, но кое-что уловить было можно. Я утешал своих, чтобы не отчаивались, бодрствовали и надеялись на Бога, Который силен сохранить меня и опять вернуть к ним. Свидание продолжалось час, но время пролетело быстро. Надзиратель объявил, что свидание закончилось, и мы должны расстаться. Опять ручьями полились утихшие было слёзы, опять послышались рыдания и стоны. Все расставались с болью в сердце, послав близким последний поцелуй через решётку.

Укрепившись надеждою на Господа, я с партией пошёл в камеру. Мои братья по вере также вернулись с тяжелым сердцем. Это свидание не принесло радости и утешения. В обед мы почти не ели. Приближался вечер. Всё было готово к отправке.

Проводы из тюрьмы

Надзиратель объявил: «Кто на этап, выходи!» Простившись с товарищами по камере и пожелав им всего наилучшего, мы вышли в коридор. За нами с лязгом закрылись двери. Все, оставшиеся в камере, толпою стояли у решётки и смотрели на нас... Некоторые, шутя, говорили: «Мы вас, товарищи, догоним на пути» и.т.д. С 3-го отделения на этап было человек тридцать. Надзиратель и отделенный проверили фамилии, а затем повели нас вниз. В камере отправления этапа нас собралась уже человек пятьдесят. Многие задавали себе вопрос: как же мы доберемся до вокзала, если нам не дадут подводу для вещей – ведь

всё не унести, и нам придется или бросить всё на дороге, или оставить в тюрьме. Администрация пошла навстречу заключённым и обещала дать подводу. В помещение явился конвой с винтовками и саблями. Всем отправляемым выдали хлеба на четыре дня и по одной селедке. Собралась вся администрация тюрьмы во главе с начальником Богдановым. Нас построили в ряды, как солдат. Тюремное начальство передавало нас в распоряжение конвоя. Начальник вызывал по фамилии каждого заключённого, который выходил из рядов и становился в шеренгу на другой стороне. Начальник тюрьмы передал начальнику конвоя пакет с документами заключённых, и мы перешли под его надзор.

Когда всё было кончено, начальник конвоя приказал каждому заключённому взять свои вещи и развязать их, потому что будет досмотр вещей. Некоторые из заключённых запротестовали, говоря, что досмотр вещей уже был произведен отделенным тюрьмы, что вещи хорошо увязаны и нет нужды просматривать их опять, мы ведь находились в тюрьме, а поэтому что же может быть у нас непозволительного?..

Начальник конвоя, услышав возражения заключённых, с гневом закричал:

– Не ваше дело указывать нам, что делать с вашими вещами. Вам приказывают, и вы без разговора должны выполнять всё, что вам говорят!

Все притихли. Каждый взял свои вещи и начал развязывать. Приказано было сделать это быстро, т.к. до отправки осталось мало времени. Я развязал свои вещи. Ко мне подошёл конвоир высокого роста и начал просматривать. Он относился к вещам так небрежно, что всё свалил в общую кучу. Я молчал, потому что делать какие-либо замечания было бесполезно. Конвоир нашёл недопустимым иметь настольное зеркало небольшого размера и отобрал его у меня. Просьбы не привели ни к чему. Зеркало было передано отделенному. После просмотра вещей нам приказали быстро всё собрать и вынести во двор для погрузки на подводу. Когда всё было погружено, мы почувствовали себя усталыми и утомленными. Прозвучала команда встать в шеренгу. Начальник прочитал инструкцию с обязанностями заключённых в пути следования. «В заключённого, который на один шаг отступит в сторону, будут стрелять. Воспрещается,

идя по городу, оглядываться назад, подавать какие-либо знаки, разговаривать» и т.п. Мы стояли в шеренге. Морозный воздух скоро освежил нас, и некоторые начали дрожать от холода, потому что были плохо одеты.

Торжественное шествие

К отправке всё было готово. Начальник приказал конвою зарядить винтовки, вынуть из ножен и держать наготове шашки. Нашу группу окружил конвой. Отворились чёрные железные ворота, и мы медленным шагом направились к выходу. Призвав благословение Божие на неизвестный путь, мы вышли на улицу. Погода была хорошая. Чувствовался мороз. Луна тихо светила с небес и, как бы приветствуя наше шествие, ласкала нас своими серебристыми лучами. На улице мы почувствовали уже другой мир. Кругом кипела жизнь. Навстречу мчались автомобили с яркими фонарями, трамваи и извозчики. Мы шли посреди улицы, а по тротуарам была масса публики, сопровождающей нас. Там были и наши родственники, которые пришли увидеть нас в последний раз. Сопровождающая публика старалась поближе подойти к этапу заключённых, но конвой не допускал. При освещении луны и фонарей мы легко узнавали лица дорогих нашему сердцу братьев и сестёр, которые пришли проводить нас. Братья и сёстры также узнавали нас и, поравнявшись, останавливались, делая нам поклон в пояс.

Мы шли, как герои после победы. При виде любви братьев и сестёр моё сердце наполняло особенно торжественное чувство. В таком духовном состоянии не страшно было не только идти в концлагерь, но и на смерть. Конвой зорко следил за арестантами, держал наготове винтовки и в любой момент мог выстрелить. О побеге, конечно, никто и не мечтал. На перекрёстках улиц публики скапливалось так много, что не помогали никакие предупреждения, и люди подходили к нам чуть ли не вплотную. Вот мы и добрались до Знаменской площади, пред Николаевским вокзалом (теперь – Октябрьский вокзал). Вся она была залита огнями. Посредине стоял величественный памятник Александру третьему. На нём большими буквами было высечено слово «ПУГАЛО». Так советская власть переименовала «миротворца» Александра третьего. Трамваи беспрерывной

вереницей шли один за другим вокруг памятника и направлялись в различные части города. Пешеходов тоже было много. По обеим сторонам нашего следования образовалась большая толпа, которую наши конвоиры разогнали с большим трудом.

Я мысленно прощался с дорогими людьми и с большим городом. Вот, направляясь к Васильевскому острову, широкой светлой полосой протянулся в даль ночной темноты Невский проспект; а вот и широкая Лиговка с её аллеями. У вокзала толпилась масса людей. Подъезжали извозчики с седоками, подкатывали автомобили и трамваи. «Прощай, город Петра, где я провёл многие годы, воспитывался и вырос. С четырнадцатилетнего возраста ты приютил меня. Путиловский Сталелитейный и Балтийский Судостроительный заводы закалили меня в борьбе за существование. И теперь ты своего верного и честного сына изгоняешь из твоих пределов! Теперь ты изменился. Всё святое и чистое в тебе поругано и попрано! Ты проливаешь кровь невинных людей. Ты называешь свет тьмою и тьму – светом. Ты гордо подымаешь своё лицо против своего Творца и хочешь ниспровергнуть Его вечные законы. Тебе трудно идти против рожна! Ты разобьешься о камень, который отвергаешь! Страшное возмездие ожидает детей твоих! Ты будешь пустынею, и воды моря потопят тебя!»

Мы подошли к воротам вокзала, которые вели на извозчичий двор товарной станции. У ворот было много людей, среди них были верующие братья и сёстры. Как только этап прошёл ворота, публика попыталась последовать за ним, но ворота сейчас же были закрыты, и никто не смог попасть во двор. Наш этапный поезд стоял напротив товарной станции. Вагоны не были освещены. На окнах – толстые железные решётки. Все братья старались быть вместе, чтобы попасть в один вагон. Вещи сложили с извозчика в одно место на снегу. Стоя на морозе, мы чувствовали сильный холод. Ноги стали зябнуть. Начальник городского конвоя передал нас начальнику железнодорожного конвоя. Опять проверка, вызывали по фамилии, ставили в ряды, а затем начали делать посадку. Мы, братья, попали в один вагон и одно купе. Вместо обычных шести мест, в купе нас поместили человек пятнадцать. Теснота – невероятная. С большим трудом мы устроили свои вещи на верхние полки. Каждое купе представляло собой клетку для зверей, кругом

были железные решётки, и каждое купе закрывалось на замок. Мы попросили разрешения зажечь в нашем купе свечку, на что конвой благосклонно согласился.

Слава Богу, мы теперь были в вагоне и надеялись, что пересадки не будет. Путь от Ленинграда до Кеми – около тысячи километров. Ночь была очень лунная. Кто-то посмотрел в окно и увидел толпу людей, стоящих недалеко от нашего вагона. Вагон был оцеплен конвоем, подходить к нему строго воспрещалось. Всмотревшись в толпу, мы узнали наших родственников, братьев и сестёр. Мы очень были обрадованы. Так как в нашем купе был огонь, то, наверное, и они узнали нас. Несколько сестёр отделились от толпы, подошли к вагону поближе и о чём-то просили начальника конвоя. Начальник ушёл от вагона, а наши смельчаки решились просить конвойных солдат. Из них нашлись сочувствующие люди, и сёстры передали нам пакет с фруктами. Затем кто-то передал через конвоира немного денег.

Нам сообщили, что поезд пойдет утром, а не ночью. В вагоне было холодно. Но от большого количества людей вагон начал быстро нагреваться. Братья и сёстры понемножку подвигались к нашему вагону, махали нам руками и платками и приветствовали нас. Но тут появился начальник конвоя и прогнал всех от вагона. Все отошли на большое расстояние, но опять остановились напротив нашего окна. Там были наши жёны, дети и родственники, но в темноте мы не могли разглядеть их лица, а так хотелось увидеть их ещё раз!.. Как бы исполняя наше желание, кому-то в толпе пришла мысль поставить напротив вагона жену брата ... и зажечь кусок газетной бумаги. Пламя ярко осветило её лицо, и мы ясно увидели лицо сестры. Так они чередовались, подставляя то одно, то другое лицо перед ярким пламенем огня. Конвой долго не обращал на это внимания. В свою очередь, и мы проделали то же самое: становились напротив окна и зажжённой свечой освещали лица. Наконец, я увидел лицо моей жены, а она увидела моё. Это было наше последнее, немое свидание в Ленинграде.

Начальник конвоя заметил нашу проделку и приказал прогнать всех, а нашу свечу – потушить. Мы погрузились в темноту. Сидя во тьме, мы заметили движущуюся вдали по дороге массу людей, которая направлялась к нашему этапному поезду. Это был этап заключённых из 2-го Исправдома. В нём было че-

ловек триста. Были женщины и подростки. Женщин поместили в одно из купе нашего вагона. Купе это находилось рядом с помещением конвоя. Через час после окончания погрузки второго этапа был приведён ещё один, третий большой этап, который тоже погрузили в наш поезд.

Потом конвой приказал всем ложиться спать, но только головами не к окну а к проходу. Все с трудом разместились по своим местам и улеглись боком друг к другу. Повернуться не было никакой возможности. В вагоне было очень тесно. Дышать было нечем. Брат Алексеев, страдающий астмой, задыхался. Торжественное настроение нашего шествия прошло. Теперь мы вступали в устье огненной печи, и это только начало, а что будет дальше? Разве нельзя было прибавить ещё вагона два, чтобы иметь сносные условия? Предавшись в распоряжение моего Господа, я с трудом заснул.

От Ленинграда до Кеми

Мы выехали из Ленинграда. За ночь уехали недалеко. На каждой станции наш поезд стоял часами. На рассвете мы приехали к станции «Волховстрой». Из окна мы увидели громадное здание электростанции. Плотина представляла собой грандиозное сооружение техники двадцатого века. Столько силы заключалось в водной стихии, и человек покорил её себе, заставив работать на себя: возить, освещать, согревать и т.п. По воле Бога человек покорил себе силы природы, а потом возгордился своими изобретениями. Славу, величие и честь он должен был воздать Творцу, а присвоил её себе…

Смотреть в окно было воспрещено. Мы начали завтракать. Просили воды, но нам отказали, а люди сильно страдали от жажды, особенно те, которые ели селедку. Верста[29] пробегала за верстою, и мы удалялись от дорогих нашему сердцу всё дальше и дальше. Мы попросили у конвоя разрешения спеть несколько духовных гимнов и, получив его, хотя и не стройно, но пели. К вечеру мы прибыли на станцию «Званка». Конвой принес ведро сырой холодной воды, и все с жадностью на неё набросились. Те, кто подошли первыми, удовлетворили свою

29 Верста – старая русская мера длины, равная 1,06 км.

жажду, а последним воды уже не хватило. Конвоир же отказался принести ещё, объясняя, что поезд скоро тронется. Не помогали никакие просьбы. Люди томились от жажды, а солдат сообщил: «Кипяток получите завтра, в «Лодейном поле». Для этого нужно было ждать часов двенадцать, не меньше… Людям пришлось смириться и ждать обещанного.

В соседнем купе случился скандал между заключёнными. Один украл у другого кусок хлеба и съел. Тащили потому, что были голодны. Паек хлеба на четыре дня, который получили при отправке, съели за один день. Осуждать их было не за что. День в пути длился бесконечно долго. Хотелось полежать, но сделать это было невозможно. За неимением места приходилось иногда целыми днями стоять, а это вредно отражалось на усталом теле. Нас «успокаивали» рассказами о том, что такая же теснота будет и в помещениях на лесных разработках. Поэтому нужно привыкать.

Настала вторая ночь в пути. Все были рады, когда отдали распоряжение ложиться спать. Почти не раздеваясь, опять улеглись боком друг к другу и быстро заснули. Блаженное состояние, дарованное нашим Небесным Отцом, это – сон. Как благотворно он действует на тело и душу! Всё забываешь и погружаешься как бы в небытие. Особенно дорог и неоценим сон в дни тяжелых невзгод. Наконец, мои расстроенные нервы успокоились. Я представил себе всеобъемлющую любовь нашего Небесного Отца. Он терпит, милует, не хочет смерти грешника. О! Безграничная любовь и беспредельное долготерпение! Если бы Он воздавал мне по моим делам, то я бы уже погиб, а я спасён Его милостью и долготерпением. Я склонился пред величием моего Господа и благодарил Его. Душу мою наполнил мир Божий.

В «Лодейном Поле» мы стояли долго. Конвой принес ведро теплой воды. Кипяток это был, или просто тёплая подогретая вода, никто этим не интересовался, но все бросились к воде и быстро её выпили. Мы написали домой открытки, и просили конвой просмотреть их и опустить в почтовый ящик. Открытки было разрешено писать, но ни одна из них не дошла до места назначения.

Купить в дороге ничего было нельзя. После того, как поезд тронулся со станции «Лодейное Поле», в женском купе под-

нялся невероятный крик. Женщины кричали, что их насилуют и просили помощи, но никто не мог им помочь. С одной женщиной случился припадок. Она упала на пол и начала биться. Своим криком она наводила ужас на весь вагон. Все женщины настойчиво требовали главного начальника, желая принести ему свои жалобы. Но начальника этапа никто не вызвал, и несчастные жертвы гнусного насилия наконец успокоились. Всё стихло. Мою душу охватили кошмар и тоска. Эти душераздирающие крики запомнились мне на всю жизнь. Хотелось как можно скорее добраться до места нашего назначения.

Вечером мы подъехали к Петрозаводску. Здесь выгрузили заключённых 2-го ленинградского Исправдома. Эта партия была назначена на принудительные работы. Фактически принудительные работы ничем не отличались от работ в Соловецких и других концлагерях. Разница была только в названии, а положение – одно и то же. Из Петрозаводска направились далее. Ночь прошла в каком-то тревожном состоянии, но мы уже ко всему попривыкли и не роптали на неудобства. Ведь мы объявлены «врагами пролетарского государства». Закон, власть и всё земное – против нас. За нас – один только Бог. Слава Ему, что в Нём мы имеем утешение, надежду и силу.

Третий день нашего путешествия приближался к концу. Мы проезжали по Карелии. Кругом были видны леса и болота, иногда встречались высокие скалы, но жителей было очень мало.

На четвёртый день, 12 февраля, утром мы прибыли в город Сороки[30]. Этот город был на берегу Сорокской бухты, которая соединялась с Белым морем. День здесь был очень короткий. К поезду вышло много публики, но мы никого не могли видеть из сорокской общины верующих. В Сороках были большие рыбные промыслы от Соловецкого концлагеря, обслуживаемые заключёнными, поэтому и из нашего поезда разгрузили несколько вагонов с заключёнными.

Наконец, тронулись и из Сорок. До станции «Кемь» – места нашего назначения – осталось вёрст девяносто, и мы быстро доехали до неё. Все были рады, что путь по железной дороге закончился, готовились к выходу, собирали вещи – свертывали

30 Сорока – ныне станция Беломорск.

их, завязывали и приводили в порядок. Высадились. Сложили вещи в кучу и встали рядом в недоумении – как донести их до места, если не дадут подводы. Так как вещей набрали много, то они были лишней тяжестью в таком ненормальном передвижении. Произвели перекличку. Железнодорожный конвой сдал нас соловецкой охране. Мы сразу почувствовали другую дисциплину: со всех сторон на нас стали покрикивать и подталкивать. Охрана с нами не церемонилась.

Станция «Кемь» вся тонула в снегу. Снег был так глубок, что некоторые постройки были едва заметны. В Кеми нас обещался встретить знакомый брат В..., который отбывал своё заключение уже второй год и занимал должность заведующего столярной мастерской. Почему-то на станцию он не пришёл, и мы его не видели.

Наши вещи положили на лошадь, а нас окружили вооруженные охранники, которые тоже были заключёнными концлагеря. Погнали нас, как стадо баранов, в карантинную роту, которая была от станции километрах в двух или трёх. Конвой был к нам очень жесток. Их зверское обращение и грубые выражения заставили содрогнуться наши сердца.

Вот и карантинный пункт. На самом берегу моря стояло с десяток больших бараков. Каждый барак был обнесён колючей проволокой. Опять проверили всех по списку; вызванный должен был пройти за проволоку и там опять становиться в шеренгу. Погода была очень холодная, стояли сильные морозы с влажным северным морским ветром, который пробирал до костей. Многие заключённые были легко одеты, а потому стояли и дрожали, но на это никто не обращал внимания. Особенно страдали уголовники, из которых некоторые были почти наги.

Наконец, проверка закончилась. Местное начальство, командиры рот и другие также вошли к нам за решётку. Скомандовали: «Смирно!» Начальник карантинной роты обратился к нам, как ко вновь прибывшим, с речью. Сначала он здорово обругал нас, как контрреволюционеров и врагов советской власти, а потом начал излагать обязанности каждого заключённого и перечень наказаний за все проступки. После лекции о дисциплине опять прозвучала команда: «Смирно!» Никто не шевельнулся. Из людей мы превратились в толпу ошеломлённых и ничего не понимающих арестантов. И вот таких нас,

онемевших от страха и грубости, начинают учить военной дисциплине и как здороваться с начальством лагеря. Исключений нет, в строю стоят люди всех возрастов, есть в преклонных летах, даже до восьмидесяти пяти лет. От общей группы отделили только женщин.

Начальник роты кричит:

– Здорово, молодцы рабочей роты!

– Здравия желаем, – раздался ленивый и недружный ответ.

С дороги у всех пересохло в горле, все хотели есть и пить, а больше всего – отдохнуть от томительного пути.

– Что такое? Я ничего не слышу. Громче! – опять раздался сердитый и грубый голос начальника роты.

– Здравия желаем! – ответили громко, хотя и не все разом – один уже заканчивал, а другой только начинал.

Начальник опять заорал своим басистым голосом:

– Громче! Громче! Чтобы слышно было за шестьдесят верст! И все разом! Не нужно кричать «здравия желаем», а говорить все разом «здра!». Опять врассыпную раздались голоса «зд-р-р-а», а некоторые кричали «зря».

Эта комедия продолжалась около часа. Измученные люди кричали и кричали охриплыми голосами, но никак не могли попасть в один голос и сразу крикнуть «здра».

Начальник вышел из себя, несколько арестантов получили от его щедрой руки по увесистой пощёчине, иные – по подзатыльнику, но дело ничуть не улучшалось. Сначала и я кричал, думая, что дело улучшится, и мы сможем крикнуть все разом, но, видя, что всё это напрасно, я уже не кричал, а только открывал свой рот, когда нужно было кричать.

После практики со «здра» началась практика расчёта по порядку. Долгое время начальство старалось всех этих измученных заключённых сделать дисциплинированными, но это им не удавалось. Сколько было произнесено самой мерзкой, отвратительной и нецензурной ругани…

Эти бедные несчастные люди, поставленные над нами начальниками, выливали из своего нутра всё самое грязное, мрачное, пошлое и жестокое. Ругали Бога, Христа, ругали всё чистое и святое. Моё сердце и душа были так оскорблены этой до невероятности грубой атмосферой, что я пришёл в ужас. Неужели творение нашего Творца дошло до такого состояния?

«Что же будет дальше?» – спрашивали заключённые себя и друг друга.

Начальство разгневалось, что мы не могли разом научиться отвечать «здра» и рассчитываться по порядку. Озлобленный начальник изо всей силы кричит опять: «смир-р-р-р-но!» Все в недоумении: что же будет дальше? За то, что арестанты не ответили разом «здра», весь строй, человек двести, начали гонять бегом по двору вокруг проволочного заграждения.

О! Эту ужасную картину я никогда не забуду. Бедные старцы, больные, голодные, молодые, сильные – все должны бежать и не отставать друг от друга. Трудно понять, зачем, кому и для чего понадобилось это диавольское издевательство. Оно было без цели, без смысла и выгоды. Мучительство ради мучительства – это садизм.

Некоторым объяснением может служить разве то, что начальниками и надсмотрщиками над Соловецкими лагерями назначаются преимущественно ссыльные чекисты, т.е. люди, которых даже ГПУ не могло терпеть в своём обществе. Они-то и изощряются в выдумках истязания, конечно, не без ведома и согласия Москвы.

Нас гоняли по двору долго. Я обессилел и еле волочил ноги, а престарелые и слабосильные прямо падали под ноги другим. Надзиратели их поднимали пинками и принуждали снова бежать. На глазах у многих видны были слёзы, слышны глубокие вздохи и проклятья.

Мой дорогой брат Шилов совсем изнемогал. Он бежал рядом со мною. Другие братья были помоложе, и для них эта пытка была легче, чем для нас. Одна надежда и упование – на Бога, к Которому было направлено всё наше стремление. Начальство ядовито посмеивалось, наслаждаясь картиной своих сатанинских выдумок. Я так возмутился, что хотел выбежать из строя и отказаться от всякого повиновения, но благоразумие восторжествовало во мне, и я воздержался. Все мы были беспомощны и жалки. Бедные рабы, жертвы безумных политических экспериментов. Но наконец начальство, по-видимому, досыта натешилось этим изуверским зрелищем, и безумный бег был остановлен.

Все очень обрадовались, что первая пытка закончилась. Несколько грубых ругательств от начальства, и по списку от

общей партии отделили уголовный элемент. Их оказалось человек двадцать. Затем отделили священников православной церкви и отвели в одно помещение с преступным элементом. Женщин увели в особый женский барак. Потом начальник объявил, чтобы ему сейчас же были поданы заявления о похищенных в дороге вещах или деньгах. Посыпались заявления о пропаже часов, белья, денег и т.д. Приняв заявления, начальник обратился к группе уголовников и потребовал, чтобы все вещи, о которых ему было заявлено, сейчас же были ему доставлены. Один из уголовников начал возражать начальнику, тот сильно ударил его кулаком по лицу, и ропот прекратился.

У дверей барака стояли несколько человек, и у каждого входящего перетряхивали вещи, поэтому прежде чем войти в барак, нам пришлось на морозе всё развязывать, хотя руки коченели от холода. Вещи осматривали небрежно, рвали, ломали, бросали и отнимали всё, что считали недопустимым для заключённых. На счастье мне попался хороший человек. Когда я открыл свой чемодан, наверху лежала Библия. Он взял её, посмотрел и спрашивает:

– Это у вас Библия?

– Да, Библия, – ответил я ему.

– Оружия у вас нет? – спросил он. – Библию здесь прячьте подальше, иначе отберут у вас. Ну, я не буду перетряхивать. Если у вас есть наличные деньги, то сдайте мне их на руки; я их передам в канцелярию, откуда вы получите квитанцию, по которой вам в ларьке будут отпускать продукты.

Я вынул свой бумажник, достал тридцать рублей и передал надзору. Мои вещи остались не раскиданными и целыми. Я благодарил Господа. И вот, наконец, мы – в бараке. Войдя в него, я почувствовал теплоту. В бараке было светло. По обеим сторонам стояли двухэтажные нары. Людей в нём было немного, потому что люди здесь не задерживаются. Как только с лесных разработок поступает требование на людей, сейчас же набирают нужное количество и отправляют на место. Поэтому заключённые прибывают в карантинную роту и убывают из неё каждый день.

Нам отвели место на нарах второго этажа, и мы, все братья, пятеро человек, поместились вместе. Часть вещей в чемоданах положили на полу под нижние нары, а часть была при нас на-

верху. Мы беспокоились о вещах, которые внизу, чтобы их не украли. В бараке было шумно, как на базаре. Люди толпились без всякого дела. В зловонном воздухе стоял дым, так как все, кто хотел, курили прямо в помещении. Особенное зловоние ощущалось на верхних нарах. Неужели нам придется целых три года жить в таких невероятных условиях? Здесь нельзя ни молиться, ни читать, ни сосредоточиться в мыслях. Это будет тяжело, но на всё воля Божия.

В роте мы встретили знакомого нам человека, из поляков, который более года просидел в ленинградском Доме предварительного заключения. Прибыл он на месяц прежде нас, и каким-то образом сумел остаться в карантинной роте. Это считается счастьем. Человек должен иметь влиятельного знакомого, который будет ходатайствовать за него, или предаться в руки местного ГПУ и стать секретным сотрудником. Наш знакомый, наверное, был из последних. В ленинградской тюрьме мы считали его за хорошего человека, а когда увидели в роте на должности дневального, решили, что это человек уже испорченный. К заключённым он проявлял грубую жестокость, некоторых даже бил по лицу. При нас он как-то стеснялся говорить грубости, но когда мы отсутствовали, то, по рассказам других, он был крайне жесток. Мы иногда говорили ему, что нехорошо так поступать, но он оправдывался тем, что так поступать его заставляют служба и положение.

Когда мы присмотрелись к жизни заключённых, то заметили много случаев продажности и подкупа. Многие лицемерно старались быть любезными с начальством, отдавая ему бельё, продукты, деньги и прочее, лишь бы снискать благоволение и получить такое место для отбывания наказания, где можно сохранить здоровье и жизнь. Это делали даже люди высшего класса – не все, но большинство из них. Было очень обидно смотреть на всё это.

А теперь хочу на несколько минут снова вернуться к той группе уголовных, которые были оставлены на морозе. Им было приказано в кратчайший срок вернуть украденные в пути вещи. Сначала они отрицали свою вину и говорили, что ничего не знают, но сильный мороз дал им остро почувствовать свою виновность. Спустя десять минут после нашего ухода в барак, они решили вернуть украденные вещи. Вернули

всё, о чём было заявлено. Начальник, получив вещи, дал им наставление, что здесь они не на воле, здесь наказывают строго, вплоть до расстрела, а поэтому нужно вести себя честно и не обижать другого.

После такой процедуры они были допущены в барак. Их поместили в один угол, на нары второго этажа. Когда я узнал об этом, то удивился «благотворному влиянию» соловецкого режима. Ни одна тюрьма жестокостью не могла достичь таких результатов, как Соловецкий лагерь. На преступный элемент режим жестокости, очевидно, действует благотворно – в смысле отказа от воровства и других уголовных «добродеяний».

Обед

Время было уже позднее, наступали сумерки. Дежурный по роте скомандовал становиться со своими котелками в очередь и получать обед. Заключённые быстро бросились со своих мест занимать очередь. Очередь получилась в несколько рядов. Некоторые от усталости не захотели брать обед, сидели на нарах и дремали. Открылась дверь, и в роту внесли большую бочку с супом. Каждый заключённый получал по одному небольшому ковшу супа и паёк хлеба. Получивших отмечали в ведомости по раздаче. У одного из наших братьев была большая кастрюля, в которую мы и взяли все пять порций. Суп состоял из капусты, картофеля, крупы и соленой рыбы. Рыбы, конечно, не было, а она только варилась в этом супе, да изредка попадались кости от неё. Суп был без вкуса и даже несоленый. Второго блюда не дали, но сообщили, что будет кипяток.

В Ленинграде, в Доме предварительного заключения, пища была гораздо лучше, чем здесь. Многие остались без обеда, так как у них не было посуды для супа. Одной бочки супа было мало, и приносили ещё раза три. После супа раздали по кружке кипятку. С дороги нам очень хотелось пить. Выпив кружку кипятка, мы только усилили жажду. Достать ещё кипяток было невозможно. Поэтому многие выходили на двор и ели снег, от которого заболевали. Пресная вода здесь была дороже хлеба, а по кружке кипячёной воды выдавали только утром, в обед и вечером. Счастлив был тот, кто назначался на работу в кухню носить дрова или воду – он мог вполне удовлетворить

свою жажду. Когда дежурный кричал: «Охотники за обедом?» – нужно было только два человека, а желающих оказывалась такая масса, что приходилось выбирать.

Поверка

Было уже темно. Дежурный по роте зычным голосом прокричал: «Выходить на поверку и становиться по пять человек в ряд!» На дворе в нескольких местах горели электрические лампочки, и было светло. Ссыльные начали быстро выходить из барака. Дневальные усердно старались поставить всех в надлежащий порядок – в линию по пять человек. Фронт от такого множества людей растянулся по всему двору – всё готово. О готовности доложили ротному начальнику, который со своей свитой появился пред фронтом. Дежурный скомандовал «смир-р-р-но!» и, встав во фронт пред начальником, отдал ему рапорт.

– Здорово, рабочие роты! – крикнул начальник шепелявым нерусским языком.

– Здра! – недружно ответили заключённые.

– Плохо отвечаете, завтра вы должны крикнуть лучше – все разом! Дневальные с вами подзаймутся сегодня после поверки.

«Неужели мы опять будем часами стоять на морозе? При сильной утомленности с дороги это невозможно, – думали мы.– Пусть бы завтра занимались хоть целый день». Но начальство думало по-другому. Произвели расчет по фронту справа. Расчет прошёл очень плохо, и начальник рассердился, обругав всех. Вся свита последовала в барак, а мы, весь фронт, остались с дневальным учить «здра» и «расчет». Наконец, начальником было приказано распустить «рабочие роты». Все были рады. Боялись, что опять будут гонять по двору до потери сознания. По рассказам заключённых, которые уже давно прибыли сюда, такой прием применяется к вновь прибывшим всегда, чтобы напугать их и сделать послушными.

Василий Иванович

Придя с проверки в барак, мы влезли на нары и начали располагаться, чтобы скорее заснуть и успокоиться от всего

пережитого за день. Это был тяжелый день, но нам говорили, что впереди нас ждут ещё более тяжелые дни.

В толпе среди барака пробирался хорошо знакомый мне Василий Иванович. Он обводил взором нары и кого-то искал. Увидев меня, он радостно улыбнулся и взобрался на нары. Начались расспросы.

Василий Иванович был проповедником в Москве. У него была семья, много детей… Он был приговорён к пяти годам заключения в Соловецком лагере.

Я познакомился с ним в Тверской тюрьме. В городе Твери летом 1921 года был съезд юношеских кружков. Представителем на съезд от кружка юношей московской евангельской общины был командирован Василий Иванович. Во время съезда несколько делегатов было арестовано и водворено в тюрьму. В том числе был арестован и брат Василий.

Советское правительство в городе Твери приспособило под тюрьму здание монастыря. В числе заключённых в тюрьме-монастыре был и председатель Союза евангельских христиан Иван Степанович Проханов.

В мае 1921 года я приехал из Америки на родину, в Тверскую губернию, для духовной работы. Мне сообщили об арестованных братьях, и я пожелал посетить заключённых. В Твери верующие дали мне указание, как и когда я могу посетить узников. В назначенный день я с молодым братом направился в тюрьму. Тюрьма-монастырь был расположен при слиянии Волги и Тверцы. Переправившись на лодке к воротам тюрьмы, у которых стоял часовой, мы договорились, чтобы молодой брат сходил в камеру к братьям и сообщил им, что я желаю их видеть. Мы встретились с братьями. Я передал им привет от верующих Америки. Братья выглядели бодро и радовались, что страдали за имя Христово. Я подарил каждому брату по Библии. В то время пища в тюрьме была самая плохая, потому что по всей России был голод. Наших заключённых братьев содержала тверская община евангельских христиан. Она снабжала их продуктами, потому что члены общины были членами коммуны «Гефсимания», которая находилась от Твери верстах в двадцати пяти. Я увидел тогда в брате Василии искреннего последователя Христова и полюбил его, имея с ним впоследствии дружелюбные братские отношения.

Теперь я опять встретился с ним в застенках тюрьмы. Я рассказал ему, что мы имеем сильную жажду, а утолить её нечем. Брат Василий Иванович обещал нам всё устроить, и через несколько минут принес большой чайник горячего кипятку и белую булку. Мы сейчас же принялись за чаепитие.

Брат Василий Иванович был арестован и приговорён на пять лет в Соловки также по военному вопросу. Когда Союз евангельских христиан вынес резолюцию о признании военной службы обязательной для всех членов Союза, то не согласные с резолюцией московские братья, которых было порядочно, отделились от Союза и начали работать самостоятельно. ГПУ многих арестовало и приговорило в тюрьму, в том числе и брата Василия.

Утолив свою жажду горячим чаем, мы забыли про сон и долго беседовали. У нас остался кипяток, и мы раздали его нашим соседям, которые, видя, что у нас есть вода, завидовали нам. Брат Василий приехал в Соловецкий концлагерь на несколько месяцев раньше нас, и Господь устроил так, что он не попал на лесные разработки, а был в карантинной роте заведующим хозяйством. Мы верим, что это было от Господа, потому что в Писании сказано: «Надеющийся на Господа не останется в стыде. Господь Пастырь наш, мы ни в чём не будем нуждаться»[31]. В беседе брат передал нам, что если мы попадем в командировку на лесозаготовку, нам это будет не под силу, и обещал посредством связей и знакомств и, если это будет возможно честным путём, устроить нас иначе. После долгой беседы мы расстались. Брат Василий Иванович направился на ночлег в пункт, а мы, призвав благословение, также начали готовиться ко сну.

Первая ночь в СЛОНе[32]

Большинство людей уже спали крепким богатырским сном. Наверху, на нарах второго этажа, было не только тепло, но даже жарко. Воздух был душным, дышать было очень тяжело. Внизу, наоборот, было холодно. Все заключённые не могли поместиться на нарах, и за неимением места многие расположились на полу. На полу спать было холодно, т.к. дверь почти не

31 Библия. Книга Исаии 45:17; Книга Псалтирь 22:1.

32 СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения.

закрывалась. Туалет был во дворе, и всю ночь заключённые то выходили, то входили. Люди так устали в пути и от пережитого за день, что не обращали никакого внимания на холод и опасность для здоровья, а ложились прямо на полу и тотчас же засыпали. О, сон – благословенный дар от Господа! Всё было забыто: обиды, унижения и лишения.

Было ещё темно, когда я проснулся, почувствовав сильную боль на шее, как будто от укола чем-то острым. Осмотревшись, с ужасом увидел на себе и на братьях тьму клопов, и вскочил на ноги. Клопы были громадного размера и ползали, напившись крови, по всему телу. Я как будто находился в муравейнике. Руки были искусаны, ноги – тоже, а на лице образовались опухоли. Моих братьев тоже грызли клопы. «Какой ужас, – подумал я, – даже насекомые против нас, будто они получили приказ от советской власти высосать как можно больше крови из нашего усталого тела». Сбрасывая с себя клопов, я заметил на белье неимоверных размеров вошь, затем ещё несколько, тоже насыщенных нашей кровью. Я уже не мог заснуть, продвинулся на край нар и в сидячем положении дремал до рассвета. Начали просыпаться мои братья – они тоже ощущали сильную боль от укусов насекомых, которым мы были отданы на съедение. Утром после поверки нас быстро распустили по ротам: день был воскресный.

После получения кипятка нас партиями повели в ларёк, где можно было купить всё нужное. Мы купили белого хлеба и вернулись в роту. Через полчаса комендант карантинной роты начал приглашать добровольцев на работу во дворе. Мы охотно согласились – хотелось подышать чистым воздухом и забыть кошмарную ночь. Сначала нас заставили носить для своей роты дрова на ночь, а потом – очищать со двора снег. Во дворе мы увидели много священников. Одни пилили, иные кололи и разносили дрова по указанным местам. Все были заняты своим делом. Эти священники ожидали очереди для отправки на лесные разработки.

Из барака, где помещались уголовные, выбегали в уборную совсем нагие люди. Уборная находилась на большом расстоянии от барака, а они, не торопясь, совсем босые, шли по снегу до уборной при двадцати пяти градусах мороза. Я спрашивал, почему они не одеты, и мне ответили: «Их нельзя одевать; они

в одну ночь проиграют или сожгут всю одежду, и на другой день опять голы. Они такие закалённые, что мороз совершенно на них не действует».

Мы долго и охотно работали, но к концу дня почувствовали сильную усталость. Руки и ноги уже отказывались повиноваться, но комендант роты отдыхать не позволял, и мы уже раскаивались, что добровольно согласились пойти на работу, т.к. уйти с работы было нельзя. Комендант подбадривал нас советами: «Если вы хотите себя сохранить и вернуться обратно на родину, то делайте всё, что вам прикажут делать, и не отказывайтесь, а старайтесь выполнить свой заданный урок, и вам будет легче». Наконец, работа кончилась, и мы с радостью вернулись в теплый барак.

Начали знакомиться с заключёнными, при возможности стараясь сказать что-либо о Господе. Нашли ещё двух братьев с Украины, приговорённых к трем годам концлагеря. Один из них был инвалидом. Его обещали устроить в Кеми, так как он был не пригоден для лесных работ.

Вечером – опять поверка. Начальник рассердился на заключённых, что плохо рассчитывались и недружно отвечали «здра», и для наказания приказал весь строй оставить на морозе на неопределённое время. Скомандовали «смир-р-р-но!» Все стояли спокойно, но вскоре спокойствие было нарушено, потому что был мороз и сильный северный ветер. Кто был одет в шубу и теплую обувь, тот ещё выдерживал, но большинство одеты были легко, и мороз сильно давал себя чувствовать. У меня на ногах были кожаные сапоги, и скоро ноги начали коченеть. Холод пробирался по всему телу, хотя и был я одет в меховое пальто. Мы стояли очень долго. Мороз проник до костей.

Это наказание было гораздо хуже, чем бегать по двору. Начальник и вся администрация роты находились в теплом помещении и, наверное, забыли про людей, коченевших от стужи. Можете представить себе, что испытывали легко одетые, если даже шуба отказывалась сохранять тепло. Люди начали роптать, выражая порицания начальству, но их никто не слышал. Не знаю, что произошло бы дальше, если бы людей ещё с полчаса подержали на морозе. Наконец, приказали распустить людей по ротам. Не успел дневальный крикнуть, как все разом сорвались с мест и бросились к дверям. Здесь произошла дав-

ка: каждый старался попасть первым и отогреть свои замороженные члены. В роте я снял сапоги и начал отогревать ноги. На нарах было тепло, и я быстро согрелся.

Ночная отправка

После злосчастной поверки тепло действовало на всех так, что, несмотря на ужасы прошлой ночи, которые мы пережили из-за насекомых, все быстро заснули, отдавшись в полное распоряжение паразитам. Часов в двенадцать ночи раздался громкий голос дежурного по роте: «Вставать, рабочая рота!» Не понимая, в чём дело, все проснулись. Дежурный объявил, чтобы все были готовы, а кого будут вызывать по фамилии, чтобы быстро выходил и становился в строй. Мы поняли, что будет отправка в пункты лесозаготовок. Но зачем ночью? Разве нельзя сделать это днём!? Но начальство имело свои соображения и не спрашивало, приятно нам это или нет. Не успели ещё одеться, как дежурный начал вызывать фамилии. Все наши вещи были разбросаны, и собрать их было трудно. Мы начали собираться. Сначала вызывали из уголовных (которых в тюрьмах называли шпаной). Уголовные почти все были вызваны и поставлены в ряды. Собирать в дорогу им было нечего. После шпаны вызывали каэров (т.е. контр-революционеров). Всего их набрали около сотни. Остальным было приказано раздеться и ложиться спать. Шпану отправили на постройку Ухтинской шоссейной дороги. В Кеми этой же ночью их всех одели и пешком отправили к месту работ.

Работа на пристани

Сегодня – третий день нашего пребывания в Соловецком концлагере. Мы начали привыкать к обстановке. Всё стало привычным: люди, клопы, вши, блохи и другие паразиты.

После утренней поверки нас назначили работать на пристань и, вручив по лопате и метле, заставили свозить снег на берег моря. Конвой из нескольких человек зорко следил за нами во время работы. Работа была по нашим силам. Стоять без дела было нельзя, т.к. было очень холодно. Арестанты шутили и были даже веселы. Прошлое всё забыто, а будущее – не-

известно. Некоторые ободряли унылых: «Ничего, привыкай ко всему, не обращай ни на что внимания, сохраняй здоровье!»

Работа по очистке снега продолжалась часа два. Потом пришёл состав с вагонами, нагруженными кулями овса. Мы должны были выгрузить овёс. Эта работа была мне не под силу. Кули были большие, до пяти пудов. Я снёс несколько кулей. Ноги мои дрожали, спина болела, и я заявил старшему десятнику, что кули таскать мне не под силу, но он не обратил внимания на моё заявление. «Если вы находитесь на работе, то должны работать, а о болезни должны заявить в роте доктору». Все чувствовали тяжесть выгрузки овса, а особенно выбивался из сил брат Алексеев, который был болен астмой. Нам было определена норма разгрузить несколько вагонов и идти домой, но когда мы закончили намеченную разгрузку, нас заставили помогать другим партиям, которые ещё не закончили своего задания. Поднялся ропот, но он не помог. Окончив разгрузку всех вагонов, мы с большим трудом пришли в барак. Нам выдали немного рыбного супа и по одной кружке кипятку. Вечерняя проверка – и закончился третий день нашего заключения. От усталости быстро заснули.

На Северолесе

На четвёртый день, после поверки и выдачи кипятка, нас вызвали опять на работу – теперь уже на лесопильный завод «Северолес». Работа наша заключалась в распределении обрезков от досок по низким местам. Все обрезки загружались в особые вагоны и направлялись на места, где их нужно было сложить штабелями. Таким образом низкие места сравнивались с высокими. Вагоны толкали сами люди. Пригнав вагон с обрезками на место, сваливали в кучу, а затем руками растаскивали все рейки в штабеля. Некоторые рейки были длинными, и их неудобно было переносить. Над нами стоял десятник и всё время покрикивал, чтобы работали быстрее. Мы должны были успеть разнести выгруженный вагончик до прибытия другого с рейками. Погода стояла очень холодная. Ноги зябли и приходили в бесчувственное состояние. По рейкам ходить было очень неловко. Мы, верующие, работали честно, но наши товарищи были ленивы. Они прятались за различные предметы,

лишь бы не работать. Десятники не замечали, а мы не хотели ничего говорить им, сознавая, что каждый сам должен иметь сознание ответственности. Работали на открытом поле. С моря дул сильный холодный ветер. В этой партии из верующих было только двое: один брат и я. Люди сердились, ругались, проклинали всех и всё. После пяти часов работы нас привели в кочегарку, где топились паровые котлы. Расположившись у топок котла, где было тепло, я быстро заснул. После часового отдыха работа началась опять и продолжалась до вечера. Этот день показался нам вечностью. Сколько тяжелых мыслей пронеслось в голове!.. Неужели все три года нашего заключения будут такими, как сегодня? Силы наши иссякли. Обеда не было. Хотелось пить, но воды достать было невозможно.

Разговаривая с одним рабочим, который уже давно работал на Северолесе, мы заметили большие ярусы бревен на берегу. Он рассказал нам, что этот лес, сложенный в ярусах, полит кровью и слезами заключённых. Я спросил его – почему так.

«Вы приехали в хорошее время, – ответил он. – Если бы вы приехали весной, летом или осенью, тогда вы увидели бы ужасную картину. Весь этот лес плавал в воде. Заключённые своими руками должны были выбрасывать его на берег и складывать в штабеля. Они работали иногда по двое суток, не выходя из воды, за исключением времени обеда и ужина. Специальной одежды для работы в воде не дают. Каждый должен работать в том, в чём приехал. Люди работали по шею в воде, вылавливая брёвна. Во время морских ветров работа была особенно тяжелой и невыносимой, но русский человек всё переносит. Рабочие подвергались различного рода унижениям и оскорблениям. Многие из них приезжали довольно чисто одетыми, но в течение одного дня работы в грязной воде, одежда разлагалась и рвалась, и наши бедные рабы коммунистического деспотизма оставались почти нагими. Многие получали от неосторожного обращения увечья, о бревна многие раздробили пальцы на руках, иногда переламывали ноги и получали другие серьезные повреждения, а иногда и преждевременную смерть. Люди падали от усталости, но на это никто не обращал внимания. Каждый должен был выкатать на берег назначенное количество бревен. Эти ужасы не поддаются описанию. Если бы эти серые немые свидетели – береговые скалы – могли рассказать всё,

что они видели, то получилась бы ужасная история непонятной жестокости культурных зверей».

Наконец настал вечер. Работа закончилась. Нас, до предела усталых, выстроили в шеренгу, проверили и водворили в помещение. Спину ломило от боли, голова кружилась…

Пришёл брат Василий Иванович и сообщил, что мы назначены к отправке на лесные разработки на один из островов Белого моря, недалеко от Соловецкого острова. Все его старания оставить нас в Кеми не увенчались успехом, потому что повсюду нужна была взятка, а мы – против этого, поэтому на днях придется отправиться туда. Мы были рады, что выезжаем из Кеми, надеясь, что на острове будет легче и не придется выполнять такую непосильную работу, какую мы имели здесь. После разговора я быстро заснул. Наутро, после поверки, мы опять попали на работу в Северолес, где уже работали вчера. Один из братьев был послан на вчерашнюю работу, а меня поставили на мостике подвозить вагончики, выбрасывать их и пустые возвращать обратно в помещение завода к машинам. Работать мне было уже гораздо легче. Вагончики шли по рельсам легко, нужно было только немножко подталкивать; но на разъездах я не знал, с какой стороны поддержать вагонетку, а поэтому она у меня свалилась с рельс и остановила всё движение. Поднять её один я не мог и просил товарищей, но те не всегда шли мне на помощь. Десятник ругался, выходя из себя, и чуть не с кулаками набрасывался на меня, но всё-таки помогал.

Во время ожидания вагончика с рейками, я, имея несколько свободных минут, проходил в мастерскую, где происходила распиловка бревен. В мастерской стоял невыносимый шум от жужжания быстро вращающихся пил. На одной стороне стояли шесть рам, через которые проходили и распиливались бревна. После этого каждая доска отдельно шла по своему назначению. Всё очень быстро вращалось. На машинах работали вольные, потому что заключённым не доверяли, боясь вредительства. Готовый стандарт досок, брусьев и планок поступал в особое отделение, где вся продукция внимательно просматривалась. Брак выбрасывался, а хорошие пиломатериалы складывали на малые платформы и увозили на склад.

В зимний сезон завод работал день и ночь, заготавливая «экспорт» для летней отправки в иностранные порты. Летом

приходили морские пароходы-гиганты и забирали всё, что было приготовлено зимою.

В обед я увиделся с братом ..., который изнемогал от усталости. С большим трудом мы закончили этот день и радовались, что скоро будет отдых. Не успели выпить по кружке кипятку, как нарядчик начал вызывать на ночную работу. Мы были вполне уверены, что нас не вызовут, так как мы только что пришли с работы. Но я услышал свою фамилию и фамилию брата ... Мы были удивлены и, подойдя к дежурному, сообщили ему, что мы только что пришли с работы и ещё не успели кончить наш ужин. Дежурный ответил, что это не его дело, а если вызвали фамилию, то становись в строй без рассуждения. Делать было нечего. У кого искать защиты? Обессиленные и огорчённые должны смириться пред грубой силой. Мы готовы были работать, но чтобы работа была под силу. Работая на ниве евангельской, мы отвыкли от тяжелого физического труда, и такая непосильная работа совершенно изнуряла нас. Других братьев не было в этом списке, в него попали только мы двое. Нас опять привели на работу по разноске обрезков в Северолес. Погода была невыносимо холодной. Ноги отказывались повиноваться. Во время работы мы устремляли наш взор к Небесам, к нашему Отцу жизни, Который давал нам силу для безропотного выполнения возложенной на нас работы. О, эти благословенные минуты! Их тоже нельзя забыть. Мне представлялось, что и Он страдает с нами: мне как будто слышен был Его тяжелый вздох. С одной стороны – физическое бессилие, а с другой – душа полна света и силы. Хотелось не только нести на себе непосильный труд, но даже выступить на борьбу против всех сил ада, во главе которых стоит древний змей – диавол. Мой свободный дух, рожденный от Бога, и моя душа были вне всяких условий человеческого безумия.

С Божией помощью закончилась и эта тяжелая ночь. Мы очень обрадовались, когда надзор и десятник закричали: «Кончать работу!» Время было около двух часов ночи. По пути в барак нам встретилась партия заключённых, окруженная надзором. Поравнявшись с нею, я узнал своих братьев и других арестантов. Они сообщили нам, что их отправляют на остров Белого моря. Наши фамилии тоже были в списке, но нас не было в роте. Партия для отправки была порядочная, вещи влачили

на спинах, и только некоторые догадливые везли на саночках, сколоченных из дров и досок. В роте нам сообщили, чтобы мы сейчас же готовились к отправке и догоняли партию. Мы очень устали и не знали, как нам поступить с вещами, нести их на себе мы не могли, а подводы нет. Брат ... нашёл у одного заключённого маленькие санки из досок и мог положить на них только свои вещи, а я долго не находил выхода, как мне поступить. Оставить вещи в карантинной роте – значит не увидеть их никогда, а они были крайне нужны в дороге и на работе. Господь помог мне и в этом вопросе. Я подошёл к начальнику роты и стал просить его помочь мне достать санки для перевозки вещей. Я не знал, куда нас поведут: ночью поезда не ходили. Начальник роты, хотя и грубый человек, сочувственно отнесся к моей просьбе и приказал оставшимся заключённым сейчас же сделать для меня из досок небольшие санки. Как я был благодарен Господу, что Он в трудные минуты помог мне! Санки были готовы. Я сложил свои вещи, связал их и готов был отправиться в путь. Было только три человека, отставших от партии. С нами снарядили одного надзирателя с винтовкой и направили нас в «Кемперпункт».

Ночь была темная, дорога неровная. Часто наши санки с вещами переворачивались, и вещи разваливались. Даже везти на себе было тяжело. Мы так разогрелись, что пар от нас шёл столбом. Силы истощались, и мы с большим трудом продвигались вперёд. Надзиратель попался из порядочных и не понуждал нас в дороге. Брат ... потерял по дороге несколько вещей, потому что в темноте ничего не было видно. Обогнув забор Северолеса, мы уже подходили к воротам «Кемперпункта», как вдруг санки брата .... совсем развалились и вещи рассыпались. Идти же нужно было ещё с полверсты. Мы сложили часть его вещей на мои санки, а остальные он кое-как связал и «волоком» дотащил до ворот. Ворота для нас широко отворились, и мы вступили на территорию пересыльного пункта. Всё было освещено электричеством. Снег с улиц был убран. Всюду виднелись часовые.

Ночлег в бане

Мы предполагали, что нас поведут в какую-либо роту для ночлега, но этого не случилось. Пройдя от ворот порядоч-

ное расстояние, мы подошли к большому деревянному зданию. Это была баня для заключённых. В прихожей помещалось несколько человек администрации и надзора. Нас проверили по фамилиям, и после отметки, открыв дверь, приказали войти туда.

Помещение было битком набито заключёнными. Пройти далее двери не было никакой возможности. Недалеко от двери помещались и наши братья, прибывшие прежде нас. Увидев нас, они обрадовались, что мы пойдем все вместе. Мы с трудом пробрались к ним. Вещи бросили на пол и сели на них.

Стены были черны от копоти, с потолка от испарений капала вода. Воздух был до невероятности тяжелый и душный. Братья, видя, что мы совсем обессилены от суточной беспрерывной работы и от передвижения до «пункта», уступили нам свои места на лавках. Как мы рады были отдохнуть, и как был для нас сладок и приятен этот отдых! Посидев немного, я погрузился в глубокий сон и не чувствовал, что грязная вода капала с потолка прямо на мою голову, а с головы – за рубашку. К сожалению, долго спать не пришлось. Рассвело. Я почувствовал облегчение в организме. Короткий, но крепкий сон произвёл своё благотворное действие.

Люди сидели, где только можно было: на бочках с водою, на печи, на шайках и т.п. Нам выдали по полтора фунта хлеба на день и по селедке. Всё это мы получили на четыре дня пути до острова. Остров этот был от берега в двенадцати верстах. Всё пространство между островом и берегом было покрыто льдом, а поэтому туда можно было пробраться пешком и даже на лошадях. От Кеми же этот остров был очень далеко. Предполагалось от станции Сорока сто верст идти пешком зимней дорогой. Многие вздыхали и боялись предстоящей дальней дороги, т.к. одеты были плохо, а морозы стояли сильные. Всё же хотелось как можно скорей вырваться из мрачного и тесного помещения бани. Мы предполагали, что по выходе из карантинной роты нам будет свободнее и лучше, но в ту ночь попали в ещё более худшие условия. Утешали друг друга тем, что Господь всегда сохранял нас и заботился о нас.

Жестокая расправа над каэрами

Каэрами в Соловецких лагерях называли контрреволюционеров. Когда рассвело, начальство приказало всем быть готовыми к отправке. Каждого в отдельности вызывали в комнату, которая располагалась в прихожей бани, и спрашивали, не нужно ли на дорогу чего из обмундирования. Надо сказать, что администрация предлагала это тому, кто был хорошо одет и имел много своих вещей, а тем, кто одет был плохо и сам просил, не давали ничего. Администрация знала, что тот, кто одет, не возьмет в дорогу лишнего, и поэтому всё обмундирование осталось целым на складе, за исключением нескольких выданных наушников и брезентовых рукавиц. В партию для лесозаготовок на Мяг-остров было назначено человек сто. В этой партии было несколько священников православной церкви, пять человек баптистов, много выходцев с Кавказа – осетин, грузин, черкесов и других народностей. Когда нас вывели из бани на двор, все мы выглядели, как трубочисты, настолько грязными были наши лица и руки. Такова баня для заключённых.

Два человека, русский и еврей, заявили администрации, что они социал-революционеры, и на основании международных правил отказываются от каких-либо физических работ. Сначала на них кричали, а затем началась расправа кулаками. Получив несколько пинков, они стали ещё упорнее, и совершенно отказывались выходить из помещения бани. Вся партия уже стояла на дороге. В помещении раздавались грубые ругательства – действие здоровых кулаков администрации. Но никакие угрозы и побои их не убедили.

Начальство вышло из терпения и приказало гнать их прикладами и кулаками. Удары были так сильны, что «борцы» свалились на мокрый пол. Несколько сильных рук схватили их за ноги и поволокли из помещения. Несчастные были окровавлены. Один из них громко кричал: «Добивайте нас, красные палачи, стреляйте в нас!» В рядах отправляющихся арестантов произошёл ропот. «Надзор» начал заряжать винтовки. Все смолкли. Вступить в защиту избитых никто не решался, сознавая, что это бесполезно. У меня внутри всё закипело от такого бесчинства и насилия. Не знаю, что происходило дальше: были они посажены на воз с вещами или их тащили до станции, но

только, избитые до потери сознания, они были с нами в вагоне, уже не противились и как будто покорились общей участи.

Брат Шилов Иван Никитич

И.Н. Шилов (1887 — 1942)

Брат Иван Никитич родился в 1886 году в Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда. Он обратился к Господу ещё до революции, будучи на службе во флоте Балтийского моря. Это был человек не теории, а дела и практики. На военной службе он открыто свидетельствовал о Христе всем своим товарищам матросам, и некоторые из них потом сами обратились к Господу. Смело свидетельствовал своему начальству: генералам, полковникам и прочим. На одном из островов Балтийского моря он организовал небольшую группу верующих. Бог благословлял его труд для спасения людей. После революции он был избран пресвитером церкви в петроградской общине «Дом Евангелия». Тогда в городах было трудное время. Ощущался недостаток продуктов, и, чтобы поддержать членов общины, брат очень много потрудился. Он писал воззвания и письма в места, где были продукты, и его работа не оставалась без результатов. Община получала посылки с сухарями и другими продуктами из Сибири, Кавказа и из других мест, а иногда – и из-за границы. В 1921 году весной я приехал для духовной работы из Америки в Россию, познакомился с братом Иваном, и вскоре он пригласил меня приехать к ним в общину «Дом Евангелия», чтобы работать вместе. Получив от него приглашение, я решил не медля ехать в Петроград и работал с ним с 31 декабря 1921 года до ссылки на Соловецкие острова.

В декабре 1923 года на Всероссийском съезде баптистов брат Шилов и ещё несколько братьев – проповедников Евангелия – были арестованы и приговорены к двум годам ссылки в Сибирь – в глухой Туруханский край. В то время вместе с братом Шиловым были арестованы другие молодые члены общи-

ны. Их приговорили к двум годам заключения в Соловецкий лагерь. Брат Шилов спокойно и доблестно перенес это лишение, и здоровым вернулся в свою общину в Петроград. Он часто выступал на диспутах с безбожниками и всегда имел победу. Он обличал власть и безбожников в их неправильных действиях, писал воззвания к Ленину, предлагая ему покаяться и обратиться к Господу.

Брат Шилов много потрудился и для верующих. Он был арестован со мною вместе в декабре 1926 года и два месяца просидел в петроградской тюрьме, после чего был выпущен на свободу. Брат Шилов был самым лояльным гражданином Советской России. По своим убеждениям он никогда не мог причинить вреда власти, совершенно покоряясь Писанию – быть покорным всякой власти, потому что она Богом допускается – а советское правительство считало его врагом рабочего класса только потому, что он искренне верил в Бога. Брат Шилов опять был арестован в июле 1927 года и приговорён к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь. Здоровье его было слабым, но Господь сохранил его, и он благополучно отбыл своё трехлетнее заключение. Я вместе с ним провёл почти всё время своего заключения на Мяг-острове. Вместе мы ходили с топорами и пилами в лес на работу. Вместе терпели все обиды и лишения. После окончания Соловецкой каторги его приговорили к трем годам ссылки в Северный край. Его семейство находилось в вопиющей нужде, но он был бодрым и никогда не падал духом. Он верил в светлое будущее России и говорил, что эта тьма будет рассеяна, и восторжествует Свет Христа и Его Евангелия. Ссылка нас разъединила: меня направили в Архангельский округ, а его – в Вологодский. Не знаю, что будет с ним, когда закончится срок его ссылки. Может быть, опять вернут в Соловецкий лагерь или выпустят на свободу, но только брат Шилов не только готов страдать, но если придется – и умереть, он с радостью примет и смерть, ведь он через веру в Господа Иисуса имеет в Нём вечную жизнь.

От Кеми до Мяг-острова

Вещи наши были сложены на лошадях, чему мы были весьма рады. Когда всё было готово, наша партия, окруженная

конвоем с заряженными винтовками, направилась к выходу. Призвав в душе благословение Божие на наш путь, отдавшись в Его распоряжение и волю, мы спокойно следовали туда, куда нас вели. На станции долго не задержались. Нас погрузили в холодные товарные вагоны и закрыли двери. В вагонах было очень тесно, и скоро от скопления воздуха стало тепло. Поезд тронулся. Мы были рады, что оставляем это место пыток и насилия, хотя не знали, что ждёт нас впереди. Через несколько минут прибыли на станцию Кемь Мурманской железной дороги, где и высадились.

Здесь мы чувствовали себя гораздо свободнее, чем в пункте. «Надзору» вокруг нас было немного, и охраняли нас уже не так строго, как прежде. На станции Кемь простояли недолго. Подошёл пассажирский поезд, и всех нас посадили в вагоны вместе с пассажирами. На поезде нам нужно было доехать до станции «Сорока». Мы удивились, что смешались в вагоне с вольными, и могли свободно с ними разговаривать и свободно выходить из вагона. «Надзор», человека два, помещался в конце вагона и совершенно не следил за нами. В чём дело? Некоторые могли выйти из вагона и уйти на свободу. Оказалось, что это было только с виду, на самом же деле за нами следили сотни глаз тайных сыщиков. Они подходили к нам, вступали в разговоры, спрашивали нас, куда мы едем, и если узнавали, что мы заключённые, глубоко сочувствовали нам. Начинали расспрашивать о дисциплине, о порядках и обо всех жестокостях, которые творятся в лагерях. Некоторые подробно объясняли всё, что знали, и конечно, в дальнейшем подверглись самому строгому взысканию.

От Кеми до Сороки было совсем недалеко, и доехали мы быстро. Сидя в вагоне, я думал: «Ах, если бы вот так же удалось поехать домой, когда кончится срок нашего заключения! Какой приятной будет встреча с родными!». Но это были только мечты… В Сороках поезд остановился, всех нас высадили. На платформе пред вокзалом сделали поверку – все оказались на месте. После поверки с нашей партией осталось не более двух человек «надзора», а остальные куда-то разбрелись. Мы свободно ходили по платформе, нам даже не воспрещалось говорить с вольными. Здесь мы почувствовали себя почти свободными.

В Сороках, на самом берегу Сорокского залива, помещался лагерь заключённых. Здесь арестанты занимались рыбной ловлей. В этом лагере было много женщин и девушек, которые занимались очисткой и засолкой рыбы. Нас загнали в один из бараков, а наши вещи были уже отправлены к месту назначения. В бараке было очень тепло, в нём находились почти одни женщины и девушки, за исключением нескольких мужчин, которые, как выяснилось, были десятниками и заведующими работами. Мы попросили достать нам кипятку, и одна из девиц это любезно сделала. В ларьке купили белого хлеба и всё, в чём имели нужду. Отсюда написали домой открытые письма, извещая наших родных о нашем переводе в другое место.

После чая и хорошей закуски нас клонило ко сну. Удобств не было никаких, и мы, сидя на грязном полу, в таком положении и заснули. Заснули крепко, но спать долго не пришлось, так как в бараках поднялся сильный шум от разговоров. Многие заключённые жили здесь на вольных квартирах и, когда узнали о прибытии новой партии, в наш барак стали приходить другие ссыльные, и среди них – один священник. Они говорили нам, что устроились здесь хорошо. Один из них даже выписал нелегально свою жену, которая где-то нашла работу.

Отдых закончился. Было приказано выходить во двор и строиться в ряды. Все люди были налицо, и мы направились далее, удаляясь всё дальше и дальше в южном направлении, по берегу Онежской губы. Дорога была заметена снегом, и идти пешком было трудно. За городом нам встретился пожилой прилично одетый крестьянин. Поравнявшись с нами, он остановился.

– Куда вас гонят, друзья мои? – спросил он сердобольным голосом.

Ему ответили:

– В Соловецкий концлагерь на Мяг-остров!

Человек этот покачал головой и сказал:

– Мученики, мученики родной страны! Когда это мучение прекратится? Бедные невольники!

Он низко опустил голову и пошёл дальше. Партия шла быстро, всех подгонял мороз. Шли лесом и полями. Изредка встречались каменистые скалы, которые, как великаны, возвышались над равниной. Снег был глубокий, и когда попада-

лись встречные подводы, то лошадь, сворачивавшая в сторону, вся тонула в снегу.

Солнце начало быстро опускаться к закату, а до ночлега было ещё далеко. Селения встречались очень редко: на расстоянии двадцати пяти или сорока километров. Я с болью переставлял натертые тесными сапогами ноги, и просил Господа помочь мне благополучно добраться до места назначения. Брат ... взял на свои плечи мой чемоданчик с продуктами, и я, свободный от лишней тяжести, продолжал путь. Скрылась вечерняя заря, и наступила холодная северная ночь. Ожидаемого села всё не было. Многие из ссыльных начали роптать на надзор: зачем нас так поздно вывели в такой дальний путь…

Наконец, вдали показались мерцающие огни. Все обрадовались и зашагали быстрее. Огонек, как бы нарочно, удалялся от нас, раздражая своим светом и дальностью расстояния. Вот и деревня. Постройки занесены глубоким снегом, так что сверху виднелись почти одни крыши. На улице села «надзор» нас остановил. Все чувствовали сильную усталость от длинного путешествия. Начальник надзора и председатель сельсовета пошли по дворам искать ночлега, а мы остались ждать на улице. Проходящие деревенские мужики и женщины останавливались, рассматривали нас и что-то спрашивали на своём карельском языке. Недалеко от нас собрались сельские девки, которые почему-то начали петь свои карельские песни. Их мелодии были очень грубы и непривлекательны, и заключённые смеялись над ними, но они, наверное, не понимая нас, продолжали петь. Мы, братья, подошли к одному из наших конвоиров, и просили его поместить нас вместе. Мы заявили ему, что мы баптисты, и он дал своё согласие.

– О, я баптистов знаю, – ответил он, – и постараюсь это для вас сделать.

Начальник и председатель вернулись и начали разводить нас по хатам. Подошли к одной избе, а хозяйка заявила, что может пустить на ночлег не более пяти или шести человек. Наш знакомый «надзор» сообщил, чтобы все мы шли к этой женщине. Поблагодарив его, мы направились к воротам. Войдя в избу, поприветствовали хозяйку дома и начали раздеваться. В помещении было тепло, и это благотворно на нас подействовало. Хозяйка оказалась очень приветливой и разговорчивой.

Она была вдовой, жила с одной старушкой и двумя маленькими дочками.

– Я думала, что у меня будут ночевать уголовники, я не хотела их пускать, потому что они воруют, а вас я рада принять. Милости просим, я сейчас поставлю самовар, и вы погреетесь; вижу, вы очень прозябли. Бедные, за что же вас гонят? – спросила она.

– Подожди, хозяюшка, мы всё подробно расскажем тебе – за что нас гонят, как преступников, и кто мы. Только дай нам немножко отогреть наши окоченевшие от мороза ноги и руки, – ответили мы.

– Пожалуйста, раздевайтесь и полезайте на печку, там вы согреетесь.

Хотя в помещении было не слишком тепло, но нам с мороза показалось даже жарко. Сложив свои вещи в уголок и сняв пальто, все мы уселись около стола. Я снял свои кожаные сапоги. Ноги мои сильно ломило, все они были в ранах. Вскоре был готов чай. Радости нашей не было конца. Мы благодарили Господа за этот скромный уголок, который Он нам послал. Хозяюшка предложила нам умыться, что мы с радостью и сделали. Пред кушаньем мы встали, и один из нас призвал Божие благословение на пищу. Хозяйка с удивлением посмотрела на нас, но ничего не сказала. Выпив по стакану горячего чая, мы согрелись и начали расспрашивать нашу добрую хозяюшку. Она охотно отвечала на все наши вопросы, сказав, что они имеют староверческое вероисповедание.

За разговорами мы незаметно осушили самовар и попросили согреть другой. Хозяйка охотно согласилась. Пока грелся самовар, мы попросили разрешения спеть несколько духовных песен. Получив согласие, мы, хотя и усталыми голосами, но дружно запели гимн хвалы Господу. Хозяйка с удивлением смотрела на нас, и видно было, с каким вниманием она слушала пение. Закончив одну песню, мы начали петь другую – о том, что Иисус любит грешников и хочет их спасти. Слушая нас, хозяйка не вытерпела и спросила:

– Кто же вы будете? Вы, когда молились, не крестились, да и молитвы ваши не такие, как наши. Я думаю, что вы очень хорошие люди, и рада, что вы попали ко мне.

Petrow_kor.indd 158 10.09.2015 15:04:27

Мы ответили ей, что веруем в Иисуса Христа, как нашего личного Спасителя, и веруем так, как написано в Евангелии. Называют нас баптистами. Слушала нашу беседу и её бабушка, и время от времени тяжело вздыхала.

В переднем углу у них стояли старинные иконы с потемневшими от давности лицами. Самовар снова был готов, и мы продолжали пить чай. Закончив чаепитие, мы прочитали из Слова Божия, а затем, преклонив колени, благодарили Господа и просили Его сохранить нас на эту ночь. Это была наша первая общая молитва за всё время нашего заключения. Хозяюшка дала нам что-то подостлать на пол, мы улеглись и быстро заснули. Когда я утром проснулся, было уже светло. За ночь пол совсем остыл, и я дрожал от холода. Хозяюшка уже топила печь и грела самовар. Умывшись холодной водой, мы читали Слово Божие и молились. После чая мы просили хозяюшку на-

значить, сколько ей заплатить за ночлег и за труды. Рассчитавшись с нею, опять начали петь духовные гимны.

Во время пения в дом пришли два человека из надзора и долго слушали. Один из них грубовато спросил:

– Вы, наверное, здесь своим пением беспокоили хозяйку, и она больше не будет пускать на ночлег?

– Нет, желанные, они меня не беспокоили, – вступилась за нас хозяйка. – Таких ночлежников я рада пускать каждый день. Это люди хорошие, – закончила она.

Надзор сообщил, чтобы мы были готовы к отправке, и ушёл, опять оставив нас одних. В беседе с нами хозяйка заявила, что у них есть свои книги, которые говорят не так, как наши. Мы попросили её, если возможно, достать нам какую-либо книгу, которая говорит иначе. Библии и Евангелия у них не оказалось, но, к нашему счастью, она подала нам Псалтирь на славянском языке. Открыв её Псалтирь и свою Библию, мы доказали, что в этих книгах разницы нет, разница только в том, что люди хоть и читают эти книги, но не исполняют того, что в них написано. Она удивилась тому, что в их книгах, действительно, написано то же самое, что и в наших. Потом она затронула вопрос о иконопочитании, на что мы прочитали ей из Псалтири, чтобы она убедилась, что и их книги говорят против поклонения иконам. Хозяйка была очень удивлена. Прощаясь, она очень благодарила нас и просила заходить, если придется идти обратно.

Слава Господу за этот ночлег! Мы верили, что Господь нас поведет и дальше Своим путем и не оставит нас. Я с большим трудом надел свои сапоги, еле дошёл к месту сбора и заявил о болезни ног. Конвойный пожал плечами и спросил:

– Деньги есть наличные?

– К сожалению, наличных денег нет у меня на руках, но есть Кемская квитанция на тридцать рублей, – ответил я.

– Это плохо, что нет денег, можно было бы нанять подводу и ехать с нами вместе, а теперь не знаю, как помочь, но я посмотрю, может быть, что-то устрою.

Я почувствовал, что этот человек имеет к нам уважение. В душе я просил Господа, чтобы Он Сам помог мне выйти из этого положения, и всё Он устроил чудным образом. С нами в партии шли два довольно богатых человека, у которых были на руках наличные деньги. Одеты они были шикарно, и начальник

конвоя разрешил им нанять извозчика и ехать вместе с партией. Мой знакомый надзиратель слышал всё это и попросил их взять на подводу и меня. Начальник согласился, и я сердечно благодарил Господа за Его заботу о моих нуждах.

Извозчик был нанят до последнего села, которое находится на берегу Онежской губы. Наша партия шла пешком, а мы, трое, поехали с одним конвойным впереди. День был хороший. Солнце с каждым часом поднималось выше и выше. За день мы проехали сорок верст, могли бы ехать ещё, но следующее село было очень далеко, а поэтому решили переночевать в селе Сумма**.** Познакомившись с моими спутниками, я узнал, что один из них был служащим иностранной торговой фирмы, а другой – заведующим кооперативом. Они очень любезно относились ко мне. Я начинал говорить им о вере в Бога, но их сердце было закрыто, и я прекратил свои беседы.

Извозчик привёз нас на ночлег к своей знакомой – вдове с дочерью лет семнадцати. Хозяйка любезно приняла нас, приготовила самовар и кое-что покушать. Мои спутники тихонько поговорили между собою, и один из них вышел. Через некоторое время он принес бутылку вина, но пить за столом они постеснялись и, спрятавшись у хозяйки на кухне, быстро осушили бутылку. Время было ещё не позднее, и после чая мы прошлись по всему селу. Видно было, что село когда-то было богатым. Посетили мы исполком, но на нас там смотрели косо, т.к. мы были заключёнными Соловецкого лагеря. В кооперативе нельзя было ничего купить, все полки были пусты.

Начало смеркаться, и мы вернулись на квартиру. После вечернего чая мы вскоре отправились на покой. Добрая хозяюшка постелила нам на полу, а под головы дала свои подушки. Рано утром мы позавтракали и отправились дальше. Добрая хозяюшка-вдова ничего не пожелала взять с нас за все услуги и угощение. Она говорила:

– Я знаю, что вы едете в неволю, там для вас будет дорога каждая копейка, там никто вас не угостит. Мы живем на свободе, всё имеем, а может быть, и нам придется быть в таком положении, как вы. Теперь никто за себя не уверен, что завтра не попадет туда. Если сам ничего не сделаешь худого, злые люди что-нибудь донесут. Сейчас брат за братом следит; такое уж пришло время. Наши старики говорили, что настанет тяжелое

время, когда брат брата будет напрасно предавать в суды. Нами управляют мальчишки. Посмотрите, кто сидит в нашем исполкоме. Прежде в таком возрасте они ходили ещё без штанов, а теперь время такое пришло: «Старцы, говорят, отжили свой век, им могила нужна, а мы, молодежь, будем строить жизнь по-новому, у нас кто был ничем, тот станет всем». Вот так оно и идет в жизни, и жизнь не улучшается, а, наоборот, день ото дня становится всё хуже и тяжелее. Товары постепенно исчезают – нет муки, нет соли, нет керосина, нет сахара… В нашем селе нескольких зажиточных крестьян тоже арестовали и куда-то выслали, и сейчас не знаем, куда. Может быть, их уже и в живых нет. Люди в Бога не верят, говорят, что вера – это дурман для народа. А вот посмотришь на жизнь людей без Бога и сравнишь ту жизнь, когда они верили в Бога – и сразу видишь большую разницу. Жизнь была лучше во всех отношениях. Люди имели уважение друг к другу, а теперь этого нет. Раньше к старикам было почтение и уважение, а теперь над ними смеются. Теперь при встрече воспрещают подавать руку друг другу, говорят, что можно получить заразу и умереть. Плохие времена настали, наверное, это и есть последнее время.

Мы поблагодарили нашу заботливую хозяюшку за всё, что она сделала для нас, сели в сани и выехали из села. Погода была хорошая, солнце уже не только освещало, но в безветрии начинало даже согревать. Лошадь наша была или ленивая или голодная; она еле переступала ногами, хотя хозяин часто поднимал на неё свой кнут. Мы не торопили извозчика; спешить нам было некуда, мы знали, что едем не к дорогим нашему сердцу, которые бы с радостью встретили нас. В пути мы пользовались некоторой свободой и хотели, чтобы дорога продлилась как можно дольше. Мы понимали, что ожидает нас на острове: лишения и обиды. Теперь же душа наслаждалась видами природы. Солнце было ещё высоко, когда мы приехали к нашей конечной стоянке в селе Колежма. Село стояло на самом берегу Онежской губы. В нём находилось более трёхсот домов. Прежде люди жили здесь очень богато, занимаясь исключительно рыбной ловлей. Теперь весь этот промысел приходил в упадок, так как частная ловля рыбы стала совершенно невозможной из-за непосильных государственных налогов. Мы подъехали к

одной небольшой избе. Здесь находился комендант от лагеря заключённых с Мяг-острова.

Нас пригласили войти в помещение. За столом сидел человек средних лет, небольшого роста. Это был комендант. На боку у него висел револьвер. Он окинул нас быстрым взором. Наш конвоир сообщил ему, что мы заключённые, и передал ему пакет. На лавке, недалеко от стола, сидел священник и два других заключённых. Они тоже были из нашей партии, но каким-то образом опередили нас. В помещении было очень уютно и довольно тепло. Весь передний угол был увешан иконами, и перед одной из них горела лампада. На окнах стояли зеленые цветы, некоторые уже начинали цвести. У дверей стояла выбеленная лежанка. Комендант решил, чтобы мы не ходили на остров одни, а ожидали своей партии. Для нас это было очень хорошо, так как мы могли провести ещё целый день почти на свободе. Комендант отвёл нас в дом, находившийся на самом берегу моря. Там жила вдова с детьми, которая всегда принимала у себя заключённых и давала им ночлег. Надзор тоже остался с нами. Мы попросили хозяйку поставить самовар. В этом помещении был беспорядок: всё было раскидано, пол грязный. Хозяйка была неряшливо одета и разговаривала с нами очень вульгарно.

Ходить по селу нам было запрещено. Это огорчило нас, но пришлось смириться. Наступил вечер, и мы попросили указать нам место для ночлега. Мои спутники сговорились с хозяйкою спать на её кровати в спальной комнате, а я улегся на полу около печки с конвоиром. Ночь была холодная. Я сильно прозяб и проснулся рано. В голове роились тысячи мыслей, и сердце наполнила тоска. Я вспомнил своих дорогих деток и жену. Они теперь так же одиноки, как и я. Полторы тысячи километров разделяют нас друг от друга. Хотелось бы полететь туда и утешить их, но, увы!..

После завтрака «надзор» снова сообщил нам, чтобы мы не ходили по селу, т.к. за это комендант может посадить в холодный сарай и написать рапорт в пункт, где могут приготовить к карцеру. В помещение заходили соседи, мужчины и женщины, о чём-то спрашивали, но отвечать им на вопросы не хотелось. Сегодня вечером сюда должна прибыть наша партия, и я с не-

терпением ожидал своих братьев. Вдали они стали мне ещё дороже. Я понял, как тяжело быть одному.

Часов в двенадцать дня к дому подъехал человек на лошади. Одет он был в серое полупальто, на ногах – серые валяные сапоги. Он распряг лошадь и вошёл в помещение. Это был заключённый с Мяг-острова, который приехал сюда по делам. Он был хлебопеком, фамилия его – Павленко. Познакомившись с ним, мы очень многое от него узнали. Павленко был приговорён к пяти годам заключения, и уже второй год находился на Мяг-острове. Он сообщил нам, что работа в лесу тяжелая, и уроки[33] выполняют не все. За невыполнение урока уменьшают продовольственный паек; люди голодают, а некоторые умирают. Дисциплина ужасно строгая и суровая. Бараки скверные, тесные, с насекомыми. Пища очень плохая, и.т.д. После такого сообщения мы пришли в крайнее уныние и тревогу. Три года находиться в таких условиях будет не под силу. Между прочим, он сообщил, что тот, кто всегда выполняет урок, получает полный паек, ему дают обмундирование, доверяют, а когда освобождается какая-либо хозяйственная должность, его снимают с общих работ и ставят на легкую работу. Я спросил его:

– Как же выполнить урок, если он не под силу?

– Есть люди здоровые, сильные, и хотя им тяжело, но они выполняют, – ответил он мне. – Некоторые подкупают десятников, те им приписывают, и таким образом они выходят из положения.

– Да, но это нечестно, – возразил я ему.

– С честностью там не считаются. Там всякий спасает свою собственную шкуру.

– Разве заключённых отпускают куда-либо с острова одних, вот как вы сейчас приехали? – снова задал я ему вопрос.

– Отпускают, но не всех. Если убедятся, что вы человек честный, отпустят, – ответил он.

– Да разве честный человек не может уйти с такой каторги? – продолжал я спрашивать его.

– А куда вы уйдете? Если вы уйдете в лес, то обречете себя на голодную смерть. По снегу вы не сможете идти – он выше вашего роста. Если пойдете по дороге, вас сейчас же поймают

33 Урок – норма, или задание.

и расстреляют. Всякий встретившийся с вами мужик задержит вас и передаст власти. Здесь нет ни одного человека, который укрыл бы вас и помог вашему побегу. За каждого пойманного беглеца карел получает мешок муки, а это теперь ценность. Да если бы кто и пожелал вас укрыть, он не сможет это сделать. На него донесёт сосед, и он за это сам попадёт в тюрьму. Здесь за заключённым гоняются, как за хорошим зверем, потому что это выгодно. Было много попыток к побегу, но ни одна не была удачной.

– Это хуже всего, что убежать нельзя, – со вздохом подтвердили мои спутники.

Весь день мы просидели в помещении. Уже стало темно, когда наша партия прибыла в село. Моих братьев поместили вместе со мною. Как мы были рады! Вечером мы пели духовные гимны и беседовали из Слова Божия с приходящими сельскими жителями. Я передал братьям всё, что узнал о работах в лагере. Это известие опечалило их, но, надеясь на Господа, мы смело смотрели вперед. Ночью всех нас уложили на пол, и, пригревшись, мы заснули. Утром после чая к нам пришёл один еврей, заведующий закупкой рыбы наваги. Он был одет в богатую шубу и в каракулевую шапку, и столько хорошего говорил о жизни в лагерях, что мы перестали ему верить. Он хвастал, что имеет большой авторитет, выхватил из кармана револьвер, доказывая, что никого не боится, показал нам большую пачку денег, червонцев. Он был из заключённых, но как еврей везде имел связи, и обрел такое доверие, что жил припеваючи.

Этот хвастун всё же дал нам записку, чтобы из его склада нам совершенно бесплатно отпустили рыбы. По записке действительно принесли рыбу; хозяйка зажарила её нам, и мы с аппетитом её съели. Часов в одиннадцать дня мы двинулись в путь до лагеря Мяг-острова. На улице было темно, шёл крупный снег.

Мяг-остров

С крутого берега мы спустились на лед и, пройдя по льду совсем немного, уже ничего не видели. Снег шёл такой густой, что вблизи ничего не было видно. Дорога была заметена, и идти было тяжело. Подводы с вещами следовали где-то сзади. Мы

продвигались по Белому морю вдоль Онежской губы. До острова нужно было идти километров пятнадцать. На полпути нам встретился маленький островок с невысокими растениями.

Приближаясь к Мяг-острову, сквозь снег мы заметили очертания высоких скалистых гор, покрытых густым хвойным лесом. Лагерь заключённых находился на северной стороне острова, который имел пятнадцать километров в длину и семь километров в ширину. По берегам во многих местах были выстроены деревянные постройки для рыбаков, которые приезжали на зимний сезон для ловли наваги.

Над островом возвышались семь гор. Первая называлась «Архангел», и была недалеко от лагеря. Такое название она получила потому, что, когда дул северный ветер, эта гора защищала лагерь от ветра. Другая гора называлась «Соколиной» – потому что там жили соколы. С одной стороны от моря она была отлогой, но потом обрывалась отвесной стеной. Третья гора называлась «Змеиной», и была посреди острова. На ней водилось множество змей. Четвёртая гора – «Крестовая» – потому что на самой её вершине стоял большой деревянный крест, который, по преданию, поставили основатели Соловецкого монастыря, Зосима и Савватий. Пятая гора – «Лебединая» – потому что у подножия горы было небольшое озеро, в котором летом всегда жили несколько десятков лебедей. Шестая гора – «Белужья» – была на самом северном берегу острова, где в море водилась морские звери белуги. Седьмая гора не имела определенного названия.

Северный берег острова был скалистым, а южный – пологим, покрытым елью, сосной, осиной, березой и ольхой. Весь южный берег был покрыт лугами, и в летнее время он представлял собой красивый ковер из различных цветов. Половину территории острова составляли топкие болота, на которых росли клюква, брусника и черника. По лесным вырубкам росло много малины, а в некоторых местах – чёрная смородина. Летом на острове было много грибов.

Летом мимо острова ходили пассажирские пароходы до Онеги. А природа в это время года здесь была очень красивой какой-то особенной, своеобразной северной красотой. Но заключённые, которые работали на общих работах в лесу или шли на сплав, не замечали этой красоты, потому что каждый

день они были настолько усталыми, что по окончании работ еле влачили свои ноги по лесным тропинкам, не замечая, что делается в природе вокруг них.

В летнее время по берегам и в лесу водилось много разных птиц, особенно гусей и уток. Они свободно живут на этих островах, охотники их особенно не пугают, и птицы почти не боятся человека. Если человек рано утром шёл по берегу моря, то со всех сторон мог слышать величественный птичий хор, воспевающий гимн Творцу. На острове водилось много зверей: медведи, лоси, лисицы, зайцы, олени. Летом весь остров покрывался роскошной зеленью, цветами, а над его зеленым покровом возвышались гигантские скалистые горы, которые придавали природе ещё больше величия и торжественности. Взобравшись на вершину какой-либо скалы, можно было наблюдать удивительную картину в Храме нашего Небесного Художника. Душа восхищалась и невольно склонялась пред Ним в благоговении, прославляя Его за чудные дела. Природа молчит, но она имеет свой язык, свои аккорды, и рожденный от Бога поймет эти таинственные звуки, неуловимые нашим физическим ухом. Пред глазами расстилалась морская даль с бесконечной зыбью волн, которые, нагоняя одна другую, производили вечное движение.

Вокруг острова были разбросаны небольшие острова и скалы. Во время отливов все они были связаны между собою. При отливах вода уходит очень далеко от берега, и образуется чудный пляж с громадными отшлифованными белыми и серыми камнями. На южном берегу стоит ветхий каменный памятник погибшему английскому капитану.

В летнее время движение по острову почти прекращается, так как остается очень мало мест, где человек может пройти, чтобы не завязнуть в болоте. Есть проложенные тропинки, по которым можно пробраться в середину острова. На острове есть небольшие озера, и есть такие пучины, что и дна не видать. Имеется несколько маленьких речек, которые несут в море свои красные болотистые воды. Есть места, где свалены огромные кучи круглого серого камня. Как они образовались там в таком громадном количестве? Казалось, что их принесло небесное облако и бросило здесь в один ярус! Каждый камешек

был как будто отшлифован, а размером – не более человеческой головы.

Зима здесь наступала рано: морозы и снега начинались уже в октябре, и снега выпадало очень много. В декабре солнца было уже почти не видно, и даже в ясную погоду нужно было взойти на гору, чтобы увидеть его. Оно появлялось над горизонтом на короткое время, а затем опять пряталось, поэтому день был очень коротким. Зимы были не холодными, но очень сырыми, что очень вредно сказывалось на людях. Весна всегда была поздней; снег лежал до конца мая. Летнее время – всего три месяца, ночи не было.

Заключённые работали день и ночь. В июне солнце садилось всего на один час, а потом опять восходило. Летом очень часто бывали ветры и морские бури, которые причиняли много вреда во время сплава бревен. Волны разбивали плоты, и уносили всё в море. Бури бывали очень грозными, от ударов волн дрожали скалы. Тёплых дней летом было очень мало.

Недалеко от Мяг-острова был Соловецкий остров, где находилось главное управление Соловецких лагерей, которое позже перенесли в город Кемь. Воду для питья берут из колодцев. Один такой природный колодец находился на расстоянии километра от лагеря. В нём – живая вода, т.е. бегущая из скалы. Другой колодец был сделан людьми в лагере, и вода в нём была хотя и чистой, но «землянистой», болотной. На острове водилось очень много змей, которые жили даже под бараками заключённых.

Вокруг бараков рос хвойный лес, специально оставленный для защиты лагеря от непогоды. Заготовка леса происходила с осени, а как только устанавливалась зимняя дорога, и замерзали болота, начинался его вывоз. Часть заключённых работала по заготовке леса, а часть – по вывозу. Лес вывозили на лошадях; а в 1929 году было время, когда практиковался вывоз на заключённых, но эта затея не имела успеха. Вся работа по заготовке происходила по заданию «на урок». И видно было, что лошадям здесь уделяли гораздо больше заботы и ухода, чем заключённым. Воспрещалось перегружать лошадь и быстро гнать её в пути, для лошадей были построены хорошие конюшни, введено постоянное дежурство, их хорошо кормили.

Я наблюдал, что присылали в лагерь лошадей очень заморенных, но, проработав месяца два или три, они становились неузнаваемыми. Лошадь – это имущество Соловецкого лагеря, а заключённый – враг, с которым никто не считался; да он и прислан-то был сюда специально для медленного умирания. В лагере на Мяг-острове было более сорока лошадей.

Также на острове была и радиостанция для передачи и приема радио и телеграмм, имелось шесть бараков для заключённых, и один барак – для надзора, для начальника и канцелярии. Было отделение для больных, хлебопекарня, кузница, шорная, сапожная мастерская, ларек (продовольственная лавка), баня, и т.п. Посреди бараков – большая площадь, на которой происходила поверка, отправка и прием заключённых. На площади была устроена летняя сцена для представителей агит-пьес и торжественных собраний. Вдали от бараков стояла дощатая будка – покойницкая. На горе недалеко от лагеря имелось кладбище, где хоронили заключённых и животных. (Падших лошадей хоронили на одном кладбище с людьми.) На могилах не было крестов, а только небольшие холмики с воткнутым в них колом, на котором карандашом была написана фамилия умершего.

Прием на Мяг-острове

Когда мы вошли во двор пункта заключённых, всех нас выстроили, и перед нами появилось начальство административной и хозяйственной части. Дежурный по лагерю начал поверку, вызывая каждого по фамилии. Все были налицо, «побега не случилось». После поверки произвели обыск, а затем уже разрешили идти в барак.

Барак был очень темным, но тёплым. Нары для ночлега – в два этажа. Из старых заключённых в нашем бараке был назначен дневальный, у которого мы должны были спрашивать разрешения для выхода из барака. От административной части над нами назначен был строгий надзор, так как в прибывшей партии оказалось много каэров (котрреволюционеров), чего так боялись власти.

Дневальный отвёл нам место в углу, на нижних нарах, и мы начали устраиваться. Разрешено было получить кипяток.

В барак приходили старые заключённые, которые предостерегали быть осторожнее в разговорах с дневальными, потому что здесь была такая сеть шпионажа, что всякое слово, высказанное против власти, передавалось начальнику. Бывали такие случаи, что по доносу человека забирали и пускали «в расход» (т.е. расстреливали). Вечером поверка была произведена в бараке, во двор нас не выгоняли. Дежурный поздоровался с нами, и мы ответили ему недружно и тихо. На первый раз он ограничился только суровым выговором и оставил нас в покое. Весь барак освещался одной пятилинейной[34] керосиновой лампой, которая стояла на небольшом столе. За столом сидели человек восемь и писали письма на родину. Я не мог написать письмо в первый вечер, потому что не было места за столом. Вскоре после поверки приказано было спать. После тяжелой дороги все быстро заснули. Проснувшись ночью, я увидел массу барачных насекомых, которые питались нашей кровью. В бараке стояла жара, воздух был пропитан зловонными газами, от которых кружилась голова, а во рту чувствовался неприятный привкус. После этого я долго не мог заснуть.

На другой день фельдшер провёл переосвидетельствование вновь прибывших заключённых. Брата Алексеева И.Г. фельдшер признал не способным к тяжелым работам в лесу, и его отправили обратно в Кемперпункт. Мы были очень рады, что Господь положил на сердце фельдшеру Якову Сергеевичу освободить нашего брата от непосильной работы. А ведь мы имели переосвидетельствование в Кеми, где нас осматривали опытные доктора, которые не обратили внимания на его болезнь, назначив в лес на общие работы. Я уверен, что это был промысел Божий, так как фельдшер был человек трусливый и сам по себе не мог решиться на такой смелый шаг; тем более что комиссия врачей признала брата годным для работы, а какой-то фельдшер с ними не согласился. В тот день, испросив позволения у дневального, мы уже свободно ходили по лагерю. Посетили другие роты, которые были пусты, т.к. все обитатели находились на работе в лесу. Из хозяйственной части нам выдали хлеба на несколько дней – по полтора фунта в день на

34 Пятилинейная керосиновая лампа – имеющая фитиль в пять линий, каждая из которых равна 1/10 дюйма (1 дюйм = 2,54 сантиметра).

Petrow_kor.indd 170 10.09.2015 15:04:29

человека. Такой паек давали тем, которые работали в лесу на заготовке, другие рабочие такую норму не получали.

Рабочие ушли в лес очень рано, было ещё темно, и возвратились обратно так поздно, что начинало темнеть. Они приходили не все вместе, а партиями по три человека. Кто скорее кончал урок, тот получал от надзора пропуск, с которым мог являться к дежурному по лагерю. Вечером мы наравне со всеми рабочими получили обед – он состоял из супа с соленой рыбой и пшенной каши, которую получали только рабочие в лесу. В этот день нам выдали обмундирование. Я получил бушлат (полупальто) серого сукна, ватные штаны, ватную телогрейку, рукавицы и пару теплых сапог-валенок. Затем выдали топоры, пилы и весь надлежащий инструмент для лесных работ. Было объявлено, что завтра рано утром мы пойдем на работу в лес.

Старые рабочие рассказывали нам, что работа в лесу – непосильная, и не все выполняют урочное задание. Мы, братья, согласились работать все вместе в одной группе, решив не оставлять друг друга.

Днём написали письма родным, сообщив им, что благополучно прибыли на место, и завтра уже идем на работу. Письма опускали в почтовый ящик не запечатанными – назначенный из чекистов цензор проверял их, и подозрительные по содержанию или уничтожал, или призывал заключённого и давал строгие указания, как нужно писать: «Жив, здоров, и вам того желаю – вот и всё», – говорил цензор. Конечно, никто с ним не соглашался, а потому много писем уничтожалось.

Вечером нас вызвали на общую поверку, в это время звонил колокол, который висел на дереве посреди двора. Колокол этот был довольно большой и звонил очень сильно. (Он был реквизирован из одной местной православной церкви и передан в распоряжение отделения концлагеря на Мяг-острове, где его и приспособили.) Нашу роту новичков поставили в общий фронт, который растянулся по всему двору. На вечерней поверке сменялся дежурный по лагерю и вступал новый. Старый дежурный здоровался с рабочими утром, а новый – вечером. Прозвучала команда: «Смир-р-рно!» Вместе с дежурным к нам вышел и начальник лагеря, который поздоровался с заключёнными. Последовало громкое: «Здра!», но кричали не все сразу.

Дежурный обиделся и приказал много раз кричать «здра». Потом был по-военному произведен расчет.

После поверки начальник говорил нам об обязанностях и наказаниях за провинности. Потом дежурный приказал дневальному заняться с нами в помещении роты. Занятия в роте продолжались около часа: кричали «здра» и рассчитывались по порядку. Досыта натешившись нашими неудачными ответами и криком, нам приказали ложиться спать.

Первый день в лесу

Часа в четыре утра раздался звон колокола. Дневальный изо всей силы закричал: «Вставать людям!» Рота зашевелилась, как встревоженные муравьи: кто ругался, кто плевал на головы с верхних нар, некоторые не могли найти свою обувь. Посреди роты люди толпились, как бараны в куче во время бури. В воздухе тучей стоял дым от курения табака и папирос, дышать было нечем. Воды для умывания не было. Мы с братом ... вышли во двор, нашли мягкий снег и помыли им лицо и руки. На завтрак нам дали пшённую кашу и кипяток. По звонку выстроились. Пред строем появился «рукраб» (руководитель работ) из заключённых Некрасов М.П. – человек небольшого роста, с бойкими глазами и строгим лицом. Он начал говорить речь ко вновь прибывшим. Голос его обрывался, по-видимому, он был пьян. Он говорил, чтобы все трудились и делали так, как говорят десятники. За хорошую работу обещал привилегии, а за невыполнение работ угрожал наказаниями. После речи Некрасова вышел старший десятник – молодой человек высокого роста, с красным лицом, и объявил, что урок на сегодня для начала будет очень мал, «по двадцать пять бревен на три рыла», т.е. на троих человек. На каждую пилу назначили по три человека: двое – пилить с корня, а третий – обрубать сучья. Нам же разрешили вчетвером работать вместе – и урок для нас был не двадцать пять, а тридцать четыре бревна. Бревна длиною были десять аршин (7,1 метров), толщиною в верхнем срезе от двух до пятнадцати вершков (от 8,8 до 66 сантиметров).

Вся жизнь заключённого находилась в распоряжении десятника. Как говорили: «В десятнике – вся сила, он над заключённым – царь и бог». Если он кого-либо невзлюбит, то для

человека это – смерть. Он может забраковать каждое бревно или неправильно отрубленный сучок. Десятник – это бич для заключённого. Мы попали, как оказалось, к самому сердитому и крикливому десятнику.

Нашу молодую партию послали работать отдельно от старых лесорубов. От лагеря мы пошли сначала берегом, который был завален ярусами бревен, уже приготовленных к сплаву, потом повернули вглубь острова. По сторонам возвышались высокие ели. В лесу было тихо. Вдали на горизонте начинало рассветать. Пройдя лес, мы поднялись в гору, и вышли на большое пустое пространство. Это было болото. Идем уже час, а до места работы, говорят, ещё далеко. При появлении зари мороз начал действовать сильнее. Я часто перебрасывал свою шапку с одного уха на другое. Суконное полупальто (бушлат) не согревало, и я начал дрожать. Спустившись с крутой горы, мы попали в густой лес. Десятники распределили нам участки, и работа началась. Было уже совсем светло, когда мы начали работу. Снег был глубокий, но слабый, пушистый. Брат ... и я работали пилою, а другие братья очищали сучья. Первое и второе дерево мы свалили скоро, но они у нас упали в совершенно другую сторону, а не туда, куда мы хотели. Деревья были толстые, и вокруг каждого дерева нужно было оттоптать или отгрести снег, потому что пни должны быть не выше шести вершков (это примерно 30 см) от земли. Немного поработав, мы разогрелись – работать в бушлатах дальше было нельзя, и волосы под шапкой были совсем мокрые. Мы разделись и остались в одних ватных телогрейках. Спилив ещё бревен пять, почувствовали сильную боль в спине и в ногах, потому что нужно было очень низко наклоняться, чтобы работать пилой. Начали пилить с большим отдыхом, но это не помогало. Мы долгое время не работали, и поэтому организм не в силах был сразу вынести такую нагрузку. Силы постепенно нас оставляли, и мы приходили в отчаяние. Представлялось, что сегодня нам урока не выполнить. День казался очень длинным. Посчитали готовые бревна – их у нас оказалось три десятка. Мы были очень рады, что ещё спилить четыре бревна, и наш урок будет кончен. С большим трудом, наконец, спилили и последнее дерево.

Сколько тяжелых дум пронеслось в душе, сколько было вознесено глубоких сердечных вздохов к Небесам – к Тому, Ко-

торый имел над нами власть и силу. О, как тяжело было работать сверх сил!.. Солнце опускалось за горы. Мы предполагали, что большинство рабочих кончили свою работу и ушли в лагерь, но когда сообщили десятнику, чтобы принял от нас бревна, то он удивился, что мы кончили прежде, чем другие. Он проверил нашу работу и нашёл два бревна брака. По-настоящему в них никакого брака не было, но делать было нечего, мы с большими усилиями и с обидою в душе спилили ещё два дерева. Десятник принял нашу работу, выдал нам пропуск, и мы направились в лагерь. Ноги от усталости отказывались повиноваться, а хотелось скорее добраться до лагеря и отдохнуть. Уже начинало смеркаться. Мы с братом ..., придя в барак, легли отдохнуть. Есть нам не хотелось. Братья помоложе ... были бодрее, чем мы, и принесли нам обед и кипяток. Чай не удовлетворил нашу жажду. Я за один прием выпил шесть кружек и всё ещё хотел пить, но кипяток уже закончился. Некоторые рабочие приходили очень поздно и не могли выполнить задания. Все заключённые были усталыми и расстроенными.

В этот вечер в роте происходило что-то ужасное. Некоторые громко ругали тех, кто выдумал этот лагерь; другие ругали тех, кто послал их сюда; третьи ругали Бога и всё святое. Злоба выливалась во всем своём безобразии. Люди не стеснялись ни шпионов, ни администрации – никого. Один наверху ругался такими отборными выражениями, что я пришёл в ужас. Как выяснилось на другой день, человек, который так ругался, был не безбожник, а православный христианин, и впоследствии он часто спорил с нами, защищая догматы своей церкви.

Люди готовы были броситься друг на друга и растерзать за любую мелочь. Из-за каждого неосторожного толчка в тесноте поднимался ужасный шум. Мы с глубоким сожалением смотрели на всю эту жуткую картину. Поверка была по ротам, а затем я быстро заснул, предав себя в распоряжение моего Господа.

Ввиду того, что люди пришли с работы поздно, рукраб решил поднять рабочих в три часа утра. Я спал крепким сном, как вдруг в ночной тишине раздался резкий звон колокола, чтобы поднять людей. Все быстро зашевелились, задвигались. В нашей роте образовалась полная свалка людей. Вечером все валяные сапоги, штаны и бушлаты были отданы дневальному, который на ночь относил их в сушилку и складывал в кучу.

Проснувшиеся люди бросились к этой груде, чтобы найти свои вещи, и здесь вышло что-то неописуемое. Некоторые по ошибке брали чужие вещи, кто-то остался без сапог, кто-то стоял без штанов, люди ругались на чём свет стоит, требуя возвратить вещи. Бедный дневальный ничего не мог сделать. Он усмирял их, но шум поднимался всё более и более. С нашей одеждой было всё благополучно, потому что вечером мы предусмотрительно сделали на своей одежде дощатые этикетки, на которых были написаны фамилии каждого из нас.

Вызвали дежурного по лагерю, который тоже не мог разобраться и просил как-то обойтись до вечера. Одевшись, каждый торопился принести завтрак и кипяток. У кухни образовалась большая очередь людей, стоящих на морозе, чтобы получить суп или кашу. С пищей также не всегда было благополучно; люди быстро бегали взад и вперед, толкали друг друга и разливали из котелков и без того небольшую порцию супа. Находившиеся на верхних нарах причиняли много неудобств тем, которые были на нижних нарах: одни по неосторожности, а другие и нарочно выливали свой суп или кипяток вниз на людей. После таких случаев люди выливали на своих обидчиков потоки грязных слов, а иногда и кидались друг на друга, как разъяренные звери, готовые растерзать своего противника. Атмосфера помещения роты всегда была отравлена обилием скверных слов. С измученным и озлобленным сердцем бедные рабы начинали свой новый рабочий день.

Нам было понятно, что мы находимся там, где престол сатаны. Мы видели, как люди сбрасывали свои ложные маски благочестия и превращались в диких зверей. Сатана брал их в свои руки и творил через них свою волю. Никогда я так глубоко не был проникнут той возрождающей и спасающей силой моего Господа, как там, среди невыразимого хаоса страданий, слёз и обид. Я более, чем когда-либо, понял, что значит быть новым творением, рожденным от Бога. Христос хранил моё сердце в мире.

Не скрою, сатана очень часто и меня приводил в уныние и скорбь, но мой Господь давал Свой удивительный мир в душе, и люди удивлялись, что мы, братья, не выходим из себя и всегда спокойны.

Потом десятники узнали, что мы верующие, и когда кто-либо приходил посмотреть нашу работу или для приема работы, они стеснялись ругаться в нашем присутствии, и иногда даже прекращали неприличные разговоры. Дух Христа одним нашим присутствием, без слов, заставлял замолчать нечестивые уста.

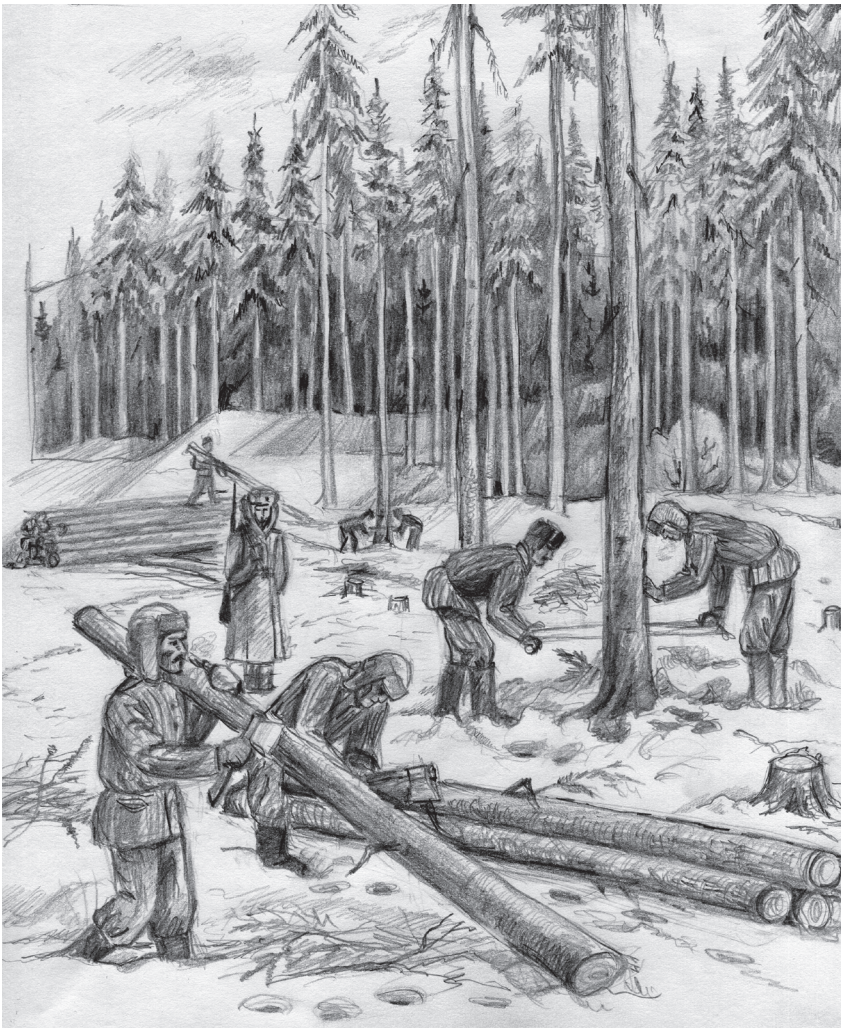
Работа в лесу

Однажды рукраб Некрасов стоял на плоту во время сплава и страшно ругал десятника. Я в это время работал на плоту, находясь позади его. Некрасов, оглянувшись и увидев меня, говорит: «Извините, я вас не видел, вы ведь не любите, когда кто ругается в вашем присутствии», и сам покраснел. Я никогда до этого не говорил с ним о вере, да и не имел с ним никаких разговоров. Не хочу сказать, что это было достигнуто нашей праведностью, или чем-либо другим, нет – я хочу указать, что живущий в нас Христос Сам действует на окружающих людей. Не один раз начальник лагеря, отъявленный безбожник, извинялся предо мною за ругань, которая была им произнесена в моём присутствии. Однажды десятник Соловьев, чтобы вечером принять от нас работу, отправил к нам своего помощника, наставляя его: «Ты смотри, не ругайся там у них, они этого не любят». Меня он не видел, а я стоял недалеко за кустами и слышал этот разговор. Позже десятники так доверяли нам, что когда мы приглашали кого-либо принять нашу работу, они только спрашивали, сколько каких бревен сделано, записывали и отпускали нас в лагерь, не проверяя на месте. Вот такое доверие – и в таком месте! Да, свет, зажженный Господом моём в сердце, не могла погасить окружающая тьма. Огонь Божий производит Своё удивительное действие очищения и освящения. Устоит в таком огне только дерево, посаженное Самим Богом. Для такой души все испытания приносят великую пользу.

Ночью мы хорошо отдохнули и, бодрые, опять вышли на работу. После поверки нас снова направили на прежний участок. Норма была прежней – двадцать пять бревен на три человека. Сегодня мы тоже устали от работы, но этот день показался нам легче вчерашнего. В лагерь мы пришли ещё засветло. На

третий день работы норму нам прибавили. Мы должны были подготовить тридцать бревен на троих.

Это было уже тяжелее, но Господь нам помог выполнить и этот урок. Мы заканчивали свою работу чуть ли не первыми, так как другие заключённые много времени проводили в курении табака. Через несколько дней нам прибавили ещё по пять бревен на пилу, но Господь нам дал силу, и мы снова выполнили свой урок.



Настал воскресный день. Все были рады, что получим отдых, но его нам не дали. В воскресенье, по обыкновению, всех подняли в три часа, сделали поверку и приказали идти работать в лес. Среди старых заключённых поднялся ропот, но дежурный с револьвером в руке прекратил все разговоры. Мы решили просить рукраба Некрасова, чтобы он освободил нас от работы в воскресные дни. Сначала он и слушать не хотел об этом, но когда мы обещали в течение трёх дней выполнить урок за воскресенье, он согласился оставить нас в лагере. Мы вышли из строя и пошли в роту. В роте, кроме дневального, никого не было. Было тихо и спокойно. Мы решили провести утреннее время в чтении Слова Божия и в молитве, и были очень благодарны Господу, что нас освободили от воскресной работы. Понимая, что будет очень тяжело нагонять тридцать пять бревен за три дня, мы верили, что Господь поможет нам. Мы читали Слово Божие, возносили свои горячие молитвы к Престолу Благодати и чувствовали присутствие Божие, веяние Святого Духа. В этот утренний час мы укрепились Господом и могуществом Его силы.

Только мы закончили молитву, как в роту вошёл дежурный и, указывая на нас, спросил дневального:

– Это что за люди? Почему они не на работе?

Дневальный ответил:

– Это штундисты, по своим религиозным убеждениям они не пошли сегодня на работу ради праздника воскресения. Некрасов их освободил.

– А что они тут делают в роте? – продолжал спрашивать дежурный.

– Да они сейчас читали Библию, молились и пели духовные гимны, – ответил дневальный.

Дежурный сердито посмотрел на нас и вышел из роты. Думая, что всё благополучно, мы продолжали беседу между собою. Наш дорогой брат Алексеев через день должен был нас оставить. По болезни его отправляли обратно в Кемь, и это была наша последняя с ним беседа.

Через несколько минут дежурный снова появился в роте и приказал сейчас же одеваться и идти на работу в лес. Мы спокойно начали объяснять, что нас освободил от работы рукраб Некрасов, и что мы обещали весь урок за этот день выполнить

в течение трёх дней. Но наши доводы и просьбы не помогли. Дежурный был неумолим и грозно закричал на нас:

– Без разговора, собирайтесь сейчас же на работу, иначе все пойдете в карцер. Остались разводить здесь свой дурман; это вам не дома, это – концлагерь, здесь мы выколотим из вас весь этот дурман!

Перестав возражать, мы начали одеваться, взяли в инструментальной топоры и пилу и отправились в лес. Нам дали одного конвоира с винтовкой, который шёл за нами. Начальник был чекистом-безбожником, из латышей. Он-то и приказал выгнать нас на работу.

Солнце было уже высоко. Мы не надеялись, что нам удастся закончить свой урок. С огорченной душой мы шли на место работы. Партии уже выполнили часть своего задания, а мы только начинали. С благословением Господним мы принялись валить лес. Я с братом Алексеевым пилили с корня, а два брата очищали от сучьев. Работа тяжелая. День был теплый. Работали мы дружно и честно. Брат Алексеев очень страдал астмой, а поэтому он часто останавливался, чтобы отдохнуть. Люди начали один за другим заканчивать своё задание и уходить в лагерь. Просчитав сваленные бревна, мы нашли, что можно полностью сдавать урок. Десятник Голубев нас похвалил, что хоть и начали мы поздно, но закончили вовремя. Господь помог нам. Слава и честь Ему, возлюбившему нас! С большим трудом мы добрались до лагеря.

Нам очень было жаль бедных беспомощных заключённых, но помочь им мы не могли. О Боге они не хотели слушать, говоря:

– Если Он есть, зачем допускает такую несправедливость? Почему Он не уничтожит наших врагов, которые мучают нас? Зачем Он смотрит и ничего не делает для нашего освобождения?

У людей было великое разочарование. Они не имели под собою твердого основания и совершенно упали духом. На их вопросы мы отвечали: «Сейчас мы пожинаем всё, что веками сеяли наши деды, отцы и мы сами. Все мы приветствовали идею коммунизма и советскую власть, предполагая, что с торжеством этих идей все возрадуются, освободившись от монархической власти. Мы сами дали власть тем, которые теперь

господствуют над нами самым бессовестным и нечестным образом. Вы поняли это только теперь, когда воображаемая вами свобода надела петлю на вашу шею и готова вас удушить. Вы жили в свободе и довольстве, но жили без Бога. Вы лицемерно служили Ему своими формальными безжизненными обрядами и строили политическое здание на песке. Неудивительно, что всё разрушилось, и сами вы оказались в безвыходном рабском положении. Посмотрите, друзья мои, как было воспитано наше общество. Кто здесь, в лагере, угнетает вас так жестоко, со зверской яростью? Кто душит друг друга? Кто с винтовкою в руках готов воткнуть в ваше сердце штык, чтобы прекратить вашу жизнь? Наши же братья, такие же несчастные невольники, как и все! Не нужно винить коммунистов или кого-то другого. Нужно смотреть глубже, и вы согласитесь, что мы пожинаем то, что сеяли сами».

Многие соглашались с нами, а некоторые говорили, что всему виною евреи: это они совершили большевистскую революцию и мстят русскому народу.

Урок нашей выработки со дня на день всё возрастал. От тридцати бревен мы перешли на тридцать пять, а затем – на сорок, сорок пять и пятьдесят. В течение двух недель наша норма увеличилась до шестидесяти бревен на троих. Но самым тяжелым и непосильным днём для нас всё же был первый день, потому что потом мы привыкали, постепенно втягивались в тяжелый труд, и с помощью нашего Господа всегда выполняли наше задание. В конце февраля нас поднимали на работу в два часа ночи, а ложились мы в десять и в одиннадцать часов ночи.

Однажды в два часа ночи нас разбудил колокол. Мы вскочили, как пожарные, быстро оделись, напились чаю и стали в строй для поверки. По дороге в лес я разговаривал с братом ... о нашем положении.

– Знаешь ли ..., что мне открылось сегодня утром, когда прозвучал колокол?

– Не знаю, – ответил он.

– Так, вот что: мы более ревностно работаем для диавола, чем для Господа.

– Почему ты так думаешь? – задал мне вопрос брат ...

– А вот почему, слушай: сегодня утром я подметил – как только ударил колокол, мы сейчас же все быстро вскочили,

оделись и безропотно, как по мановению жезла, были готовы опять приступить к работе, чтобы выполнить задание.

– Да, правда, – согласился ...

– Теперь вспомним то время, когда мы были на свободе и трудились на ниве Божией. Было ли в нашей жизни такое время, чтобы мы встали в два часа ночи на работу Божию? А ведь работы у нас было очень много! Задание было великое и славное, и как важно было бы добровольно встать и раньше двух часов. Дух Божий мне сегодня ясно указал мои прежние упущения в работе и моё рабское положение здесь. Если Господь выведет нас на свободу, нужно и временем дорожить, и все свободные минутки отдать для Его работы.

Брат ... вполне согласился со мною.

Через неделю нашу партию перевели на другой участок лесных разработок. Этот участок находился очень далеко от лагеря, километрах в двенадцати – мыс Белужий на северной стороне острова, чуть ли не на самом берегу.

Первый день работы на новом участке был ужасным днём. Километра четыре нужно было идти по снегу «след в след». Десятник проходил этот путь на лыжах, а за ним вереницей тянулись заключённые. Снег был по пояс, но, к нашему счастью, очень мягкий. По снегу мы шли, как по воде. Одежда и валенки были мокрыми. Когда мы добрались до участка, силы наши были израсходованы. Мы просили десятников убавить задание урока на этот день, но они только посмеивались. Когда мы начали работать, солнце было уже высоко. Отдыхать было опасно, потому что стоял сильный мороз, и как только кто-нибудь прекращал движение, он сейчас же начинал замерзать. Работать же без отдыха не было сил.

Стоя у одной сосны, мы пришли к заключению, что нам не выбраться отсюда живыми. Эти высокие скалы и холмы будут нашей могилой. Душу мою озарила светлая надежда вечной жизни в общении с моим Господом. Смерть не страшна, ведь после смерти я увижу Его лицом к лицу. Мне захотелось поскорее умереть. Я мысленно возносил своё сердце к Престолу Благодати и просил:

– Господи, нет больше сил всё это выносить, нет выхода. Слава нашему Агнцу, Который победил смерть и дал нам жизнь вечную!

Я ждал смерти, готов был оставить земное поприще, но мой Иисус дал мне возможность выйти из этого тяжкого положения.

Десятник перевёл нас на место, где был легкий сосновый лес. Сучьев на соснах почти не было. Лес был очень редкий, с помощью Иисуса мы вовремя закончили своё задание, и были отпущены в лагерь. Я ясно видел в этом руку помощи нашего Господа.

Брат Алексеев Григорий Иванович

Дней через шесть мы проводили нашего брата Алексеева. Нам жаль было расставаться с ним. Долгое время мы вместе работали на ниве Божией, вместе радовались и переносили все невзгоды. Нам хотелось и крест нашего страдания тоже нести вместе. Как мы были рады, когда в Кеми нас всех назначили на одну работу. Но Господь всё делает по Своей воле, и Ему угодно было взять его от нас и послать в другое место. Алексеев был пылким, ревностным и горячим служителем Евангелия. Его проповеди дышали жизнью, уверенностью и убежденностью. Обращен он был в городе Петрограде в Армии Спасения, где и начал своё служение для Царства Божия. В Армии Спасения он проявлял особую ревность к духовной работе и был уже в чине офицера.

Когда после революции Армия Спасения была аннулирована советским правительством, брат Алексеев пожелал работать в петроградской общине. Господь обильно благословлял брата в работе, и он имел успех. В 1922 году на Серпуховской улице было открыто новое отделение духовной работы, где он был назначен заведующим. В 1924 году военный трибунал приговорил его к двум годам тюремного заключения. Брат доблестно всё перенес и вышел на свободу. Случилось так, что военный трибунал вызвал его в качестве свидетеля, а во время суда отправил его на скамью подсудимых и признал виновным в нарушении конституции. Я лично присутствовал на этом суде и желаю поделиться своими воспоминаниями.

В отделении, где проповедовал Алексеев, собрания посещал один молодой человек, красноармеец. Слово Божие коснулось его души, и он решил служить Господу. После испытания

пред церковью он был признан верующим, возрожденным от Святого Духа, и допущен до крещения. Во время испытания в церкви новообращенному брату не задавали никаких вопросов относительно военной службы, предоставив ему самому решить этот вопрос. Будучи членом общины, брат красноармеец, читая Слово Божие, ясно уразумел и убедился, что верующему – не место в красной армии безбожников. Но он также видел, что всё начальство было настроено против религии и особенно против верующих. В армии над ним начали смеяться и всячески издеваться. Брат был малограмотным, но читать мог.

И однажды он заявил своему начальнику, что по своим религиозным убеждениям он отказывается от военной службы. Начальство принимало различные меры, но брат был непобедим. Его отдали под суд военного трибунала. Во время следствия брат сидел в тюрьме. Но начальству недостаточно было осудить одного человека, оно хотело привлечь и тех, кто на него так повлиял. Во время допроса следователь многое узнал от него. Брат был простым, неопытным, прямым и, не подозревая их злых умыслов, рассказал всё подробно. Брат не сваливал вину на Алексеева, а утверждал, что, читая Евангелие, сам убедился в невозможности для себя воинской службы – без всякого влияния со стороны. Действительно, оно так и было. Следователь узнал, что он член общины штундистов, и уверовал, уже будучи в красной армии. Он узнал, что этот человек посещает собрания, где проповедует Алексеев. К тому же брат проговорился, что однажды он ночевал на квартире у проповедника Алексеева и т.д.

Следователь всё это подробно записал, и возбудил против молодого верующего большое дело. На суде по этому делу присутствовали многие из членов церкви. Алексеев был вызван туда в качестве свидетеля, но как только суд начался, брата Алексеева посадили на скамью подсудимых и приговорили к двум годам тюрьмы за совращение красноармейца в свою секту. Перед тем как вынести брату приговор, ему разрешено было сказать речь в свою защиту. Брат Алексеев говорил речь с полчаса. На основании гражданских законов страны он доказывал, что не виновен в том, в чём его обвиняют. Речь его была очень серьезной. Брат знал не только Евангелие, но и все изданные декреты. Все думали, что брат будет оправдан, но суд

вынес ему приговор – два года, а красноармейца приговорили к полутора годам тюремного заключения. Брат спокойно выслушал свой приговор и отбыл срок заключения. На воле у него остались жена и несколько детей. В 1927 году он вместе с нами был опять приговорён к трем годам Соловецкого концлагеря. С Мяг-острова брата направили в Кемь, а весной его перевели на Соловецкий остров. Господь сохранил его, и он выжил в эти три года, но после был сослан на три года на Урал.

Шаг от смерти

К работе мы постепенно привыкали. От родственников и от членов церкви мы получали очень мало материальной помощи, но Господь был с нами и укреплял нас. Скудная пища, которую мы получали, удовлетворяла нас. Однажды утром мы вышли на работу в лес. Я с братом ... пилили с корня. Поработав до обеда, я почувствовал сильную боль в спине и попросил брата ... заменить меня. Работа по обрубке сучьев была тоже не из легких. На каждый сук нужно было взмахнуть топором и отрубить сучок так, чтобы десятник не забраковал нашу работу. Мои братья спилили одну ель, а она у них не упала, куда было нужно, но повисла на другой ели. Так бывало часто, но на это никогда не обращали внимания. Чтобы повалить ель, нужно было спилить и то дерево, на котором она висела. Я работал недалеко от того места, где на дереве висела спиленная ель. Братья начали пилить с корня другое дерево – они должны были упасть оба вместе в противоположную от меня сторону.

При начале пилки кто-то предупредил меня быть осторожным. Когда ель была спилена, то пошла не туда, куда хотели братья, а начала падать в мою сторону. Братья думали, что меня там нет, и спокойно смотрели, как две ели вихрем падали на землю. Я же, подняв голову, увидел, что ели падают на меня, но они были уже так близко, что о побеге нечего было и думать. У меня промелькнула мысль: значит, пришла моя смерть, ещё момент – и я буду убит. Страха в душе не было. Я был в каком-то безразличном состоянии. Братья от испуга не проронили ни слова. Деревья упали на меня. Я почувствовал, как первые сучья хлестнули меня по голове, и под их давлением я погрузился в снег и в глубокий обморок.

Скоро ко мне вернулось сознание, и я очнулся. Правое ухо горело как в огне. Я потрогал его, думая, что оно оторвано. Но нет, оно было только помято и горело потому, что по нему сильно ударил один сук, отчего я и потерял сознание. Открыв глаза, я увидел себя смятым в снегу. Рядом со мною лежало дерево, но оно не коснулось меня. Крупные сучья тоже меня не зацепили, а мелкие только поцарапали лицо. Немного подняв голову, я свободно встал на ноги. Всё было тихо. Одно бревно лежало от меня по одну сторону, а другое – по другую. Братья, услышав треск сучьев в том месте, где я находился, закричали:

– Брат Алексей, ты жив?

– Да, я жив, – ответил им.

Они подбежали ко мне и увидели жуткую и радостную картину. Смерть была неминуема, но великий Бог сохранил меня. Выбравшись живым из могилы, я благодарил своего Господа. Душа наполнилась каким-то особенным торжественным благоговением и любовью к Тому, Кто, как дивный Пастырь, следит за мною и хранит всех мощной рукою. О своём дивном спасении я написал своему семейству. Все были рады и благодарны Господу. Я вспомнил слова Давида в 138-м псалме: «В Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные».

Болезнь брата ...

Лесная работа была не по нашим физическим силам. Свалить дерево с корня не представляло большого труда, но вся тяжесть работы заключалась в том, чтобы сваленные бревна стаскивать в одну или две кучи. Некоторые бревна были очень толстыми, их нужно было тащить на себе по глубокому снегу на порядочное расстояние. Приходилось поднимать через силу, и брат ..., поднимая тяжести, подорвал своё здоровье. Болезнь началась со спины. Брат с большим трудом добрался до лагеря. Фельдшер намазал ему спину йодом, но это не помогло. Наутро брат ... не мог двинуться с места. Его стоны раздавались на всю роту. В околоток[35] идти он не мог. Позвали фельдшера, который поставил градусник и, увидев нормальную температуру, больше не пожелал разговаривать с больным, заявляя, что это

35 Околоток – определенный район, участок.

симулянт (человек, который притворяется), и что нужно гнать его на работу. Я вступился за брата:

– Как вам не стыдно говорить такие вещи на человека, который не может тронуться с места! Какая может быть повышенная температура при надрыве спины?

Вступились и другие люди. От мирских людей полетели ругательства, и фельдшер поспешил скорее выбраться из помещения роты. Позвали дежурного по лагерю и рассказали ему о причине болезни; но и тот ответил, что, если фельдшер не освобождает, он лично освободить от работы не может, а начальника в два часа ночи беспокоить нельзя.

Брат ... заявил дежурному:

– Я пойти на работу не могу, что хотите, то и делайте со мною, хоть расстреливайте!

Мы ушли в лес, а брат остался один, без всякой помощи. Тот из заключённых, который чем-либо заболевал, не имея температуры в тридцать восемь градусов, оказывался в самом тяжелом положении. Ему не верили, с руганью гнали из околотка, и он вынужден был в любом состоянии идти на работу. Я видел много несчастных больных, которых не допускали даже до околотка; слышал душераздирающие стоны и мольбы о помощи, но никто не приходил к ним на помощь; знал многих фельдшеров и даже врачей, которые только и делали, что сухо и формально исполняли приказы начальства, а у советского начальства сострадания к человеку нет, это – люди с каменными сердцами и невероятно жестокими характерами. Ни один из заключённых не найдет доброго слова, чтобы помянуть представителей медицины, обслуживающих многомиллионную каторгу Соловков. По нравственному уровню соловецкие врачи – не выше каторжных надзирателей и десятников. При медицинских осмотрах, едва только взглянув на слабосильного заключённого, такой врач кричал:

– Ну, что там! Голова на плечах есть; руки есть – можешь работать!

В одном месте было сто человек цинготных больных, а в течение короткого времени осталось только пять. Это правда, что и самый лучший врач не может принести пользы больным при отсутствии здоровой пищи, белья, одежды и медикаментов, а Соловецкая каторга оказывает на врачей ещё и громад-

ное разлагающее влияние: люди каждый день вешаются, топятся, гибнут от пуль надзора, сами себе рубят топором руки и ноги. В такой обстановке у врача теряется обычное представление о больном, о страждущем, и даже о страдании. Какая гуманность может сохраниться в душе врача, если он каждый день видит, как старых, страдающих отдышкой заключённых, запрягают как лошадей в сани, и возят на них воду из дальних колодцев? Тут врачу остается одно из двух: или покориться начальству, чтобы самому не отправиться на каторжные работы, или встать на защиту попранных прав человека и быть готовым ко всем страданиям и лишениям. Конечно, большинство избирает первое и убивает в своём сердце всё гуманное.

Когда вечером мы пришли с работы в лагерь, то узнали, что брат ... серьезно заболел и лежит в околотке. Мы посетили его, побеседовали с ним и ободрили надеждою на Бога. Находясь в покое, брат начал быстро поправляться, через пять дней его выписали и, освободив ещё на один день от работы, назначили ему на первую неделю выполнять половину урока. Но когда десятник пришёл принимать нашу работу, он нам приказал свалить ещё шесть бревен. В Соловецких лагерях существует своя математика. Половина урока – не есть половина задания на каждого заключённого: норма на человека – двадцать бревен, половина, следовательно – десять, а они считают шестнадцать или восемнадцать бревен. Я долго доказывал десятнику, что он не прав, но убедить его так и не удалось. Брат ... пробовал говорить с рукрабом и с начальником о неправильных подсчетах десятника, но на их стороне была сила, и «соловецкая математика» торжествовала.

Бунт в лагере

Заключённые привыкают ко всему. Защиты у них нет, они вне закона. Поэтому они покорно переносят и непосильный урок, и скверную пищу и жилье, и зверское обращение начальника и т.д., но всё же бывают дни, когда терпение у них истощается, и они готовы даже на смерть, протестуя против невыносимых условий режима.

На основании общих законов Соловецкой каторги заключённые в воскресенье имели день отдыха. Проработав шесть

дней, лесорубы ожидали воскресного дня, чтобы отдохнуть, починить своё бельё и одежду.

Пришло воскресенье, но нас снова погнали на работу в лес. Все были возмущены, но покорились. Старший десятник сообщил на поверке, что сегодня нужно «сделать ударник[36]», потому что задание на заготовку большое, а времени для работы остается мало. На воскресенье назначали только половину урока, а на этот ударный день вместо десяти назначили шестнадцать бревен. Работать без воскресного отдыха всю следующую неделю было уже гораздо тяжелее. Многие не могли выполнить дневного задания, и в наказание за невыполнение урочной работы оставались в лесу на ночь. Рабочие с нетерпением ожидали отдыха на следующее воскресенье. Но утром, в воскресенье, хотя и немного позднее, чем обыкновенно, снова раздался звон колокола. Все вскочили, оделись, получили суп и кипяток, чувствуя, что опять погонят на работу. После поверки старший десятник опять объявил заключённым об «ударнике» ввиду спешной работы.

Среди заключённых поднялась буря негодования. Громко ругали и рукраба, и десятника, и всех, но дежурный с револьвером прекратил этот ропот, и все направились в лес. Две недели без отдыха… Силы совсем истощились, а задание нужно было выполнять полностью. В лесу раздавались угрозы и проклятья, но надзор с винтовками только посмеивался. С большим трудом закончили и вторую неделю.

Десятники обещали, что уж в это воскресенье будет отдых, поэтому все были спокойны. Но, когда настало третье воскресенье, снова раздался ранний звон колокола, призывая заключённых готовиться к работе. Все были крайне озлоблены тем, что их лишают законного отдыха. На поверке опять сообщили об «ударнике» и отправили людей в лес. Многие рабочие, придя из леса, пошли к начальнику лагеря, жалуясь на рукраба, который замучил людей работой без отдыха: три воскресенья – «ударники»!.. После некоторых рассуждений начальник дал слово, что на следующее воскресенье он даст распоряжение об отдыхе. Начальник с рукрабом жили в то время не в дружбе,

36 «Ударник», ударный труд – Передовой, отличающийся высокой производительностью труда.

поэтому вопреки распоряжениям рукраба, начальник легко давал свои обещания.

Рабочие были успокоены и без отдыха покорно работали всю неделю. Все были уверены, что начальник сдержит своё слово. Рано утром, в четвёртое воскресенье, часа в три, опять раздался зловещий колокол. Все крайне были удивлены и решили не пойти в лес на работу. Некоторые кричали:

– Пусть красные палачи расстреливают нас, пусть делают, что хотят, но мы не пойдем! Товарищи, никто не ходите! – раздавались голоса со всех сторон.

Вышли на поверку. Десятник объявляет:

– Сегодня, хлопцы, опять «ударник», нужно торопиться с заготовкой! Скоро весна – вот тогда будем отдыхать.

Из строя на десятника и рукраба посыпались оскорбления, и заключённые громогласно заявили:

– На работу мы не пойдем! Нам начальник лагеря дал слово, что в это воскресенье даст отдых! Давайте нам начальника, мы будем говорить с ним!

Ситуация принимала острый оборот, и все чувствовали, что последствия будут плачевными. Дежурный из евреев бегал по двору с револьвером в руках, угрожая расстрелять всех, кто откажется идти в лес. Ему возражали:

– Какая нам разница, или ты сейчас расстреляешь, или мы сами издохнем от непосильной работы! Лучше расстреливайте нас сейчас, но на работу мы не пойдем!

Это кричали старые рабочие, которые уже по нескольку лет работали в этом лагере. Наша вновь прибывшая партия молчала. Дежурный вызвал с десяток надзирателей с винтовками, которые выстроились против лесорубов. Разбудили рукраба Некрасова, который и слушать не хотел об отдыхе. Он делал так нарочно, так как узнал, что начальник рабочим слово дал, а ему ничего не сказал. Некоторым рабочим попало от дежурного рукояткой револьвера, но положение не изменилось. Угрозы дежурного и надзора с винтовками не устрашили измученных людей, которые говорили «Всё равно – смерть!»

Наконец, дежурный начал спрашивать каждого из заключённых отдельно: «Пойдешь на работу?» Из старых рабочих все, как один, на работу идти отказались. Дежурный подошёл к нашей вновь прибывшей партии и тоже начал спрашивать.

Первый в строю, испугавшись последствий, согласился пойти на работу, за ним – другой, третий, и так почти все... Нашей партии принесли пилы, топоры, и мы ожидали дальнейших распоряжений. Отказавшимся тоже скомандовали «Шагом марш!» и надзор погнал их по дороге в лес. Мы предполагали, что если они пошли в лес, следовательно, будут и работать.

Нашу партию с надзором направили на другой участок. Когда мы по окончании работ вернулись в лагерь, все старые рабочие были в бараках и смеялись над нами, что мы струсили. С ними произошла следующая история: когда они отошли на километр от лагеря, надзор приказал взять в руки инструмент, но они отказались. Партию остановили на дороге и приказали построиться в ряд. Надзор вскинул винтовки наизготовку и приказал всем раздеться. Многие предполагали, что их сейчас же расстреляют, покорно сняли с себя всё – до нагого тела, и стояли в строю, дрожа от холода. Им снова было приказано идти на работу, но они категорически отказались. Видя, что никакие угрозы не помогают, скомандовали «Пли!» Раздался выстрел, но все оказались живы. Выстрел был дан поверх голов, только чтобы напугать. Некоторые от испуга попадали, но опять встали. Надзор держал винтовки наготове, чтобы дать ещё выстрел, но старший из надзора, убедившись, что ничего не помогает, подержал их нагими ещё минут десять, а затем приказал одеваться и идти обратно в лагерь. Вышел начальник, который тоже набросился на рабочих, сказав:

– Если бы я не обещал дать вам отдых, сегодня вы все были бы расстреляны. Ступайте по ротам!

Ночью у костра

В Соловецких лагерях существуют строгие законы для наказания тех, кто не выполняет дневного задания. Если кто-то не выполнял урок в первый день, десятник отпускал его в лагерь, но после всех, с условием, что завтра он должен будет добавить к дневному уроку то число бревен, которое не выполнил сегодня. Если же он и второй раз не выполнял задание, его на всю ночь заключали в особый карцер, а в третий раз – оставляли на всю ночь в лесу, не давая спать. Назначается особый надзор. С вечера дают пилу и топор и приказывают напилить

известную норму сухого леса для костра, чтобы дров было достаточно на всю ночь. Затем разводят большой огонь, надзор устраивает из еловых сучьев сиденье для себя, а заключённых отводят от костра на двадцать шагов в сторону и командуют: «Смирно!» Несчастные должны в таком положении простоять на холоде всю ночь. Иногда попадаются сочувствующие из надзора, которые позволяют ненадолго подойти по очереди к костру и погреться.

Меня Господь хранил от такого наказания, но я видел, как другие стояли и отмораживали ноги, руки, уши, носы, а иногда и совсем замерзали. Заключённые старались отдать все свои физические силы, чтобы только не оставаться на ночь у костра, но были и слабосильные, которые при всём своём желании не могли выполнить урок. Простояв ночь у костра, на второй день они никогда не могли выполнить норму, и десятники оставляли их ещё на ночь. Совершенно обессиленные, они не могли выполнить даже и четверти нормы, а ходили вокруг дерева и спали. Это были не люди, а какие-то тени. Иногда они простаивали целые недели, с понедельника до субботы, а когда их приводили в лагерь, ещё и заключали в карцер.

Многих гоняли ещё прокладывать дороги. Ставили по шесть человек в ряд и гнали по нетронутому глубокому снегу утаптывать его. Кусты и деревья, попадающиеся на пути, срубали и, таким образом, готовили дорогу для вывозки бревен. Эти знаменитые дороги обильно политы кровью, потом и слезами.

Однажды к костру подошёл молодой заключённый. Он еле передвигал ноги. Вид его говорил, что он болен и нуждается в отдыхе и пище. Он просил конвоира отпустить его в лагерь, так как чувствовал себя совершенно больным. Конвоир накричал на него, но не отпустил и пригрозил ещё посадить в холодный карцер. В душе заключённого горела жажда жизни. Там, далеко на родине, остались жена, детки и другие родственники, которые ждали его. Он всеми силами старался выполнять норму, но его организм изо дня в день истощался, силы слабели, и работать, как другие, он не мог. Помощи из дома от своего семейства он не получал, потому что они были очень бедны, а без поддержки деньгами или продуктами в лагере долго существовать нельзя.

Когда конвой отказал ему, он опустился на снег у костра и попросил разрешения погреться. Конвой с диким смехом и руганью отказал ему. Измученный страдалец пошатнулся и упал в снег. Один из конвоиров подошёл к нему и толкнул ногою в бок, но он ничего не ответил.

– Эй! Ты, лентяй, симулянт! – закричал конвоир и схватил его за руки, чтобы оттащить от костра, но руки уже были холодными. Несчастный был мертв. Закончилось его незаслуженное страдание, и он ушёл на вечный покой, где нет насилия. На его лице отпечатались страдания души и тоска сердца. Его дети напрасно будут ждать своего отца – он никогда не вернётся, чтобы обрадовать их. Молодая жизнь была насильственно прервана во имя безумных идей «человека греха и беззакония».

Таких случаев, которые потрясли всё моё существо, много в моей памяти. Я проливал слёзы, но не мог ничем помочь. В лагерях – как на островах, так и на берегу – человеческая жизнь не имеет цены. Человек-зверь с наклонностями садиста здесь пользуется беспредельной властью.

Сверхсрочные

Человек, получивший приговор в Соловецкий лагерь на три года, пять или десять лет, может свободно вернуться и начать мирную жизнь. Но многие после окончания срока получают добавочные годы: или по постановлению Москвы, или уже в лагере на них открывают дело и приговаривают своим судом. В большинстве случаев коллегия ГПУ после окончания Соловецкой каторги постановляет выслать человека ещё на несколько лет в Северный край или ещё куда-либо.

В 1930 году, или в конце 1929 года, был издан закон, чтобы заключённые не оставались ни одного дня сверх срока. Конечно, это было сделано только на бумаге, фактически и после изданного декрета заключённых задерживали столько, сколько находили нужным. Пишущий эти строки должен был освободиться из Соловецких лагерей 21 марта 1930 года, но выпустили меня только 2 октября, и не на свободу, а в Северный край, в ссылку на три года. Защиты искать было негде. Прокуроры тоже были чекистами, рука об руку работающими с органами ГПУ. Это – бесконтрольный орган, и горе тому, кто поднимет

против него голос. Пред всемогущим ГПУ дрожали за свою судьбу все партийные «сановники». Это был удивительно спаянный орган. Там не было разногласий, им руководила сильная рука, которую никто не знал, но все чувствовали. Воля этой руки была беспрекословной. Нужно создать дутый процесс, и он создается – громадный, шумный, с массой бумажного материала и ложных свидетелей. История ещё запишет страшную работу этой дьявольской организации, и когда-нибудь пред миром появится правдивая картина всех ужасов, пыток и расстрелов в подвалах ГПУ. Пред ней побледнеют все прежние кровавые картины застенков.

Однажды на Мяг-острове два человека на поверке отказались идти на работу и заявили дежурному, что срок их заключения закончился. Сначала дежурный уговаривал их не искать на свою голову недоразумений и неприятностей, а спокойно идти на работу. Но закончившие срок смело заявили: «Мы отбыли наше наказание, т.к. приговорены были на три года, и дальше работать у вас мы не намерены». Дежурный, видя, что уговоры не помогают, начал на них кричать и угрожать карцером. Когда все рабочие ушли на работу, начальник приказал запрячь лошадь, связать непокорных и отвезти их в лес на работу. В лесу они целый день не работали, урока не выполнили, но вечером десятник всё же отпустил их в лагерь. На другой день они опять отказались и не пошли в лес. После ухода рабочих их привязали за ноги к дровням и потащили на работу. Вся одежда у них была разорвана, головы и тела – в крови, а сами они были чуть живыми. Несчастные дали обещание повиноваться и покорно работали ещё очень долгое время.

Аналогичный случай произошёл весной. Заключённый, закончивший свой срок, заявил надзору, что работать он больше не будет. После уговоров ему приказали снять с себя всё обмундирование, пойти на отлив и стать на большой камень. Во время отлива на этот камень можно попасть посуху, но когда был прилив, его заливало водою, и незатопленной оставалась только самая верхушка. Всё это происходило на моих глазах; мы тогда работали на берегу. Человек этот выстоял шесть часов прилива и отлива. Был сильный ветер, тело его сделалось багровым, но, стоя на камне, он пел песни и плясал, чтобы согреться.

После такой пытки непокорного заключили в холодный карцер. На другой день рабочие уговорили упрямца снова начать работать и спокойно ожидать дня своего освобождения. Но, проработав несколько недель, он опять отказался от работы.

В то время было уже много комаров, которые не давали покоя рабочим. Отказавшегося рабочего поставили голым на верх штабеля, где на него тучею набросились комары и начали его пожирать. Борьба с ними не помогала. Он весь был в крови и измучен. После пытки он всё-таки вышел на работу.

В летнее время за невыполнение задания самым распространенным наказанием было «ставить без рубашки на комары». Это – воспитательные методы ГПУ, и всякий заключённый напрягает все свои силы и энергию, чтобы только «не попасть на камень и на комары».

Некрасов Михаил Петрович

Михаила Петровича Некрасова, уроженца Тверской губернии, ещё маленьким привезли в Сибирь, где он и воспитывался. Потом он был офицером старой армии, что и послужило поводом для отправки его в Соловецкий концлагерь на три года. В лагере он был рукрабом, т.е. руководителем работ по лесным заготовкам. Некрасов был вспыльчивым, грубым, жестоким, и к тому же – горьким пьяницей. Когда срок его заключения закончился, ему добавили ещё три года ссылки в Соловецкий край, но он остался отбывать срок ссылки в Соловецком концлагере, как вольнонаемный, и получал большое ежемесячное содержание. Некрасов сам прошёл всю тяжесть принудительных работ. Сам ругал и проклинал режим Соловецкой каторги, но, сделавшись начальником и распорядителем вверенных ему заключённых, он стал ужасным тираном для своих бедных собратьев по заключению. Сотни заключённых на всю жизнь стали калеками, а многие тысячи ушли в вечность вследствие его ревности к перевыполнению плана лесозаготовок.

В лагере у него каждый год было перевыполнение на несколько сотен кубов, за что он в конце сплава получал премии, которые пропивал за несколько дней. Некрасов был карье-

ристом и не считался ни с чем. Задания в двадцать бревен на человека были его личной инициативой. Закончивших срок заключения и не имеющих во что одеться, он чуть не голыми отправлял из лагеря. Приказывал фельдшеру не освобождать заключённых по болезни, а гнать их на работу, а между тем считал, что верит в Бога, и принадлежал к православной церкви. Некрасов, хотя и противился нашим чистым евангельским убеждениям, питал к нам полное доверие. Он, очевидно, знал, что нам нельзя обманывать, делать неправду и красть, а поэтому спустя три или четыре месяца мы, все верующие, были освобождены от общих работ, и нам доверили ответственную хозяйственную работу. В нашем распоряжении были склады: продуктовый, материальный и даже лагерный ларек. Одно время в моём кармане находились ключи от всех складов и ларьков. Исполнялось слово Апостола Павла: «Мы – неизвестны, но нас узнают»[37].

Некрасова я привёл как пример верующего безбожника. К нему очень подходит текст Псалма 13:1 – «Сказал безумец в сердце своём: нет Бога». Своим языком он верил в Бога, но делами поносил Его. И таких примеров – бесконечное множество.

Примечание

В журнале «Свет к просвещению» в №№ 11-12 за 1938 год стояла надпись: «(Продолжение следует)»*. Однако номеров за 1939 год найти не удалось, предположительно выпуск журнала был прекращен из-за политической напряженности и войны в Польше в 1939 году. В журнале «Сеятель истины» за октябрь 1932 года на стр. 12 есть продолжение рассказа А.П. Петрова уже о периоде ссылки на лесопункте Карас в районе ж.д. станции «Тундра» в 50 км от Архангельска. (Составитель – И.Ш.)*

Бог спас меня от смерти на озере Карас

В первых числах октября 1930 года закончился срок моего заключения в Соловецком концлагере, и я был приговорён ещё к трем годам ссылки в Северный край Архангельской губернии. Когда после мучительного карантина в городе Кеми

37 Библия. 2-е Послание к Коринфянам 6:9.

нас, восемь человек ссыльных, выпустили за ворота Кемского пересыльного пункта, все мы почувствовали себя более свободными, хотя с нами был конвой из трех человек. Православные ссыльные снимали свои шапки и крестились. Нас, верующих в Бога по Евангелию, было в этой партии только трое, и мы тоже снимали свои шапки и в душе благодарили Господа, что Он в целости сохранил нас во дни нашего страдания...

Посадили нас на пароход, шедший в Архангельск. Мы с радостным настроением плыли по Белому морю. На пароходе мы чувствовали себя совершенно свободными, потому что конвой, казалось, за нами и не следил. Проезжая по Северной Двине до Архангельска, мы видели по берегам свободных людей, которые занимались своими делами, и думали, что тоже скоро будем на свободе, будем жить в человеческих условиях, хотя и в ссылке, но наши надежды не оправдалась. Когда мы приехали в Архангельск, конвой передал нас уполномоченному ГПУ, а те продали нас как рабов на лесозаготовки в управление «Северолес», которое делало заготовку всего экспорта, что вывозился за границу. Наши протесты не помогли, и мы со скорбью в душе должны были подчиниться этой грубой силе.

На основании закона мы, ссыльные, могли по нашему усмотрению и нашей специальности избирать себе работы в указанном властью районе, но мы были лишены этой свободы. Да в СССР и вообще нет свободных людей, там все люди – рабы, и живут они не по своей воле. Вместо того, чтобы использовать меня по моей специальности, т.к. я токарь точных работ, они послали меня на самые тяжелые работы – добычу леса.

На ночь нас, человек двадцать, загнали в какой-то грязный барак на Петроградском проспекте; это помещение было до того грязным и тесным, с массою всевозможных насекомых, что вы и представить себе не можете. Через день нас посадили на поезд и отправили на станцию «Тундра», в пятидесяти километрах от Архангельска, выдав нам из кооператива по фунту с четвертью хлеба и по одной маленькой селедке на день.

Со станции «Тундра» нас пешком повели по болоту на лесной пункт «Карас» – это километров семнадцать от станции. С раннего утра и до позднего вечера мы должны были пройти эти семнадцать километров и достичь пункта лесозаготовок. Дорога была очень тяжелая, многие из нас по нескольку раз сва-

ливались с бревен, по которым нам пришлось пробираться по болоту, и падали в воду. Все были мокрыми, промёрзли, так как утром выпал снег и ударил мороз. Наконец, мы добрались до назначенного пункта. Нас поместили в бараке. Условия ссылки показались нам тяжелее условий в концлагере в Соловках. Нас ежедневно гоняли на работу, мы должны были ежедневно выполнять непосильный урок – за весьма мизерный паек хлеба. Со всего заработка ещё удерживалось двадцать пять процентов как с лишенцев. Деньги почти не платили, кроме аванса, чтобы заплатить за продукты.

На больных не обращали внимания, они должны были, как все, выполнять назначенный урок по заготовке леса. Как сейчас помню, как комендант рукояткой револьвера избил двух старцев, священников православной церкви, за то, что они по болезни остались в бараке и не пошли на работу.

Одежда у всех нас была очень ветхой. Наступила холодная северная зима. В пункте Карас был кооператив, в котором, кроме пайка, ссыльные не могли ничего купить, потому что продавали там только свободным людям, а не ссыльным.

Вот мой паек продуктов: два с половиной фунта пшённой крупы, три фунта селедок или какой-либо мелкой солёной рыбы, двадцать пять граммов чая, фунт с четвертью сахара, очень редко выдавали двадцать пять фунтов мороженой картошки. Все эти продукты выдавались на месяц. Хлеба получали согласно выработке – от четверти фунта до фунта с четвертью в день.

Да, мы ежедневно получали скудный продуктовый паек, но что касается одежды, обуви и белья – на это мы не имели права. А работу мы должны были выполнять наравне со всеми свободными людьми, которых там было очень мало.

Из концлагеря я привез с собой одну пару валенок (теплых сапог) и работал в них. Но я так их проносил, что больше ходить в них было невозможно. Я попросил заведующего пунктом, чтобы мне разрешили купить валенки или стельки для подшивки, но он мне отказал, заявив, что на это я не имею права. Я просил у десятников, но те, конечно, только посмеялись надо мной. Пошёл к заведующему кооперативом, но он тоже отказал. Поехать в город, чтобы купить обувь на базаре, меня не отпускали. Нужно было идти работать, иначе не дадут пайка, а вдобавок ещё

комендант мог избить рукояткой револьвера. Я решил вечером пойти в лес на своё постоянное место, куда я ходил для молитвенного общения с Отцом моим Небесным. Придя туда, я склонил своё сердце пред моим Богом и сказал Ему о своей нужде. Когда я вернулся в барак, один брат сказал мне:

– Я за пять рублей купил для тебя старый валенок – для подшивки твоих валенок.

Бог услышал мою молитву! Я сердечно благодарил своего Отца за Его заботу о моей жизни.

Несмотря на тяжелые условия, Господь нас ободрял и поддерживал духовно и телесно. Хотя нас преследовали, но мы старались свидетельствовать о Христе окружающим.

В начале ноября, закончив дневную работу, мы на ночь шли в пункт, где находились наши бараки. Нам нужно было проходить через озеро, которое было покрыто тонким льдом. Можно было и обойти его, но мы решили идти по льду. Озеро было довольно глубоким, в некоторых местах оно доходило до шестидесяти саженей[38] глубины. Нас было только двое, мы спустились на лёд… Лёд хотя и трещал, но идти можно было, и я пошёл впереди, а мой товарищ, с которым я работал, шёл позади меня на порядочном расстоянии; на плече я нёс свой топор, веревку и длинную тонкую палку (мерку для брёвен). Мы благополучно миновали середину озера и уже стали подходить к берегу. До берега оставалось саженей пятьдесят. Ближе к берегу я почувствовал, что лёд под ногами стал быстро опускаться, и решил бежать по льду, чтобы скорее достичь берега, но не успел сделать и нескольких шагов, как лёд проломился, и я погрузился в воду. Я начал сильно барахтаться в воде, стараясь вскарабкаться на лёд, но лёд подо мной ломался… Топор мой пошёл ко дну, веревка – тоже, на льду лежала только тонкая палка, но она была отброшена далеко от меня.

Мой товарищ, идущий позади меня, увидев, что я тону, и опасаясь за свою жизнь, бросился бежать в противоположную сторону, боясь, что тоже провалится.

Сапоги мои наполнились водой, ватный пиджак и одежда промокли, и всё это ещё больше тянуло меня ко дну. Сколько я ни старался выбраться на лёд, всё было напрасно. Звать на по-

38 Сажень – мера длины, равная 2,16 метрам.

мощь было бесполезно, вокруг никого из людей не было, силы мои стали ослабевать, и я начал тонуть. Место, где проломился лёд, было очень глубоким. Страха смерти у меня не было, я знал, что смерть побеждена моим Господом, и верою в Него я имел жизнь вечную, но всё-таки у меня было желание ещё жить и работать для Господа. С этим сознанием я громко закричал: «Господи! Спаси меня, ибо я погибаю!» И Господь сейчас же, в ответ на мою молитву, совершил чудо для моего спасения.

Палка, которая была отброшена далеко от меня, оказалась рядом со мною; я вытащил руку из воды и уцепился за неё. Я

почти весь ушёл под воду, над водой осталась только моя голова. Господь помог мне немного приподняться из воды. Руками я уперся на палку и вижу, что лёд не опускается… Я начал постепенно выбираться на лёд. Действительно, Господь совершил чудо – когда я вылез на лёд, то он уже не опускался подо мной, хотя был очень тонким. Выбравшись на лёд, я, прежде всего, возблагодарил моего Спасителя Христа за Его явное спасение, а затем тихонько дополз до берега, и через несколько минут был уже в бараке. Все мои друзья и братья по вере радовались вместе со мною о моём спасении.

Господь Тот же: вчера, сегодня и вовеки. Я описал всего одно из тысяч избавление Божие. Если Господу будет угодно, тогда я постараюсь описать ещё удивительный случай в моей жизни, где Господь видимо проявлял Свою защиту и помощь в моей жизни.

Petrow_kor.indd 200 10.09.2015 15:04:32

Христианские мученики в Советской России

А. Беломорский
Журнал «Верность» № 5-7, 1934, стр. 21

Думаем, что читатели будут потрясены этой статьёй. Такие показания, с протокольной точностью освещающие события в России, являются сильным историческим документом. Автор – один из почтенных деятелей баптистского движения; но этот материал он передаёт журналу «Верность» для опубликования как частное лицо, в данном случае официально не связанное ни с одной из организаций баптистов, и ни с какой другой организованной религиозной группой. «Верность» располагает и другими материалами, в которых темы, затрагиваемые автором, как-то: взаимоотношения, состояние и роль церквей – для баланса могли бы быть освещены несколько иначе, но мы с искренним удовольствием предоставляем автору возможность высказаться одному, в полной свободе, с позиции ближайшей ему религиозной группы, естественной для его точки зрения. Делая эту оговорку, мы горячо рекомендуем автора читателям, ибо знаем его как глубокого и ревностного христианина, как лицо, на сведения которого можно абсолютно положиться, чтобы составить себе подлинную картину происходящего в России. Несомненно, читатели оценят в статье спокойный тон, гарантирующий полную правдивость и беспристрастность, а также талант рассказчика, охватившего

Petrow_kor.indd 201 10.09.2015 15:05:15

в своих описаниях широкий горизонт, выпукло зарисовавшего отдельные, особо интересные моменты и давшего поучительные выводы.

Редакция журнала «Верность»

Личное свидетельство и упование

Постараюсь дать для «Верности» некоторые описания теперешней жизни России, нашей многострадальной родины.

Я буду описывать, главным образом, то, что пережил сам лично или чему был свидетелем. Бог ввёл меня в эту огненную печь, сохранил от палящего огня и благополучно вывел на свободу. Как бы ни старался я описать пережитое и виденное, чувствую, что не в состоянии найти такие слова и образы, которыми мог бы достаточно сильно запечатлеть на бумаге все пройденные испытания.

Да если бы даже и было описано исчерпывающе и потрясающе – читателю невозможно понять всего ужаса. Неизгладимую картину может оставить на всю жизнь только личный опыт.

Наша родина – в огне. Я верю, что Бог допустил это с определённой целью – очищения душ верующих. Такого же понятия держатся и все, гонимые за веру.

Пролитая кровь мучеников и горячие слёзы страдальцев в большевистское время оросили русскую землю для того, чтобы дать обильный плод духовной победы в недалёком будущем. Истина несёт на своих плечах тяжёлый крест; иногда под тяжестью креста истина ослабевает, но в итоге она всегда остаётся победительницей.

Истина достойно стоит во весь рост своего величия, и никакой тиран не выдержит её жгучего пламенного взгляда. Ныне в России исполняются слова Господа: «Врата ада не одолеют её»[39] (церкви).

Некий большевистский комиссар имел однажды откровенную беседу с одним из представителей нашего Братства. Дело было в Московском кремле. Комиссар говорил: «Гражданин N, если мы, большевики, не устоим у власти, – будущее в

39 Библия. Евангелие от Матфея 16:18.

ваших руках. Очистим вам дорогу. Мы многое разрушили, но таких людей веры, как вы, мы сломить не можем. Вы – люди с глубокими убеждениями. Вы готовы открыто стоять за свои взгляды, а таких людей мы ценим и уважаем. Но если мы окончательно победим, тогда посчитаемся и с вами».

Рим рассчитывал потопить в крови всех последователей Христа и тем самым покончить с христианством, но Рим сам пал к ногам Христа. Христос сказал: «Мужайтесь: Я победил мир»[40]. И я верю, что после бури для России наступят времена отрады. Мы, или дети наши, увидим Россию обновлённой, воскресшей, с изливающим свет Евангелием Христовым в руках. Такую уверенность имеют очень многие христиане в теперешней России.

Будем же молиться за Россию святой чистой молитвой. Пробьет час, и Бог скажет истребителям: довольно!

Количество и церковная принадлежность ссыльных верующих

В Советском Союзе преследуются все вероисповедания. Все терпят лишения и гонения за веру. Некоторые члены церквей и обществ, не имеющие живой веры и христианского одухотворения, пошли на сделки со своей совестью. Может быть, они в душе и веруют, и только для показа объявляют, что Бога нет… Ради желудка они заполняют все анкеты (опросные показания) в различных учреждениях, где работают и служат, заявляя себя атеистами (безбожниками). Некоторые, как известно, вступили в коммунистическую партию, чтобы только избежать гонений и иметь право на кусок хлеба. Были в ссылках и духовно мёртвые церковники разных исповеданий, которые несли наказание за уголовные преступления – о них я здесь не говорю.

Страдальцев за веру я видел больше из числа протестантов: баптисты, евангелисты, молокане, духоборы, адвентисты (субботники), пятидесятники и другие. Встречались также сионисты.

В тюрьмах и ссылках, наряду с проповедниками баптистов, евангельских христиан и еврейскими раввинами, а также слу-

40 Библия. Евангелие от Иоанна 16:33.

жителями восточных культов, я встречал православных архиереев, священников и диаконов.

Число ссыльных религиозных людей в России очень трудно определить, потому что по СССР (Союз Советских Социалистических Республик) концентрационных лагерей разбросано так много, что они с трудом поддаются учёту. По берегам Белого моря, на островах и на реках, впадающих в Белое море, насчитывается до трёхсот лагерей ссыльных. Эти лагеря находятся под управлением Соловецкого концлагеря. И в каждом лагере есть немало религиозных людей, страдающих только за веру.

Каких религиозников больше в советских ссылках – православных или русских протестантов (евангелистов разных направлений)? Вообще, православных страдает больше – по количеству. Это и понятно – при ста миллионах православных в России. Пропорционально же общему количеству православных и евангелистов (баптистов, евангельских христиан и др.) процент последних оказывается больше.

Православное духовенство почти всегда страдает за религиозные убеждения, но рядовые православные прихожане несут наказания за разные проступки общего характера (не религиозного) за некоторым, конечно, исключением. Большевистские суды приговаривают их за невыполнение продовольственного налога, за уклонение от несения государственных обязанностей – гужевой (перевозочной) повинности[41] и т.д.

В ссылке я встретил одну женщину из православных, которая была приговорена на три года в Соловецкий лагерь только за то, что оскорбила финансового инспектора, который, по её словам, сверх нормы поднял раскладку налога.

Баптисты и евангельские христиане приговаривались к ссылке за свои ревностные религиозные убеждения; ведь, когда дело касалось исповедания Евангелия, они не считались ни с какими ограничивающими законами. Они смело заявляли, что хотят повиноваться больше Богу, чем людям. Бог и Его Слово у них – выше всего.

Из протестантов страдали не только проповедники, пресвитеры и диаконы, но и многие рядовые члены церкви, кото-

41 Гужевая повинность – обязательство, возлагаемое законом на всех граждан, владеющих упряжными животными, поставлять их в известных случаях для перевозок государственных грузов.

рые были светом для всех людей. Вот один из многих примеров. Арестовали и приговорили к тюремному заключению на несколько лет одного евангельского деятеля. ГПУ (государственное политическое управление) думало, что, если оно уберёт этого человека подальше, тогда дело распространения Евангелия в данном районе разрушится само собой. Но их предположение не оправдалось. Большевики задали этому евангелисту вопрос, сколько членов у него в общине. Он показал цифру в двести пятьдесят человек. В тот же вечер гепеушники послали своего агента посмотреть, как будет проходить евангельское богослужебное собрание без проповедника. Пришло время открыть собрание. Встаёт за кафедру один из членов общины, заводской рабочий с мозолистыми руками, и приглашает людей к молитве. Поют гимны. Потом один за другим встают другие верующие и свидетельствуют о Господе, о силе Божией. Агент был в недоумении. На другой день призывают арестованного пресвитера и спрашивают:

– Так сколько же у вас среди двухсот пятидесяти членов проповедников?

Ответ был:

– Все двести пятьдесят человек – проповедники! Ибо все могут свидетельствовать о любви Божией.

Взаимоотношения между религиозными группами сосланных

Люди даже религиозные, но без живой сознательной веры, не всегда ладили между собой. Я удивлялся этому отчуждению заключённых друг от друга; ведь все они в одинаковых условиях так тяжко страдали! Но групповые разделения формальных религиозников иногда продолжались даже в ссылке.

В ссылке мне приходилось беседовать с одним архиепископом. Он безоговорочно выражал своё презрение ко всем «сектантам» или инакомыслящим. Всю вину за катастрофу Российскую он возлагал на сектантов: баптистов и евангельских христиан.

Между евангельскими христианами и баптистами в ссылке, наоборот, сглаживались разногласия, бывшие в мирное

время. Жили они дружно, помогая друг другу как духовно, так и материально. Пришлось мне, баптисту, делить горесть ссылки с одним видным деятелем евангельских христиан. Прощаясь со мной, при выходе моём из Соловецкого монастыря, он чуть ли не со слезами воскликнул:

– Дорогой мой брат, когда мы выйдем на свободу, неужели будем опять так жить и работать, как это было раньше? Нет! Этого больше не будет, мы будем трудиться вместе и будем одним стадом!

До ссылки этот евангельский христианин крайне отрицательно относился к движению баптистов и терпеть не мог даже само слово «баптист»…

В невыносимые дни большевистских гонений такие же братские чувства к евангельским христианам родились и у баптистов, относившихся раньше к евангельским христианам весьма неблагосклонно. Я верю, что, когда Господь даст свободу нашему бедному русскому народу, взаимная нетерпимость разных религиозных движений исчезнет совершенно. Организации, подчёркивающие религиозные различия, вредны, и я печалюсь, когда слышу, что русские религиозные деятели за границей создают всё новые и новые обособленные церковные организации, служащие великим соблазном для душ, ищущих истину. Мне хотелось бы крикнуть всем этим деятелям: не ищите своего, не делите, покоритесь Господу и служите искренно только для Него одного!

Исключительные муки православного духовенства

Православному духовенству в ссылках приходилось труднее, нежели протестантам. Православные служители носили своё священническое одеяние, поэтому среди всех заключённых они были всегда на виду. К физическому труду православные священники были неспособны. А работу на них налагали равную со всеми остальными. Священников насильно заставляли стричь волосы, но они этому противились и боролись за своё священническое отличие, за что им приходилось нести особые лишения и наказания. Лагерное большевистское начальство нарочно назначало для священников самую грязную работу. Наряжали их на уборку нечистот, они же возили на себе

воду для лагеря. Многие из них всё это мужественно переносили.

Убелённые сединой и согбенные старцы безропотно несли свой крест. Приходилось видеть слёзы на их впалых щеках. Многие из них в беседах смиренно говорили, что они несут достойное осуждение и наказание.

Служителям русских евангельских церквей было легче. Они были более приспособленными к тяжёлым работам, так как почти все вышли из рабочей и крестьянской среды. По одежде они не отличались от других арестантов. За их честную и успешную физическую работу начальство во многом снисходило к ним, а иной раз даже уважало.

Православные священники были всеми преследуемы и ненавидимы. Некоторые из православных служителей не выдерживали такого испытания, снимали с себя свои рясы, надевали арестантский серый бушлат, стригли головы… Были случаи, что и отказывались от веры в Бога.

Однажды мне пришлось быть свидетелем такой картины. В нашем бараке помещалось до восьмидесяти человек заключённых – невероятная теснота, нары в два яруса… В бараке было два небольших окна. Страшная грязь. В этой обстановке я заметил одного человека лет тридцати пяти с рыжей бородой. Он сидел со своими товарищами по работе и произносил самые скверные нецензурные ругательства. Но в облике его было всё-таки нечто, говорившее о его интеллигентности. Только потом я узнал, что это был бывший священник, который перед большевистским начальством открыто отрёкся от веры и, в доказательство того, снял он с себя своё священническое одеяние. Такие случаи имели место и в других лагерях. Большинство же из православного духовенства остались верными религии и спокойно покорялись своему уделу.

Две разных тропы к одному и тому же Небу

Как-то случилось мне жить в одном бараке с двумя старцами, служителями православной церкви. Это были, действительно, борцы за веру. Им нужно было вместе со всеми идти на лесные работы. При всём своём рвении к работе, они физически не могли выполнить норму своего дневного задания. У них

просто не хватало силы двигать пилой и махать топорами. Через несколько дней старцы заболели и решили не идти на работу. В это время комендант лагеря, который обходил бараки, обнаружил, что они не на работе. Он набросился на старцев с ужасными унизительными словами, а потом избил их рукояткою своего нагана (револьвера).

Когда мы вернулись с работы, старцы рассказали мне об этой жуткой расправе. Мне было стыдно перед этими уничиженными и обиженными старцами. В их взоре была видна глубокая душевная скорбь, а утешителя им не было.

Я несколько раз начинал с этими старцами разговор о Боге, об искупительной жертве Спасителя нашего Христа Иисуса, но они не доверяли моему свидетельству. В их глазах я был еретиком и изменником православной церкви. Я от души жалел их, у меня была любовь к ним – но между нами была пропасть, через которую не было никакого перехода.

Ещё раз скажу, что эти старцы были истинными представителями православного исповедания; они свято верили во все предания и догматы своей церкви. Вера их была нелицемерной, не было ни малейшего двоедушия. Они веровали просто – по-детски, как научены были своими отцами. Они избегали всякого разговора и даже встречи со мной. Я их уважал, и было время, когда молился за них.

В свободное время старцы ходили в лес для молитвы по своей тропинке, а я – по своей. Я знаю, что Господь их молитвам внимал, как слышал Он и мои молитвы.

Среди дремучих северных лесов, заваленных глубоким снегом, я, евангельский верующий – протестант, и они – православные старцы, подымали свои взоры и руки к Небесам и там находили утешение, покой и силу для духовной победы.

Что касается молодых священников, то среди них встречались люди легкомысленные и неустойчивые в борьбе за религию.

Крест русских евангельских верующих

Из числа евангельских христиан, баптистов и подобных им религиозных движений большевики заключили в тюрьмы и ссылали, преимущественно, руководителей. Советская

власть поставила первоочередную задачу – изъять проповедников и всех деятельных членов общин, которые распространяли евангельское учение. Формально ГПУ не судило за религиозные убеждения. Проповедники Евангелия были приговариваемы тайным судом, т.е. решением особой коллегии, которая находилась на Лубянке, в Москве. Решения выносились заочно, по заключениям следователей. Проповедников признавали контрреволюционерами по 58-й статье, согласно которой можно было назначить любой срок наказания, вплоть до высшей меры социальной защиты (расстрела), т.е., по их циничному выражению, они могли послать человека «на луну».

Всемирному пролетариату выражение «социальная защита», возможно, не кажется таким уж страшным. Фраза эта очень округлена. Но понимают ли люди за границей – какой страх эта статья наводит на всё население России!

Самый веский повод для преследования евангельских верующих ГПУ нашло в вопросе отбывания ими воинской повинности. Общины и их объединения не имели на этот счёт никаких правил; решение этого вопроса всегда предоставлялось совести каждого отдельного верующего; здесь каждый член общины мог поступать по своему собственному решению. Многие были убеждены, что, согласно учению Евангелия, применение оружия недопустимо для христианина, но немало было и таких верующих, которые не видели ничего плохого в обычном отбывании воинской повинности наравне со всеми другими гражданами. Иные верующие держались таких взглядов, что они могли нести нестроевую службу по хозяйственной или санитарной части. Так, например, меннониты отбывали альтернативную службу ещё при прежнем Российском режиме.

Делами, связанными с воинской повинностью относительно верующих, у большевиков занимался некто Тучков, из евреев, который с исключительной жестокостью и энергией принудил все свободные религиозные течения вынести на своих съездах однозначную резолюцию по военному вопросу. Для этого Тучков был снабжен большими полномочиями ГПУ. Председателей религиозных союзов, да и всех руководителей общин, вызывали в канцелярии ГПУ и насильно предъявляли им требования, чтобы в данной религиозной среде военный

вопрос был проведён на общих основаниях большевистского режима.

Сопротивлявшимся верующим большевики грозили расстрелом или разными выгодными обещаниями. Тут я должен сказать, что в каждой общине и в каждой группе верующих ГПУ имело своих секретных сотрудников, которые передавали начальству все подробности о текущих делах верующих, о разговорах, о настроениях среди них.

Поразительнее всего было то, что эти тайные агенты старались проводить в общинах антивоенное движение, чтобы, таким образом, вызвать недоверие общин к своим проповедникам, которые воинскую повинность не отвергали.

ГПУ стремилось поймать сразу двух зайцев, и во многих случаях этот коварный замысел большевикам удавалось успешно осуществить. На религиозных съездах под воздействием агентуры ГПУ проводились однотипные резолюции по военному вопросу в пользу большевистской политики. Всё это проводилось организованно, по всему Советскому Союзу. Верующие наивно, по простоте своей, не обратили должного внимания на духовную опасность этих резолюций и на могущие произойти вследствие этого коварные практические последствия. Было проведено много съездов верующих разных направлений. Были съезды районные, были областные и, наконец – всесоюзные. На всех этих съездах проводились резолюции ГПУ по военному вопросу. Многие из делегатов не были согласны с такими резолюциями и открыто выступали с протестами. Этих делегатов вскоре после съезда арестовали и приговорили к ссылке в Соловки и в другие лагеря.

В первых числах июля 1927 года был съезд баптистов в Петрограде. Перед открытием съезда некоторых баптистов водили на Гороховую улицу, в канцелярию секретного отдела ГПУ. Звучали запугивания и угрозы. Но, несмотря на все принятые большевиками меры, этот съезд, в целом, директивам ГПУ не подчинился. Надо сказать, что были тут и баптисты, которые стояли за полное принятие военной службы. Большая же часть делегатов не признавала возможным своей резолюцией заставить всех баптистов поступать в военном вопросе по приказу ГПУ. После обсуждения съезд постановил предоставить каждому члену полную свободу в деле отбывания воинской повин-

ности. Согласно этому постановлению, выполнение верующими всевозможных военных обязанностей не должно было ни в малейшей степени умалять их духовных прав как членов общин, а совесть противников строевой службы с применением оружия совершенно не насиловалась. Казалось бы, такая резолюция как нельзя лучше отвечала требованиям всякой государственной власти. Но она возмутила чекистов, и через несколько дней после съезда всё правление объединения было арестовано и приговорено к отправке в Соловецкую ссылку на три года. Кроме правления, были арестованы и другие делегаты. В первую очередь пострадали противники вынесения военной резолюции. Но потом случилось совершенно неожиданное – стали заключать в тюрьмы и тех, кто такую резолюцию одобрил.

Как объяснить тот факт, что потерпели наказание как противники, так и сторонники принятия военной резолюции? Случилось это вот почему. Баптистам, отказывающимся от исполнения воинской повинности, власти предъявляли резолюции других съездов об обязательности военной службы, и если баптист всё-таки не соглашался идти в строй, то он, конечно, был строго осуждён. А затем в мрачные застенки ГПУ вызывали руководителей баптистской организации и ставили им в вину, что они, проведя (или даже только предложив) на съезде советскую резолюцию о воинской повинности, не сумели подчинить этой резолюции убеждения всех баптистов, и тем самым обманули власть. Чекисты яростно наступали на свои беззащитные жертвы. На свободе остались немногие из более-менее активных участников съездов. Их приговаривали к принудительным работам на три и пять лет, заключали в тюрьмы и ссылали в Соловецкий и в другие концлагеря.

Я не хотел бы бросить тень на моих братьев, стоявших за принятие военных резолюций и всё-таки пострадавших. Та и другая стороны баптистов старались действовать честно, по совести, хотя понимали они вещи и по-разному. Я только хочу изложить безжалостную тактику советской власти в отношении верующих, а этого нельзя было бы рассказать, не приводя фактов о верующих, желающих угодить советской власти, и всё же так несправедливо от неё претерпевших.

Из всего вышесказанного становится ясно, что большевики сплошь и рядом предъявляли верующим обвинения в нарушении закона о военной службе, независимо от того, были на то основания, или нет. Под таким предлогом власть стала обвинять в контрреволюции участников разных направлений всего евангельского движения, и была парализована вся деятельность евангелистов. Собрания верующих закрыли. Молитвенные дома конфисковали. Общения верующих загнали в подполье. Несомненно, евангельское движение невозможно было остановить духовно, но внешняя, видимая деятельность прекратилась. Впрочем, агенты ГПУ через своих секретных сотрудников добирались и до тайных собраний верующих, после чего участники этих собраний тоже подвергались высылке и тюремным заключениям.

Одно время, как мне известно, большевики в Петрограде притесняли проповедников, зачисляя их в число лишенцев, не имеющих права на жительство в городе. Всех проповедников принуждали селиться не ближе тридцати километров от города. Продуктовые карточки у них отобрали, и им приходилось покупать продукты частным образом по невероятно высоким ценам. И в таких условиях проповедники всё время жили в ожидании ареста, что и случалось очень часто: внезапно человека вырывали из семьи и ссылали в концентрационный лагерь.

Евангельские верующие в ссылке

Наша сила и наше бессилие очень быстро познаётся в огне испытаний. С некоторых неверных маска была сорвана сразу, хотя процент таких «верующих» был небольшим. Падение иных из них было велико, и весь их религиозный облик разрушился сразу. Они утратили духовное общение с верными братьями, но и мир не принял их в свои ряды.

Стойких верующих, открыто исповедовавших и ревностно защищавших свои убеждения, нерелигиозные люди уважали, им доверяло даже большевистское начальство. Во время моего заключения в Соловецком концлагере бывали такие дни, когда у меня в кармане лежали ключи от материального склада и продуктового магазина для целого лагеря. Я видел, как верую-

щие, которым дорого было Евангелие, бесстрашно обличали даже начальство.

Однажды я был на сплаве леса. К нашей группе на плоту подошёл начальник лагерных работ. Он набросился на одного из заключённых и начал ругать его самыми последними неприличными словами. «Облегчив» от ругательств свою бедную душу и свой осквернённый язык (а я в это время прекратил работу и слушал), он обернулся и, увидев меня, стал извиняться, что так ругался, заметив при этом, что баптисты не любят сквернословия. Работавшие со мной люди удивились такому поведению большевистского начальника, ведь я в то время был всего лишь рядовым рабочим. Мы, верующие, прямо говорили этому начальству, что нехорошо обижать уже обиженного. Десятники не ругались при нас.

О, если б вы знали, какая низкая брань омрачает воздух в нынешней Советской России! В тюрьмах, концлагерях, в социалистическом государстве ругаются Богом, ругаются Святым Духом, ругаются Господом Иисусом Христом, отдавшим жизнь Свою для искупления мира. Сердце моё содрогалось, когда я слышал эти ругательства. Я понял тайну беззакония, мне стал предельно ясен стих из Откровения 16:11 – «И хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих».

Верующие в ссылках старались быть ближе друг к другу: соединялись группами для совместной работы, ели из одного котла, делились друг с другом последним. Помогая друг другу, в срок выполняя дневные задания работ, они вовремя приходили ночевать в барак. А других за невыполнение наряда на всю холодную северную ночь оставляли в лесу. Верующие всем свидетельствовали о Господе, хотя за это надзор за ними и усиливался. Многие заключённые старались быть поближе к евангельским верующим. Некоторые из новых друзей евангельских верующих переставали курить табак.

Под влиянием христиан люди прекращали сквернословие и прямо-таки преображались. В ссылке я особенно ясно увидел разницу между людьми, верующими в Бога, и теми, душа которых целиком принадлежала миру.

Когда в наш лагерь приводили новые партии заключённых, я не расспрашивал, есть ли в данной партии верующие;

я просто присматривался к поведению заключённых и часто узнавал «своих» по внешнему свидетельству – по их делам. В бытность мою заведующим материальным складом к нам на пароходе доставили партию ссыльных для сплава брёвен – человек двести. Всех новоприбывших привели в склад, чтобы выдать обмундирование. Среди беспокойной толпы я заметил человека среднего роста, который тихо стоял, ожидая своей очереди. Многие кричали, ругались и всячески шумели, но замеченный мною человек как-то особенно выделялся среди этой шумной толпы. Лицо его не было мрачным, в нём светилась кротость. Его буйные товарищи протискивались вперёд, а этот человек уступал. Когда наступила его очередь получить назначенные вещи, я спросил, не христианин ли он, и он ответил утвердительно. Во всё время пребывания его в ссылке я имел с ним братское общение.

Распятая Россия

А. Беломорский

Эта статья является продолжением описания страданий христиан и быта в Советской России, напечатанного в предыдущем выпуске «Верности». Автор статьи – верующий из среды баптистов, но выступает он частным порядком, вне всякой связи с какой-либо религиозной организацией. Рассказано всё талантливо, спокойно и достоверно. В «Верности» неоднократно помещались материалы, освещавшие жестокие гонения верующих всех церквей в Советской России. Корреспондентами были меннониты, евангельские христиане, православные, католики и баптисты. А. Беломорский, после пережитой им долгой большевистской ссылки за веру, даёт теперь одно из сильнейших свидетельств о распятой России.

Человечность среди охраны

В первые дни моего заключения мне казалось, что конвойные и охранные команды комплектуются исключительно из людей, без остатка потерявших всё доброе и светлое в душах. Охрана так организована большевиками, что дисциплинарный устав не допускает никакого милосердия к заключённым. Охране внушается и строго предписывается – только беспощадная жестокость. В охрану, правда, и попадают, главным образом, уголовные преступники с политической окраской. Сердце такого охранника твердо как камень, а жесто-

Petrow_kor.indd 215 10.09.2015 15:05:15

кость его – звериная. Для него всего лишь шутка – распороть, скажем, штыком живот своей жертвы; а потом с адским смехом смотреть на невыносимые страдания несчастного заключённого. Нужно иметь в виду, что вся лагерная стража набирается из самих же заключённых.

Но при всём этом я встречал в охране людей, у которых оказывалось сочувствующее доброе сердце. Это люди, у которых как-то ещё сохранилась человечность. В охрану они попадали случайно.

Такие охранники были нашими лучшими друзьями. Они делали нам много добра. Попадались они в поездных эшелонах, перевозивших заключённых, их также можно было встретить в местах нашего заключения. У некоторых из них была вера в Бога, но они её таили. Бога они призывали, но скрытно.

Я узнавал, откуда могут быть такие люди. И, к моему удивлению, часто мне удавалось выяснить, что это были дети верующих родителей, или из тех домов, где хоть кто-нибудь веровал в Евангелие. Юность их была чиста, а потом их захватил поток развратной жизни и повлёк в море скверны. Поразительно же то, что свет Христов, когда-то, хоть и на короткое время, осветивший их души, навсегда оставил след добрых порывов.

Охранники подобного рода порой открывали нам, верующим, свои души, и мы узнавали тайну. Они нас не остерегались, когда доподлинно убеждались, что мы веруем убеждённо – по Евангелию. Нам доверяли. Таких охранников мы, верующие, называли «друзьями».

Когда, бывало, дежурный по лагерю оказывался из «друзей», мы чувствовали себя свободно. Тогда мы могли иметь беседы и молитвы с братьями. Ходили в лес за грибами и ягодами, ловили рыбу…

Частенько, минуя всякую цензуру, к нам приходили письма, которые передавались нам непосредственно «друзьями». Они предупреждали нас, верующих, о готовившихся внезапных ночных обысках, или о других репрессивных мерах начальства. И таких «друзей» Бог посылал нам везде. Почти все они были коммунистами, но только не идейными, а «бумажными». Коммунистами они стали не добровольно, но поддались искушению выгод. Сами они ненавидели существующий большевистский строй насилия и рабства. Высшее коммунистиче-

ское начальство, по животному чутью, не полагалось на них, к ним не благоволили и часто переводили из лагеря в лагерь.

Наших «друзей» редко посылали на поимку убежавших заключённых. Посылая охрану в погоню за беглецами, большевики давали секретный приказ: пойманных не приводить живыми, а убивать на месте. Как сейчас помню случай. Убежали трое из нашей партии. На поимку был назначен один из наших «друзей». Ему тоже дали инструкцию убить беглецов на месте. В лагере осталось совсем мало охраны – всех послали в погоню. Охранники рассеялись в разные стороны и, на счастье беглецов, их как раз догнал один из наших «друзей». Он, на удивление всем, привёл беглых в лагерь живыми. Этому «другу» было сделано строгое внушение, а после его перевели в другой лагерь. Эти «друзья» часто высказывали сожаление, что не могли веровать так, как веруем мы.

Встречались в охране совершенно неверующие и никогда не веровавшие люди, у которых тоже сохранилось доброе сердце. Несмотря на всю строгость дисциплины, они делали добро заключённым. Подобных добряков, правда, было немного. Их как будто Сам Бог посылал для смягчения участи узников. Не в их силах было изменить всю коварную, страшную большевистскую систему, выработанную специально для уничтожения классов; но всё-таки охранники «с сердцем» делали всё, что могли, чтобы помочь несчастным обречённым.

Сыск большевиков

Большевистское ГПУ имеет такой удивительный аппарат политического сыска, что каждый житель (так называемый гражданин) Советской России находится под непрерывным бдительным наблюдением. Всюду – глаза и уши ГПУ. ГПУ знает, что люди едят, что покупают, что говорят и чуть ли не – что думают. Однажды и я сам несколько пострадал, о чём и расскажу.

Как-то я сообщил некий секрет моему другу в нашем Братстве. Он был к тому же ещё и проповедником Евангелия. Я трудился с ним в одной общине. Мне никогда и в голову не могло прийти, чтобы этот любезный мой брат, носитель Благой Вести, оказался бы в цепких когтях сыска ГПУ. Дня через три после

того, как мы поговорили с этим братом по душам, я вдруг был вызван в секретный отдел ГПУ. Сотрудник этого учреждения принял меня довольно любезно, пригласил присесть рядом с его письменным столом, и начал издалека подходить к тому секрету, которым я поделился с моим злополучным братом. К счастью моему, секрет этот был чисто религиозного свойства, касавшийся исключительно внутренней жизни нашего Братства и ничего общего не имевший с государственными делами. В ГПУ мне совершенно точно передали те слова, которые я говорил тому моему брату. Агент ГПУ сильно меня упрекал и предупредил, чтобы впредь я был осторожней. Роль моего брата стала мне ясна. Впоследствии и другие верующие убедились в сотрудничестве нашего брата с ГПУ.

О, как много в Советской России секретных сотрудников ГПУ! Дети следят за родителями, жена – за мужем. Секретными сотрудниками ГПУ люди делаются неожиданно даже для самих себя, без всякого желания принять на себя низкую роль. Приведу известный мне пример.

Некий общественный работник получил поручение от начальника ГПУ сделать одну услугу, совершенно никакого отношения не имевшую к политическому сыску. Поручение было выполнено, и за работу были выплачены деньги под обычную расписку.

Через некоторое время начальник ГПУ вызвал к себе в канцелярию этого общественного деятеля и дал ему поручение следить за известным лицом. В недоумении вызванный начал отказываться от такого позорного дела. Тогда начальник ГПУ открыто заявил, что вызванный уже находится в числе секретных сотрудников ГПУ. Ему была предъявлена его личная подпись под текстом, говорившим о его согласии на политический сыск для ГПУ. Во время получения денег за работу (как сказано выше) тому общественному деятелю был ловко подсунут текст о политическом сотрудничестве с ГПУ, и он дал свою подпись второпях, не прочитав этот текст. Человек просто был обманут в ГПУ.

Вы удивитесь, как могла случиться такая оплошность? А я не удивляюсь. Побывайте в застенках ГПУ. Когда вы приходите туда, вас охватывает какая-то особая жуть. Вы начинаете дрожать. Вы чувствуете, будто попали в мрачную могилу. Обставле-

но ГПУ прекрасно, там стоит изящная мягкая мебель, но помещение пропитано кровью. Здесь загублено очень много людей, воздух просто насыщен воплями замученных жертв. Когда вы покидаете это наводящее ужас здание, вас наполняет чувство радости, как будто вы вновь родились на этот белый свет.

Умученная интеллигенция

В Соловецких концлагерях было много интеллигенции – инженеры по всем специальностям, доктора, юристы, бухгалтера, счетоводы. Это были в большинстве своём люди старого закала, приверженцы прежнего российского режима. Конечно, многие из них были религиозны. Некоторые скрывали свои религиозные убеждения, но ГПУ всё равно дознавалось об этом. При большевистской системе шпионажа, как я уже рассказал, всё, неосторожно сказанное интеллигентными людьми, делалось известным в ГПУ. А не говорить об обмане, о рабстве, о насилии в Советской России люди мыслящие не могли.

Тут без всякой неприязни я, однако, должен сказать, что многие интеллигентные русские люди издавна страдали неверием, и их испытания в ссылках становились ещё тяжелее от безнадёжности. В заключении я встречал интеллигентных молодых людей, которые, не будучи религиозными, были нравственно разбиты разочарованиями до душераздирающего отчаяния. Они плакали, как дети, и, совершенно не практичные, рассуждали, как дети. Они судорожно хватались за каждую соломинку, чтобы спасти свою жизнь. В состоянии полного исступления, некоторые из них беспощадно себя калечили; отрубали себе пальцы, а то и всю кисть руки, чтобы только избавиться от непосильных изнурительных работ в лесу, иногда разрубали себе ноги топорами. Когда в моей памяти оживают все эти ужасные картины, у меня по телу пробегает мороз. Не могу дальше их описывать…

Евангельские богослужения в ссылке

Богослужения в концлагере, в какой бы то ни было форме, не допускались. За попытки устройства религиозных собра-

ний и молитв строго карали: лишали переписки с родственниками, отнимали право на получение посылок, сажали в карцер.

Но при всей строгости режима богослужения всё-таки проходили. Это было, конечно, тайно, и всё заканчивалось благополучно. В летнее время мы, верующие, уходили куда-нибудь в лес или в горы и там имели беседы, молитвы, а иногда совершали даже хлебопреломление (святое причастие), по Евангельской заповеди воспоминая смерть за нас нашего Искупителя Господа Иисуса Христа.

Обыкновенно мы устраивали богослужебные собрания в те дни, когда дежурства по охране назначались из числа наших «друзей», о которых я уже рассказывал раньше. Верующие уходили по одному в разных направлениях, а затем уже собирались группой в условленном месте. Там происходили сладостные духовные братские беседы; мы назидали друг друга из Слова Божия и горячо молились. И какие это были молитвы! На свободе вы не услышите и не почувствуете таких молитв. То было святое пламя настрадавшихся душ. И Бог был близок к нам, мы чувствовали сильное веяние Его Духа. Души наши обновлялись и укреплялись. Возвращались мы всё в те же тёмные бараки, а на сердце было светло, легко и радостно. Мы, верующие, всегда пели. Это всех в лагере удивляло.

Зимой мы тоже имели тайные христианские собрания. Не часто, но всё же удавалось нам собираться для назидательных бесед и молитв, пользуясь помещением и содействием какого-нибудь нашего брата, занимавшего некоторый административный пост, где требовалась честность. Беседовали мы, верующие, о Боге и с посторонними людьми. Мы находили в лагере укромные уголки – у нас были друзья в разных мастерских, и там нам предоставлялось убежище для наших духовных встреч. Одно время нам много в этом помогал один лютеранин.

Во время наших общих молитв случалось, что и совершенно посторонние люди открывали свои уста, и в братской простоте молились вместе с нами нашему Господу.

Как-то начальник лагеря узнал о наших религиозных собраниях. Он предпринял слежку за мною. Но Бог хранил меня от его преследований. Однажды меня не было в бараке. Начальник приказал искать меня по лагерю, нашёл меня после нашей молитвы, и говорит мне:

– Я чуть не застал вас на месте вашей пропаганды; вам повезло, что вы успели уйти.

Я не преминул, улыбнувшись, сказать ему:

– Наш Бог нас охраняет.

Этот начальник, в общем, уважал нас. Я не стеснялся беседовать с ним о Боге. Он, однако, смеялся над моими беседами и считал религию дурманом.

Монахини-героини

Не могу забыть одного подвига религиозных женщин, который мне самому пришлось наблюдать. Весной в наш лагерь привезли на пароходе нескольких женщин. Это были монахини православного монастыря. Они оказались намного сильнее и духовно возвышеннее иных своих наставников-священников, которых немало было у нас в лагере.

Несмотря на все запрещения и угрозы, монахини продолжали служение Богу, как им подсказывало их религиозное сознание. К ним применяли всяческие меры наказания, но их религиозная ревность не уменьшалась.

Недалеко от лагеря монахини устроили из сучьев шалаш, посередине которого соорудили аналой, сделали деревянный крест, аналой покрыли чистым полотенцем, и утром и вечером совершали там свои моления.

Эти монахини совершенно отказались от какой-либо работы по лагерю и никому ни в чём не подчинялись. Начальство морило их голодом, не выдавая продукты, но Бог посылал к ним друзей, и те приносили для них хлеб. Они перенесли все тяжести, но не отказались от своего монашеского служения Богу. Они прямо говорили начальнику и другим большевикам:

– Вы – слуги дьявола, а поэтому подчиняться вам мы не будем.

Начальство приходило в бешенство, но не могло сделать с монахинями ничего другого, как только перевести их в какой-то другой лагерь. Смерть монахиням была не страшна, и они оказались духовными победительницами.

Бог вознаградит этих монахинь за их стойкую борьбу, за убеждения, примерное свидетельство, которое они оставили среди заключённых. Ввиду большой опасности некоторые

священники сторонились этих монахинь. Но нашёлся в ссылке один православный епископ, в изобилии получавший продуктовые посылки, который поддерживал монахинь продуктами.

Женщины в Советском Союзе

Формально большевики признали за женщиной такое равноправие, какого не существует ни в одной другой стране. Женщина участвует во всех областях строительства социалистического государства. Вы можете встретить советскую женщину в мундире милиционера, стоящей на посту по охране порядка в городе. Женщина – кондуктор в трамваях и железнодорожных поездах. Женщина – следователь. Женщина – судья и вооружённая револьвером надзирательница в тюрьме. Женщина – почтальон. Женщина – у рабочего станка. Женщина занимает высшие государственные должности. Нет советского учреждения, где на административном посту не было бы женщин.

При поверхностном взгляде кажется, что неограниченные права женщины в большевистском царстве вскружили ей голову – настолько она одурманена своим невиданным положением. Видимость как будто говорит, что женщина у большевиков – на пьедестале.

На самом же деле ещё одной губительной свободой женщина превращена в рабыню: большевики жестоко обманули женщину правом свободной любви. Нигде в цивилизованном мире нет такого безнадёжного рабства для женщины, какое существует в стране советов. В пролетарском государстве русская женщина глубоко несчастна.

Женщина у большевиков – жалкая игрушка. Коммунисты дают женщине права лишь до тех пор, пока она нужна человеку-зверю. Как только советская женщина утрачивает свою внешность, во многих случаях большевик выбрасывает её из своего дома. Такая женщина пополняет ряды подонков общества.

Бедствие для советской женщины в том, что в красной России разрушена нормальная семейная жизнь. Большевики не знают радости семейных уз. Найдутся очень немногие из числа ответственных большевистских работников, которые имеют по одной жене. Они меняют жён, как цыгане лошадей. Я сам читал в советской прессе о том, что некий «товарищ», управ-

лявший массами людей, за шесть-семь лет оформил двадцать разводов. Я видел горечь разочарованных советских женщин, жизнь которых в преклонных годах становилась сплошным кошмаром.

Большевиками начисто отвергаются идеи христианской цивилизации об особом уважении к женщине. Как-то в петроградском трамвае я видел такую картину. В вагон вошла молодая особа. Один молодой человек встал и, приподняв шляпу, предложил ей своё место. Особа эта, наверное, большевичка, гневно оскорбила любезного пассажира. Я запомнил всего несколько слов: «Я такая же равная, как и ты! А ты вздумал оскорблять меня! Сиди на своём месте!» Молодой человек сконфузился. Люди в вагоне засмеялись…

Нет пределов унижению женщин в тюрьмах и ссылках. Тут женщина окончательно становится жалким и беспомощным существом. Неописуемы надругательства над женщинами большевистских начальников-зверей. Борьба честных женщин почти всегда оканчивается для них плачевно. Я мог бы написать целую книгу обо всём том, что видел сам. Мне трудно и горько сказать это, но всё же скажу: из числа нерелигиозных женщин я не видел ни одной, которая бы выстояла до конца в своей нравственной чистоте.

Но могу засвидетельствовать, что верующие женщины побеждали. Соблазнам звероподобных обольстителей и тиранов они противополагали твёрдую христианскую веру. День и ночь они изнемогали на непосильных грязных работах по лагерю, но оставались христианками. Иных из них мучили до смерти, но в их духовной победе прославился Христос.

Цензура в ссылке

Переписка в концентрационных лагерях разрешалась. Два раза в месяц заключённый мог писать, и столько же раз можно было получать письма от родных. Получали, однако, письма и больше этой нормы.

В ссылках же переписка не была ограничена. Писать можно было куда угодно, но только на страже всегда была секретная цензура. Всё, что казалось подозрительным, цензура ГПУ уничтожала или подшивала к личному делу заключённого.

В концлагерях заключённых нередко лишали права переписки на три месяца, на год, а то и на всё время заключения. Некоторым, а особенно иностранцам, переписку запрещали совершенно. Лишали переписки за невыполнение непосильных нарядов на работу и за разные другие провинности.

Конечно, заключённый не имел права описывать свои страдания. Позволялось лишь сообщать, что, мол, жив и здоров. Иные заключённые не обращали внимания на предупреждения цензоров и писали правду о режиме. На таких ослушников обрушивались громы и молнии – за это сажали в карцер.

Как-то один верующий прислал мне письмо, в котором он для моего утешения и назидания проставил ссылки на тексты Священного Писания. Получив такое письмо, цензор вызвал меня в канцелярию и насмешливо начал меня допрашивать.

– Что это за секреты пишут вам знакомые?! – спросил он меня.

Мне было предъявлено письмо, в котором оказалось много цифр – ссылок на главы и стихи Священного Писания. Я объяснил значение этих цифр, но цензор верить этому не хотел. На меня посыпались его оскорбления и угрозы, что против меня будет возбуждено специальное дело. Я что-то возразил цензору – теперь уже и не помню, как это я посмел ему возразить!

Иногда заключённый получал от своих родственников только один конверт, потому что письмо было уничтожено или подшито к личному делу.

Многие фразы в письме цензоры густо зачёркивали чернилами, однако заключённые умудрялись прочитывать и то, что было зачёркнуто. Потом цензоры стали совсем вырезать части писем. Всякая нелегальная переписка строго каралась. Но, несмотря на все запретные меры, заключённые находили пути к ведению переписки с родственниками, и условия ссылки делались известными. Многие заключённые за правдивое описание их положения попадали в беду и несли тяжкое добавочное наказание.

В таких условиях всякая весточка от родных была величайшим утешением и радостью заключённому. В общении со внешним миром загоралась новая надежда и обреталась бодрость для дальнейшего несения тяжкого креста.

Petrow_kor.indd 224 10.09.2015 15:05:16

Полоненная Россия

А. Беломорский

Автор предлагает нам продолжение его ярких описаний страданий христиан и быта в Советской России, напечатанных в предыдущих выпусках «Верности», каковые описания были раньше озаглавлены: «Христианские мученики в Советской России» и «Распятая Россия». Автор, преданный Богу христианин, исключительно за веру и религиозную деятельность подвёргся мучительным гонениям от коммунистов, и в течение нескольких лет перенёс тюремное заключение и ссылку в Соловецком монастыре.

Редакция

Посылки ссыльным

Посылки, особенно продуктовые, заключённым жизненно необходимы, чтоб хоть как-то поддерживать своё здоровье. На лагерный паёк ссыльный жить не может. Посылки, как и письма, проходят через советскую цензуру. Осмотр производится самый тщательный, и такими методами, которые могут быть придуманы только большевиками.

Заключённым, оштрафованным за какие-либо проступки, посылки не выдавались. Получение посылок разрешалось только тем ссыльным, кто исправно выполнял наряды на работы.

При пересылке с пакетами не церемонились – редко посылка доходила в нетронутом виде. По закону почта отвечает

за сохранность посылок, но в советской стране это не относится к ссыльному, фактически находящемуся вне защиты законов. Пищевые отправления задерживались, и потому портились. Уничтожали содержимое и складские крысы. Случалось, что заключённому выдавался лишь пустой ящик. К тому же много злоупотреблений допускали почтовые чиновники и служащие, ведавшие посылками. Скоропортящиеся продукты просто выбрасывали, мотивируя это тем, что посылки месяцами находились в дороге. Многое из посылок урывала себе и лагерная администрация. Советские служащие рыскали около посылок, как шакалы. Но, несмотря на всё, часть посылок всё же доходила до ссыльных. Дни получения посылок для заключённых были днями праздников. Радовались даже те, кому к получению ничего не полагалось, надеясь, что получившие продукты не обойдут их и дадут хотя бы попробовать что-нибудь из пищи.

Особенно заключённые ценили в посылках чеснок и лук, потому что эти овощи предохраняли людей от цинги, которая так свирепствовала в лагерях.

Ссыльные находятся в худшем положении, чем заключённые в тюрьмах, хотя многие представляют себе совершенно обратное. Ссыльные находятся в единоличном распоряжении лагерного коменданта ГПУ. Выдача посылок ссыльным всецело зависит от усмотрения такого коменданта. Я знаю один район, вёрст на двадцать пять выше города Архангельска по реке Северной Двине, где было большое скопление ссыльных – так там комендант совершенно запретил выдачу посылок ссыльным. Посылки прибывали в почтовое отделение того района, но получать их адресаты не имели права. Ссыльные даже не были уведомляемы об этих посылках. А потом, после удовлетворения, в первую очередь, жадности коменданта, продукты ссыльных распродавались в селе. Крестьяне эти продукты скупали, а сами ссыльные, фактические владельцы этих продуктов, не имели права даже их купить. Так продолжалось довольно долгое время, пока того коменданта не перевели в другое место. Ссыльные пробовали жаловаться, когда что-то узнавали о злоупотреблениях, но жалобы успеха не имели, да и кому ссыльный может пожаловаться!

Petrow_kor.indd 226 10.09.2015 15:05:16

В иных же лагерях посылки свободно доходили до ссыльных, и комендант этого дела совершенно не касался. Очень скверно обстоял вопрос с посылками в Архангельске. Ссыльных в этом городе была масса. К ним приходили горы посылок. Посылками были завалены огромные склады. И когда доходила очередь до выдачи тебе твоей посылки, то зачастую её приходилось либо выбрасывать из-за порчи продуктов, либо содержимое уже было расхищено. Только редкие счастливцы получали посылки в сносном виде.

Встречались лагерные коменданты, злонамеренность которых доходила до того, что им доставляло удовольствие усугублять страдания несчастных узников. Эти комендантыизверги добивались своей цели: от недоедания и непосильной работы заключённые заболевали и преждевременно умирали.

Большевистское следствие

Большинство советских следователей состоит из интеллигенции (если к ним вообще применимо это определение) новой советской школы. Попадаются среди них и старые интеллигенты. Новые советские чиновники большей частью невероятно грубы и жестоки. Их допросы сопровождает страшная ругань, допрашиваемых высмеивают и оскорбляют. Они употребляют всевозможные усилия, чтобы принудить жертву к сознанию. В то же время они знают, когда нужно быть и мягкими, и в высшей степени любезными; делается это для того, чтобы расположить к себе допрашиваемого, в душу которого чекист хочет проникнуть с тонкой хитростью.

Со мной отбывали наказание несколько человек, которые под невыносимым давлением следователей признавались в преступлениях, в которых были совершенно неповинны. Обречённые жертвы хотели освободиться от побоев и нравственных истязаний хотя бы путём принятия на себя вины, которой за ними не было. Измученные люди подписывались под любыми протоколами, лишь бы только остаться живыми. Вот так и создавались громкие процессы «вредителей». Страдал не только подсудимый, дрожали от страха и свидетели, которые на основании известных им фактов могли дать показания к оправданию затравленного.

Большей частью следователи производили допросы среди ночи. В полночь вдруг открывают камеру, приказывают быстро одеться и следовать за надзирателем. Заключённый вскакивает с кровати, приходя в возбуждение от предположения – не расстреляют ли его сейчас же. И так чуть ли не каждую ночь! В иную ночь несчастного треплют так по несколько раз.

Я – христианин, имею веру, но страх меня берёт, когда восстанавливаю в памяти эти мрачные коридоры в подземельях, одиночные карцеры, кишащие паразитами и наполненные громадными крысами.

Ужас терзает от воспоминаний об окрашенных в кровавый цвет камерах, в которых учиняли свои допросы звероподобные советские следователи. Голова пухнет от анкет с бесчисленными вопросами, которыми переворачивается вся подноготная подследственного, начиная от утробы матери. Вопросы запутывают человека, он сбивается с толку, когда ему приходится заполнять противоречивые анкеты нескольких разных следователей.

В предварительном заключении жертву держат под следствием месяца три-четыре, и доводят заключённого до такого умопомрачения, что он уже охотно и бесстрашно ждёт окончательного решения ОГПУ. Ему теперь становится всё равно: пусть дадут пять, десять лет тюрьмы или ссылки, пусть расстреляют – лишь бы только избавиться от невыносимой атмосферы предварительного заключения.

Не забуду, как после семимесячного предварительного тюремного заключения нас повели по улицам города на вокзал, для отправки в Соловецкий концлагерь. Я так радовался, когда увидел толпы людей, идущих по тротуару, когда перед моим взором предстали освещённые дома, когда я вдохнул свежий морозный воздух. Я шёл под конвоем, но душа жила счастьем свободы. Я чувствовал, что попал в другой мир – жизнь вокруг меня! После предварительного заключения мы были настолько ободрены новой обстановкой – нам и в голову тогда не приходило думать о том, что ведь настоящие-то страдания наши в ссылке ещё предстоят. Мы жили мгновением и чувствовали себя счастливыми.

Есть в Советской России кодекс законов, который гласит, что следствие должно быть закончено в течение двух месяцев,

и продление этого срока может быть допущено только с разрешения прокурора. Однако, закон этот остаётся сам по себе, а на практике большевистские следователи не торопятся. Дела тянутся годами, и люди неопределённо томятся в тюрьмах, устрашаемые неизвестным будущим.

Гнёт чужой руки

Правдивая история большевизма не сможет обойти молчанием вопрос национального происхождения главарей коммунистической революции и дьявольских сил безбожия в России. По этому вопросу скажу несколько слов о том, что знаю сам.

В советской прессе и во всевозможной литературе множество авторов, государственных деятелей, партийных работников носят чисто русские фамилии, но когда встречаешься с ними лично, то во многих случаях оказывается, что эти люди – не русские. В Советской России нерусские люди используют и присваивают русские имена. Я регистрирую это только как голый факт, которым многие интересуются, имея в виду революционную Россию, как единую целую нацию. Этой «единой нации» приписывается, по существующим ныне многим новым библейским толкованиям, специально «русская» разрушительная роль, основанная якобы на осуществлении пророческих предсказаний, относящихся к последним временам нынешней эпохи человечества. С христианской точки зрения я горячо поддерживаю идеи единства и равенства народов на почве Евангелия Господа Иисуса. Много бед было в истории из-за национального эгоизма и антагонизма. Христианам следует стоять на нейтральной духовной почве. В то же время, я не верю в политическое учение «братства и равенства», каковое оказалось великой теоретической ложью, кровью проложившей путь к власти кучке насильников.

По делам веры я много раз имел столкновения с советскими властями. Были среди них как русские, так и люди других национальностей. При всей моей христианской беспристрастности я был бы неправ, если бы не отметил, что русские большевики грубы, но они не так злы, как большевики из худших элементов других наций.

В Москве есть некто Тучков[42]. Он председатель областного ГПУ, носит чистейшую русскую фамилию. Но он – вероотступник из евреев, которого за адское безбожие отвергнет истинный израильский народ. Тучков – из людей образованных. Когда вы идёте к нему на допрос, то повстречаетесь с прообразом дьявола. Он заставит дрожать все ваши нервы. Пред ним у вас волосы станут дыбом. Это искусный инквизитор. Он с яростью вонзает в ваше сердце раскалённые стрелы, вырывая из души всякий мир.

Один служитель Божий рассказывал мне о Тучкове, который часто вызывал его на расследование. Этот служитель Божий изнемогал от страха, идя к Тучкову. Тучков – исчадие преисподней, который своим кощунством оскверняет всё чистое и святое для христианина. Я имел дела с такими большевиками и часто испытывал, как меня обжигал сатанинский взгляд, хотя я всё время был в сознании, что сила моего Господа превозможет их.

Насколько вообще большевики пылают ненавистью к духу христианской культуры, можно заключить из следующего типичного разговора со мной одного большевистского деятеля по фамилии Иванов. Он заявил мне однажды, что всех нас, верующих, надо без разговоров расстрелять. Он мне сказал, что было бы лучше для большевиков, чтобы мы, христиане, выступили против коммунизма с оружием, нежели с Евангелием. Я ответил ему, что, имея пушки, винтовки и револьверы, коммунисты легко могли бы уничтожить нас, верующих. Иванов ответил мне с иронией: «Бодливой корове Бог рог не даёт». Я ему на это заметил, что если Бог не допустит, то большевики действительно ничего с нами сделать не смогут.

42 Тучков Евгений Александрович – с 1922 по 1929 год – начальник 6-го отделения (антирелигиозного) секретного отдела ГПУ, к компетенции которого относилась борьба с религиозными организациями в СССР.

Petrow_kor.indd 230 10.09.2015 15:05:16

Выдающимся, особо жестокими противниками религии были Лев Троцкий[43], Дзержинский[44] и Ленин[45]. С ними было множество и других врагов веры. Из этих трёх один русский Ленин склонялся к некоторой терпимости к религиозникам. Под влиянием Ленина в первую советскую конституцию вошли даже пункты, допускающие право человека на религию. Ленин шёл на эту уступку по тактическим соображениям ввиду тогдашней слабости большевистской власти. Советская конституция терпела религию на бумаге, практика же советской власти всё равно не считалась с писаными законами, и религия беспощадно изгонялась. Дзержинский был просто свиреп по отношению к религиозникам. В 1921 году по распоряжению Дзержинского в Твери был арестован почти весь состав съезда евангельской молодёжи. Троцкий, первый беспощадный стратег большевиков, был одним из главных инициаторов обесчещивания стен московского кремля словами: «Религия – опиум для народа».

В рядах безбожников есть немало и настоящих русских людей, но, они казались мне не столь жестокими, как большевики из других национальностей. Приходилось мне беседовать с одним коммунистом, занимавшим большой пост. Фамилия его – Шипов. Это тоже был безбожник. Но я чувствовал, что душа этого человека в глубине своей не была безнадёжно враждебна Богу. Он говорил против Бога – это да! Но нельзя было не

43 Троцкий Лев Давидович (имя при рождении Лейб Давидович Бронштейн) – один из организаторов Октябрьской революции 1917 г., один из создателей красной армии. В первом советском правительстве – нарком по иностранным делам, затем – нарком по военным и морским делам и председатель реввоенсовета РСФСР (Российская советская федеративная социалистическая республика), затем СССР.

44 Дзержинский Феликс Эдмундович – председатель ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР), Народный комиссар внутренних дел РСФСР, Председатель ГПУ при НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) РСФСР, Председатель ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) СССР.

45 Ленин Владимир Ильич – один из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года в России, председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР, основатель СССР.

заметить, что всё его безбожие исходило не от него самого, на атеизм его толкал кто-то со стороны.

В нерусских безбожниках выдавались, в особенности, вызывающая наглость, безудержная заносчивость и несносная гордость. Я убедился, что теперешнее безбожие в России – явление не русское. Русским народом ныне правят пришлые «варяги». Всего ужасней не политико-экономические изменения, произведённые большевиками в России, что нас, христиан, не волнует так сильно, а больше всего нас, русских верующих, ужасает мысль, что нерусские враги нашего Бога изо всех сил стремятся кровавым путём окончательно растоптать религиозную русскую душу.

Один из видных работников коммунизма сказал однажды: «Мы не знаем, кто фактически двигает коммунизм, наше дело – выполнять директивы партии. Но инструкции разрабатывает не коллектив партии – кто-то единоличным решением делает всё за партию. Долг партии – принять без рассуждения всё то, что ей предписывается свыше. Нами руководит какая-то тайная сильная рука, и мы её не знаем». Дело русского народа находится в руках противников всего русского; иначе было бы невероятно такое беспощадное истребление русских людей, когда поведение последних даже с точки зрения коммунизма ничего вызывающего из себя не представляет. Происходит систематическое истребление большей частью невинных русских. Это общие рассуждения.

Как человек, однако, верующий, я взвешиваю события с духовной стороны. И мне приходится признать, что Российская революция допущена Богом вследствие наших исторических грехов. Бог в горе посетил народ наш. Бог допустил на некоторое время звериное господство над Россией её врагов. В русской истории есть, быть может, нечто общее с историей еврейского народа, хотя в самом характере этих двух народов существуют полнейшие непримиримые различия. Сходство лишь в том, что евреи всегда страдали за отступление от Бога, и потому были порабощаемы. Грехи русского народа или, скорее, правящей части интеллигенции, начинавшей отходить от Бога, оказались причиной теперешнего порабощения России.

Ужасы русской революции можно, конечно, рассматривать, как следствие вторжения в дела российские самых худших эле-

ментов из других национальностей. Это объяснение будет верно, но в то же время оно поверхностно. Суть вопроса лежит в том, почему же, всё-таки, поистине великий русский народ, народ большого ума, больших талантов, столь многочисленный на огромной площади, так ослабел, что не оказал сопротивления (я больше думаю о сопротивлении нравственного свойства) тем диким ордам всяческого нечестия, которые, завладев страной, залили русскую землю слезами, кровью и позором?! У меня один ответ: люди не были сознательно близки к Богу, не было достаточно места христианству, вытекающему непосредственно из его первоисточника – Евангелия. Такие же потрясения угрожают и другим народам, которые отступают или склонны отступать от неповреждённых христианских принципов Евангелия.

Нелегко мне, русскому христианину, выносить на суд любимую родную страну, дорогую мне от дней юности моей. Но я задаю, по крайней мере, себе эти острые вопросы, чтобы разобраться в причинах и следствиях русской трагедии.

Однако я верю – страдания минуют. Господь смилуется, Он вдохнёт новую жизнь в Россию. Распятый и воскресший Христос восторжествует, и Россия вернётся к себе раскаявшейся, очищенной, восстановятся разрушенные очаги, Господь спасёт наш народ.

Готовы ли мы уже в сокрушении покориться Богу, чтобы потом как Его рабы беззаветно служить своей стране?

Petrow_kor.indd 234 10.09.2015 15:05:16

Соловки
Живое кладбище

«Сеятель Истины» № 7. Июль 1933 г. стр. 13-14.

Соловецкие острова в недалеком прошлом почитались святым православным местом, куда ежегодно приезжали православные богомольцы для поклонения святым. На островах был выстроен великолепный мужской монастырь с общежитиями для братий монахов. Монастырь этот был основан одним из выдающихся монахов, Зосимой и его другом Савватием.

Соловецкие острова лежат на Белом море при Северном Ледовитом океане в проливе Онежской губы. Белое море имеет свою своеобразную красоту и прелесть. Вода моря очень прозрачна; если едете в тихую погоду на лодке, то на большой глубине можете рассмотреть все растения моря, и даже рыб и морских животных. Когда в солнечную погоду стоишь на берегу Белого моря, то не можешь различить линию горизонта – где кончается небо и начинается вода. Если поставить кого-нибудь на камне, который немного скрыт под водою, то он увидел бы себя находящимся посередине неба. Белое море отражает в себе точную копию неба.

На Белом море – много островов. Некоторые из них покрыты северным лесом и травою, но другие представляют собою только голые каменные скалы.

Лето на островах непродолжительное; снег лежит иногда до половины мая, а в сентябре уже начинаются холода. Зимы снежные, морозы до тридцати градусов. Летом часто идут дожди. На море нередко бывают бури. Вообще, климат суровый.

Petrow_kor.indd 235 10.09.2015 15:05:16

В 1921 и 1922 годах советское правительство решило устроить на Соловках лагерь для заключённых, противников коммунистической идеи. На острове было много монастырских построек: келий, часовень, церквей, общежитий для монахов и ночлежных домов для приезжих богомольцев. Все эти дома были конфискованы, т.е. отобраны и заняты заключёнными. Монахи и служители церкви, за исключением немногих, были разогнаны.

Впоследствии вся эта система управления была названа «СЛОН», т.е. Соловецкий лагерь особого назначения. Соловецкая обитель превратилась в ужасную тюрьму, в которой несколько сот тысяч людей уже нашли свою безвременную могилу. Начало было заложено только на Соловецком острове, а потом концлагерь постепенно разрастался и на другие острова Белого моря, куда тоже помещали заключённых. Кроме того, по берегу Белого моря было открыто несколько сот других командировок; начиная от Мурманска на берегу Ледовитого океана и до Архангельска – всюду на лесных участках работали заключённые. Почти все лесные разработки производились руками заключённых.

Соловецкий остров и построенный на нём мужской монастырь, оказывается, был местом заключения чуть ли не от начала его существования.

На острове был построен великолепный храм, в котором православные священники каждый день совершали богослужения. Внизу храма, в подземелье, была тюрьма, и в то время, когда священники в позолоченных ризах и шелковых одеяниях совершали моление и славословие, под ними там же томились жертвы формализма и мертвой религии. Среди них было несколько священников, которые каким-то образом чрез Евангелие уразумели Свет Христов, и по влечению Духа начали проповедовать его в своих храмах. Святейший Православный Синод осудил их за это на пожизненное заключение в подземелье этого монастыря. Заключённые никогда не видели света, никогда не выходили на волю. Это было еще до революции. Оказалось, что в этих казематах было заключено несколько проповедников-баптистов, которые там и перешли в вечность. Их имена узнали, когда советская власть выгнала монахов и

отобрала у них все книги и записи, которые хранятся теперь в Соловецком музее.

Много в этих стенах было мучеников, пострадавших за истину. По некоторым историческим сведениям, еще при Иоанне Грозном в Соловецкий монастырь ссылались на пожизненное заключение те священники, которые желали внести что-либо из Евангелия в жизнь православной церкви.

В истории мира ещё нет подробностей того, как Евангелие прокладывало себе путь среди православного народа. История написана, и когда-либо в недалеком будущем мир узнает кошмарную трагедию человеческого безумия. Ужас охватывает душу при чтении истории инквизиции в Испании, но история евангельского движения в России ещё ужаснее. Где только прошло Евангелие, там видны следы лишений и крови последователей Христа. В России власть православной церкви разрушена. Если она ещё где-то совершает свои богослужения, то в очень уж жалких условиях. Видно, она переполнила меру беззакония.

Число заключённых в лагере Соловецкого острова, не считая его многих отделений, доходит до тридцати тысяч. Состав заключённых на острове – преимущественно интеллигенция. Там вы можете встретить много православных священников, дьяконов, епископов, архиереев, псаломщиков. Ссылают туда в основном тех, кому назначен срок заключения в пять или десять лет. Есть там инженеры, учителя, профессора, бывшие фабриканты, есть также много проповедников Евангелия – как баптистов, так и евангельских христиан. Есть и уголовные преступники, но их очень мало, потому что если уголовников судить и ссылать в концентрационный лагерь, то нужно всю Россию сделать тюрьмой.

Обыкновенно осуждают за политические дела; за воровство и другие подобные дела судят редко, потому что таковы условия жизни: начиная от простого рабочего на фабрике и заканчивая комиссарами в московском кремле, никто не может жить на то жалованье, которое получает, никто не может быть довольным тем пайком продуктов, который ему дают, и потому все друг у друга воруют. Ворует бедняк, ворует коммунист, ворует и комиссар – все воруют.

Petrow_kor.indd 237 10.09.2015 15:05:16

Россию всю разворовали. Там теперь нет никаких богатств, никаких ценностей. Всё у всех конфисковано, и у тех, кто делал это, тоже уже ничего не осталось.

Фабрики и заводы работают день и ночь, но работают для дырявого кошелька. И действительно, исполняются над нашей страной слова мудрости из Псалма 126:1-2 – «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж. Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, едите хлеб печали». Я не хотел бы затрагивать внутреннюю жизнь народа, но моё сердце болит, и я не могу молчать. Я хотел бы кричать на весь мир, чтобы люди остановились и познали свет Господа нашего Иисуса Христа, ибо Он один дает понять, что есть истинная свобода.

Теперь уже на деле видно, что свобода, насаждённая ложными идеями, привела наш бедный русский народ к такому рабству, которого мир, наверное, ещё не видел. В России может быть довольным только тот, кто потерял совесть, в ком нет любви и сострадания, кто выбросил из своего сердца всё чистое и святое, и дал восторжествовать в нём семи злейшим.

Нашему многочисленному народу была широко открыта дверь спасения чрез проповедь Евангелия, но они, за исключением немногих, не приняли спасительной благодати, не приняли святой жертвы Сына Божия на Голгофе, поэтому им ничего не оставалось, как принять другого – того, кто был от начала лжец и отец лжи; он не устоял в истине, ибо он «человекоубийца» от начала.

Мне теперь понятно, какое будущее ожидает царство антихриста. О, бедные грешники, не принявшие Иисуса своим Спасителем и Господом! Если бы они знали, что ожидает их даже в этой жизни! Бог пока допустил сатане показать свою власть только в России, чтобы этим предупредить всех, чтобы они остановились на своих беззаконных путях и начали поистине служить Богу, иначе всех ожидает участь, подобная жизни в России.

Церковь Христова должна обратить особое внимание на это проявление и приготовиться к встрече своего Господа.

«О, кто даст голове моей воду и глазам моим источники слез! Я плакал бы день и ночь о пораженной дщери народа

моего»[46], – так говорил однажды великий пророк, видя ужасное бедствие своего народа. Так и русский народ находится теперь в ужасном положении. За каждую высказанную правду вас арестовывают, заводят на вас дело, приговаривают вас без всякого суда и следствия в тюрьму, концлагерь, ссылку. Защиты вы не имеете ни в ком, хотя и знаете, что не виноваты в том, в чём вас обвиняют.

В Москве есть особая коллегия из трёх или пяти человек, уполномоченных ГПУ. Следователь, которому поручено ваше дело, посылает о вас своё заключение, и вас приговаривают на три года, пять или десять лет. Присылают вам записку в три строчки, в которой вы читаете: «Слушали... Постановили... Пять или десять лет». Вы подписываетесь. Дело закончено.

«Сеятель Истины» № 8. Август 1933 г. стр. 12-14

Всё управление Соловецкими лагерями находится в руках самих заключённых; то же самое и с надзором, что особенно жестоко отражается на заключённых. В надзор могут попасть только провинившиеся партийные работники, которые находились на службе у советской власти. Надзору оказываются особые привилегии: они живут в лучших помещениях, каждый спит отдельно на особой деревянной кровати; снабжаются особым лучшим обмундированием, получают усиленный паек питания. Надзору предоставлена абсолютная власть делать с заключёнными всё, что они найдут нужным. За верную службу служащие надзора получают снижение срока заключения. Денежное вознаграждение выдается им ежемесячно. Если какой-то заключённый совершает побег, во время погони за ним надзиратели получают ежедневные прогонные, а если найдут такового, то получают награду. Честный человек никогда не пойдет на службу в надзор, а идут туда люди скверные, с тёмным прошлым, преступники. Иногда таковые попадали в Соловецкий лагерь даже не потому, что совершили преступление – они просто стояли на пути кого-нибудь, кто выше их, или же не сумели хорошо, т.е. чисто, обделать свои делишки: дело получило публичную огласку вследствие их неумения или неосторожности, их судили и выслали для наказания. Надзор из заключённых – это бич для заключённых.

46 Библия. Книга пророка Иеремии 9:1.

Бывали случаи, когда надзор без доказательства вины расстреливал заключённого. Он мог сказать, что заключённый, например, пытался бежать, и потому он его застрелил. Надзирателю всегда есть вера, а заключённому нет никакого доверия.

Санитарные условия в Соловецких лагерях самые скверные. Доктора – тоже из заключённых, и им даётся строгое задание: не освобождать от работы, если температура у больного меньше тридцати восьми градусов. А ведь бывают болезни и без повышенной температуры, но на это внимания не обращают – больной должен идти на работу.

Пишущий эти строки на себе испытал это. Поднимая тяжелое дерево, я надорвал спину, и от страшных болей в спине не мог нагнуться. Пошёл к фельдшеру в околоток, но тот ничем не помог мне, и приказал идти на работу. Я со слезами на глазах пошёл в лес. Хорошо, что мы, все братья, вчетвером работали вместе – братья целый месяц выполняли за меня мою норму работы.

Там нет здоровых людей, все больные, за исключением очень немногих, которым удалось по знакомству устроиться при хозяйственной части. Иногда очень уж слабым снижают урок до половины нормы.

В то время, когда я отбывал заключение в Соловецком концлагере на острове Мяг, урок, т.е. норма дневной выработки, состоял из двадцати бревен на человека. Нужно было дерево спилить с корня, очистить от сучьев, отрезать в меру 10 аршин[47] длины, от 2 до 20 вершков[48] толщины (вершок равен 1¾ дюйма) (это примерно от примерно 9 до 88 см толщины.) Затем бревна нужно свалить в одну или две кучи Вы не можете себе представить страдания бедных заключённых, которые не могли выполнить норму ежедневной работы. Не выполнившего норму оставляли на ночь в лесу, а таковых каждый день бывало по несколько десятков.

В Соловецких концлагерях имеется своя своеобразная арифметика. Если врач снижает норму задания на день до половины, то это, по их счету, не десять бревен, а пятнадцать или шестнадцать. Выполнить меньше нельзя, как нельзя и убедить надзор в том, что это неправильно, что это просто издевательство, ибо это делается умышленно.

47 10 аршин – 7,11 метров.

48 от 2 до 20 вершков = от 9 до 88 см толщины.

Petrow_kor.indd 240 10.09.2015 15:05:16

На командировке Мяг-острова в 1929 году заключённых было триста человек. Половина из них работала в лагере, а половина – в лесу. Не выполнившие норму оставались на ночь в лесу с конвоем, который приказывал им разложить большой костер, ставил их всех в шеренгу шагах в двадцати от костра, и они должны были простоять всю ночь на морозе, не шевелясь и не разговаривая между собою.

На другой день из пункта привозили для них по одному фунту хлеба. Съев хлеб, они должны были наравне со всеми идти на участок и полностью выполнять дневную норму, иначе им опять бы пришлось всю ночь стоять в лесу. Некоторые по целым неделям не приходили в пункт. Они были не способны к работе, были голодны, измучены, без сна. Они проклинали всё на свете, ругали и хулили Бога и Христа.

Были случаи, что, простояв всю ночь на морозе, некоторые отмораживали ноги, руки и другие конечности тела.

В 1929 году шестьдесят восемь человек совершили над собой увечье: отрубали пальцы, кисти руки, разрубали ноги и калечили себя, чтобы таким путем избавиться от работы в лесу. Я лично видел такие кровавые сцены. Весь экспортный лес, который иностранные государства покупают у советской власти, облит слезами и запачкан кровью заключённых.

Однажды, возвращаясь по окончании работы в пункт, я увидел, что вся дорога от участка до пункта залита кровью. После выяснилось, что один заключённый разрубил себе ногу, и его, окровавленного и изуродованного, вели в пункт.

Как-то утомленный заключённый подошёл к костру, где находился конвой, и попросил отпустить его с работы, объясняя, что чувствует себя больным, и не в силах работать. Конвойные его не отпустили, накричали на него и обещали посадить в карцер. Этот бедный раб взял топор и на глазах у всех отрубил себе большой палец на левой руке. Конвоир с винтовкой закричал ему: «Мало отрубил, руби ещё!» Заключённый еще раз взмахнул топором – и отлетела вся кисть левой руки!

Представьте себе, до чего должен дойти человек, чтобы сознательно отрубить себе руку! Какая душевная борьба скрывается за этим! Испанская инквизиция бледнеет пред всеми ужасами произвола советской власти. Такую систему мог придумать только тот, кто был «человекоубийцей» от начала...

В моей памяти остались тысячи таких случаев. В этих лагерях человеческая жизнь не имеет никакой цены. Человек – на одном уровне с насекомыми. Преступные надзиратели с наклонностями садистов пользуются беспредельной властью над жизнью и смертью своих жертв.

Не забудьте, что во всех лагерях все надзиратели и начальники командировок – из бывших чекистов, у которых руки и душа обагрены кровью, из чекистов-садистов. Они сполна прошли весь курс школы Ягоды[49], Дзержинского и Уншлихта[50]. Нужно помнить также, что это сплошные пьяницы и развратники.

На главном Соловецком острове бывает до тридцати тысяч заключённых, а вся остальная масса заключённых размещена на других островах Белого моря и по всем его берегам, где только есть лес. На острове проведена узкоколейная железная дорога вглубь лесного массива, по которой доставляют лес и дрова к населенному пункту. Имеется кожевенный завод, механические мастерские, а также столярные и литейные, отдел по заготовке обмундирования для красной армии и всех заключённых соловецких лагерей; есть много разных других производств и промыслов, например, как отдел рыбной ловли, засолки...

Все рабочие-заключённые работают совершенно бесплатно. Получают только продуктовый паек, обмундирование и тесные, грязные, вшивые бараки для ночлега с массою других насекомых, как-то: клопов, тараканов, а в летнее время – мух и комаров.

Хотя заключённые ловят много различной рыбы, но есть её они не имеют права. Заключённым дают рыбные отбросы, а также очень мелкую рыбёшку. Были случаи, когда правительство СССР закупало на иностранных рынках дешевую рыбу низкого качества, а свой улов, хорошую рыбу, экспортировало за границу. А рыбу низкого качества, закупаемую за границей, привозили для заключённых, также ею снабжали многие го-

49 ЯГОДА Генрих Григорьевич – член президиума ВЧК, заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР, генеральный комиссар государственной безопасности, нарком внутренних дел СССР.

50 Уншлихт Иосиф Станиславович – из-под его пера вышло положение о лагерях Особого Назначения («для особо вредных врагов Советской власти, которые нанесли или могут нанести ей вред»).

Petrow_kor.indd 242 10.09.2015 15:05:16

рода России. Рабочие в городах рады были получить хоть что-нибудь, чтобы утолить свой голод.

В 1929 году на Соловецком острове было двадцать девять тысяч заключённых мужчин и женщин. Остров по мере надобности с осени наполняли заключёнными. В зимний период с островом нет никакого сообщения, потому что он находится от берега километрах в шестидесяти. Белое море замерзает километров на пять от берега, в некоторых местах – немного больше, а середина не замерзает совсем. Приливы и отливы не дают воде замерзнуть. В зимнее время изредка туда и обратно летит аэроплан с каким-нибудь экстренным поручением. Почтовое сообщение с островом бывает очень редко. Имеется несколько лодок, которые совершают свои рейсы от берега до острова. Эти лодки часто гибнут, не достигая назначенной цели. Во время прилива или отлива они попадают в сплошную массу льда, в которой течение носит их по всему Белому морю. Если людям посчастливится случайно попасть на какой-нибудь остров и выйти на сушу, они подают различные сигналы, чтобы их спасли, а если их сигналов не увидят, тогда погибают от голода. Бывают случаи, что такие почтовые лодки носит так долго, что люди на них замерзают или погибают от голода. Все они – из заключённых.

С наступлением весны, когда на остров приходили пароходы, нередко оказывалось, что больше половины заключённых умерло. Очевидцы рассказывали, что умерших закапывали в большие ямы, сваливая их туда, как мусор; а когда яма наполнялась доверху, ее засыпали песком или мерзлой землей. Многие умерли от морозов, потому что одежду выдавали очень легкую. Немало заключённых умерло от истощения, потому что не хватало выдаваемого пайка. От истощения в большинстве умирали те, которые не получали из дому от родственников посылок с продуктами. Но, хотя родственники и посылают пищевые посылки, зимой ни один из заключённых получить её не может. Эти посылки задерживают в г. Кеми и до весны сваливают в ярусы на пристани. От продуктов до весны мало что остается, потому что их поедают крысы, иногда они сами портятся, а иногда их просто забирает охрана. Если заключённый и получает весной посылку, то она или с испорченными продуктами, или половины их нет.

«Сеятель Истины» № 9. Сентябрь 1933 г. стр. 10-11

Много заключённых умирает от тифа. Это ужасный бич для арестантов, с которым не в силах бороться медицинский персонал. К тому же ни один заключённый не найдет доброго слова, чтобы помянуть представителей медицины, обслуживающих миллионную каторгу Соловецких лагерей.

Соловецкие врачи подбираются, очевидно, под общий режим каторги. Врачу честному, с непотерянными чувствами, там нет места. Если он не подчиняется приказу начальника чекиста, тогда он сам должен идти на общие работы. Все врачи и фельдшеры – из арестантов. По нравственному уровню они не выше каторжных надзирателей. Они тоже не признают за арестантом право хворать и быть слабым. Когда кто-либо из заключённых заболеет и приходит к врачу, тот ставит термометр, и если температура ниже тридцати восьми, от работы не освобождает. Обыкновенно доктор смотрит на слабосильного и кричит:

– Ты что тут разводишь симуляцию?! Голова на плечах, руки есть, ноги тоже ходят – значит, можешь работать, пошёл вон!

Это я лично испытал на себе.

Многие умирают от цинги. В одной палате из ста цинготных больных в живых осталось только пять.

Конечно, при недостатке здоровой пищи, белья, одежды и лекарств и самый лучший врач едва ли может принести пользу больным. Да ещё и вся ужасная система ссылки убийственно действует и на врачей, даже хороших и честных. У меня был хороший знакомый – доктор, человек кристальной честности, полный сострадания, но, в конце концов, я увидел то же самое, что было с другими, преступными от начала: сначала он боролся, терпел выговоры и т.д., но потом не устоял – своя шкура всё же была дороже, чем жизнь и здоровье других.

Некоторые умирают от различных истязаний, пыток, а многие умирают от пуль чекистов надзора. На Соловках люди каждый день вешаются, топятся, бросаются под поезда, рубят себе руки и ноги, чтобы только избавиться от общих работ – при всём этом в душе врача теряется всякое представление о какой-то болезни одного арестанта или о его страданиях, даже невыносимых. В таком океане сплошного ужаса отдельное

страдание незаметно. И доктора поддаются этому, не говоря уже о надзоре.

Беглецов обычно убивают там, где их настигают. Трупы их иногда бросают на видном месте пункта или около барака, а иногда – у отхожего места, где они лежат порой до двух недель; это делают для того, чтобы другие имели страх и не решались бы бежать из ссылки.

Если кто-то совсем не может работать на общих работах, особенно старики-священники православной церкви, то их заставляют работать по лагерю. Работа эта исполняется тоже на урок, т.е. по заданию. Они возят на себе воду на санях из дальних колодцев, даже летом возят на санях, которые еле тащат по сухой земле. О, это ужасное зрелище издевательства над личностью…

Соловецкая каторга не знает строго определенного срока наказания. Если, скажем, вы благополучно отбыли свою меру наказания в три, пять или десять лет (хотя десять лет никто там не может выдержать), то это ещё не значит, что вас выпустят на свободу. Когда закончился срок вашего заключения, ваше дело и все бумаги посылают в Москву, в центральное управление ГПУ. Вместе с этим начальник пункта посылает свой отзыв о том, как вы вели себя в ссылке. На каждого заключённого ведётся дневник, где записываются его разговоры, работа и поведение. Очень часто случается, что по окончании срока на заключённого присылают постановление, в котором говорится, что срок его ссылки продолжается ещё на три или пять лет. Самое лучшее, если кто-нибудь получает приговор на ссылку куда-либо в отдаленные края России – Северный край, Сибирь, Азию или Урал.

Когда у меня самого закончился трехлетний срок заключения, мне пришлось пробыть сверх этого ещё шесть месяцев, и мне с иронией сказали, что вместо меня по ошибке выпущен однофамилец. Затем я получил приговор из Москвы ещё на три года ссылки – в Северный край Архангельской губернии. Условия ссылки были ничуть не лучше, чем на Соловках, а в некоторых случаях – даже хуже.

Такие невыразимые страдания совершенно не будят человеческое сознание, но ужасно ожесточают людей, делая их замкнутыми и грубыми. Нам, верующим, приходилось свиде-

тельствовать о любви Божией, но она для заключённых так и оставалась непонятной. Они ожесточили своё сердце даже против Бога, Который один только может осветить мрак Своим вечным светом. Я понимаю теперь будущее состояние грешников в аду – они никогда не придут в состояние раскаяния, как и сам дьявол. Он по определению Бога знает своё наказание, но никогда не сделает попытки признать свою вину и раскаяться пред Богом. Так и эти несчастные души.

Верующие в Господа, находящиеся в заключении наравне со всеми, живут другой жизнью. Они могут и в огненной печи славить Господа. Они ещё утешают других, никого не хулят и не винят. Они знают, что даже волос не упадёт с их головы без воли их Небесного Отца. Они покорились Ему и за всё благодарят своего Иисуса, как Пастыря, Пастыря доброго, Который Своим путём ведет их на злачные пажити и к водам тихим – даже в ссылке – обещая окончательно и навсегда привести к тихой пристани. Да, путь суров и тяжёл, но Он не оставляет Своих, дает утомленным силу. Даже смерть для верующего не страшна, потому что он очами веры видит за вратами смерти вечный день, вечную радость и любовь Бога.

Таков огонь, который загорелся в России. И он грядёт на всю вселенную за нечестие людей. Мир без Христа несчастен! Здание, построенное на песке, разрушится, и разрушение его будет великое. То, что Божие, устоит вечно; оно не боится бурь и ветров, ибо стоит на скале. Скала наша – Христос, Христос распятый и воскресший.

В этом огне и верующие сильно переплавляются. Те, которые не были насаждением Бога, искоренились, и от них ничего не осталось, всё сгорело, а кто строил на камне, тот устоял и прославил Бога.

Petrow_kor.indd 246 10.09.2015 15:05:16

В Харбине

Из журнала «Сеятель истины» № 12. Декабрь 1931 г. стр. 13-14

Приветствие

(3 ноября 1931 г.)

Всем церквям, находящимся в Соединенных Штатах Америки и других странах, искупленным Кровию Иисуса Христа – радоваться! Приветствую всех детей Божиих любовью Господа нашего Иисуса Христа. Особенно приветствую дорогие моему сердцу церкви Детройта, Питсбурга и Нью-Йорка, где мне приходилось возрастать духовно и трудиться вместе с братьями, указывая грешникам путь спасения.

Также из глубины моего сердца приветствую дорогих братьев, благовествующих Евангелие, а в особенности тех, с которыми я вместе трудился, вместе радовался, вместе плакал. Приветствую П.И. Давидюка, Б.В. Букина, И.В. Непраша, В. Наркевича, П. Барткова, И. Ковальчук, Б. Политыку, И. Бокмельдера и других. Я встретил ваши фамилии в журнале «Сеятель Истины», когда приехал в город Харбин, и был весьма рад, что вы живы и работаете на ниве Божией.

Уведомляю вас, мои дорогие в Господе братья и сёстры, что по милости Господа я остался жив и здоров – как физически, так и духовно. С тех пор, как я оставил Америку в 1921 году, я был лишён с вами всякого общения, даже в переписке. Через месяц после моего приезда в Россию я был арестован за свидетельство об Иисусе, несколько недель просидел в тюрьме, за-

Petrow_kor.indd 247 10.09.2015 15:05:16

тем был отпущен на свободу. 31 декабря 1921 года я по приглашению Петроградской общины баптистов в лице пресвитера общины И.Н. Шилова приехал в Петроград и всё время работал на ниве Божией при общине. В 1923 году, на Всероссийском съезде баптистов в Москве, пресвитер Петроградской общины И. Шилов был арестован и на два года выслан в ссылку в Туруханский край. После высылки брата Шилова по воле Божией и церкви меня избрали пресвитером Петроградской общины. В 1926 году я опять был арестован органами ГПУ, и с 7 декабря два месяца просидел в Доме предварительного заключения, затем был освобождён. Арест произошёл на почве того, что наш Северный Союз был против воинской обязанности, а так как на повестку дня съезда баптистов в Москве был вынесен военный вопрос, нас, несколько человек: меня, Шилова и Леварта – арестовали и изолировали от съезда.

В 1927 году, в первых числах июля, мы собрали свой Северный съезд баптистов в Ленинграде. Власти нам ультимативно предложили в обязательном порядке решить на этом съезде вопрос о военной службе. После долгого обсуждения съезд оставил этот вопрос открытым, чтобы каждый член церкви решал его лично – согласно своей совести и убеждений. В начале съезда нам было заявлено, что если военный вопрос не будет решен так, как желает власть, то мы будем арестованы, что и было сделано: сразу после съезда арестовали пять человек, в том числе и меня. Я просидел в Доме предварительного заключения семь месяцев, затем по постановлению ГПУ был приговорен к трём годам заключения в Соловецкие лагеря. При всех ужасных издевательствах над нами великий Бог сохранил нас в живых, и мы благополучно отбыли наше заключение. Мне пришлось просидеть еще шесть месяцев сверх срока, так как выяснилось, что вместо меня был отпущен на свободу мой однофамилец, а мне потом пришлось долго ходатайствовать о моём освобождении. Добившись своего освобождения, я предполагал, что меня действительно отпустят на свободу. Но вышло не так: по постановлению особого совещания ГПУ в Москве меня приговорили еще на три года высылки в Северный край Архангельской губернии, и условия этой ссылки оказались для меня более суровыми, чем ужасы Соловецких концлагерей.

Здесь я пробыл один год. По особому внушению от Господа я решился оставить свою родину и, хотя со многими трудностями, но при помощи моего Господа, я перешёл границу и теперь нахожусь в Китае, в городе Харбин.

Есть у меня желание попасть в Америку, но пока имеется много препятствий – как в получении разрешения на въезд в Америку, так и в денежном вопросе. Конечно, если Господу будет угодно, тогда Он устранит все препятствия и поможет мне в моём желании. Хотелось бы повидаться с вами и порадоваться вместе, но да будет на всё воля Божия. Молитесь и вы обо мне, чтобы Господь устроил всё по Своей воле. Когда я приехал в Харбин, читая журнал «Сеятель Истины», узнал, что дело Божие в Америке развивается, весьма обрадовался успеху духовной работы и решил написать вам, что Господь сохранил меня в живых. Очень буду рад, если кто будет писать мне письма. (Адрес А. Петрова можно получить в редакции «Сеятеля Истины»).

Долгое время я был лишен радости общения с детьми Божьими, долго не слышал хорового пения, и, когда я вошёл в зал собрания в Харбине, сердце моё переполнилось радостью и благодарностью Господу, но потом радостные чувства оставили меня – я вспомнил своих дорогих братьев и сестёр, которые там, на родине, томятся в узах; многие из них устали, а некоторые уже отошли в вечность, и успокоились в вечной любви Иисуса. Когда я уезжал с места ссылки, многие просили передать всем вам, любящим Господа Иисуса, искренний и сердечный привет, и просили ваших святых молитв, чтобы Господь укрепил их дух на суровом жизненном пути, который выпал на их долю. Все страдальцы смотрят бодро, всё принимают, как от руки Господа, и за всё благодарят. Они проходят огненную печь и с поднятым взором ожидают скорого явления своего Спасителя – Господа славы.

Возлюбленные Господом! Дорожите временем – скоро настанет ужасная ночь, когда никто ничего не сможет делать! С севера загорится огонь, да и уже загорелся, и он пройдёт по всей вселенной, чтобы испытать живущих на земле!

Много чего есть сообщить вам о деле Божием на нашей родине, и если Господь не позволит мне лично видеть вас, тогда сообщу чрез журнал «Сеятель Истины».

Остаюсь с любовью к вам, наименьший в Нем, ваш сотрудник А. Петров.

Примечание: Слава Богу за спасение брата А. Петрова. Будем усиленно молиться за остальных верных Господу страдальцев!

Редакция

Из журнала «Сеятель истины» № 6. Июнь 1934 г. стр. 13

Харбин, Китай

«По милости моего Господа я жив и здоров. Мой Господь довёл меня до Харбина, и здесь Его облако остановилось, и я остаюсь на месте. В местной духовной работе участвую, насколько находят полезным. Работа в общине идёт обычным порядком. В городе имеются три станции для проповеди Евангелия ко спасению душ. Получены сведения, что некоторые братья в России опять арестованы и находятся в тюрьме. Им нужна особая молитвенная поддержка».

А. Петров

Из журнала «Гость» № 9. Сентябрь 1934 г.

Вы спрашиваете, что нового у нас в Харбине. Наш Харбин опять постепенно погружается в водную стихию. Часть города за рекою совсем залило водою. С самой весны почти ежедневно – проливные дожди. Затоплены и другие города, сёла и деревни. Между тем недалеко от нас, вокруг города Шанхая – невероятная жара, всё сгорело, от жары люди умирают на улицах. Вчера получил письмо из Америки, из города Детройта, в котором брат сообщает, что у них тоже днём – невыносимая жара, а по ночам – мороз. Если появляются дождевые тучи, то вместо дождя падает град, выбивающий всё, что удалось вырастить с помощью искусственного орошения.

Да, начинаются суды Божии... Церковь должна приготовиться к встрече со своим Господом, но, увы, она очень невнимательна к этому величайшему событию. Духовная работа в Харбине идет слабо. С каждым днём люди всё глубже и глубже опускаются во тьму. Грозные стихийные бедствия не останавливают грешников на их греховных путях. Из журналов мы видим, что в Польше наступает пробуждение. Слава Богу, если

Молитвенный Дом в Харбине.

это не только для отчетов, и не только на бумаге. В России всё еще темно. Наши братья находятся в невыносимых условиях. Дьявол объявил войну не на жизнь, а на смерть. Победа над ним совершена на Голгофе, но удержит ли Церковь порученное ей знамя победы? Привет всем детям Божиим. В мире темно, а мы – свет миру.

Остаюсь с любовью к Вам А. Петров.

Petrow_kor.indd 252 10.09.2015 15:05:16

Детский сиротский приют «Вефиль» в Харбине 1934-1953

Детский сиротский приют в Харбине

Третий годовой отчет с 1.09.1936 г. по 31.12.1937 г.

Великий Бог, Творец вселенной, Отец сирот дал нам возможность просуществовать верою в Его обетования еще один год. Господь был верен Своему Слову и не оставил в стыде нас, надеющихся на Него. Наш Господь заботился обо всех наших нуждах, и в своё время посылал нам всё потребное для нашего существования. От тридцати до тридцати шести человек всегда имели насущный хлеб, одежду, обувь и всё потребное для жизни. Сердце Бога нашего для нас всегда было широко открыто. Его ухо всегда готово было выслушивать наши просьбы.

Враг всякой правды часто восставал против нас, употребляя всю свою власть: ложь, клевету, лесть и т.п., но он потерпел полное поражение. Дело веры устояло, и в истекшем году оно перенесло все бури и невзгоды. Солнце Правды снова засияло над внезапно утихшей водой.

Я часто задавал себе вопрос: зачем врагу всякой правды восставать против такого негромкого, притом очень маленького по размерам, дела веры? Это дело веры представляет из себя горчичное зерно, почти никем не замеченное. В ответ на мой вопрос я получил следующее: это маленькое дело веры есть свидетельство верности и неизменности обетований

Petrow_kor.indd 253 10.09.2015 15:05:16

Бога, данное человеку, чтобы безопасно пройти свой краткий путь земной, предназначенный Самим Богом. Этот маленький светильник есть свидетельство Бога в том, что Он есть Бог живой, слышащий молитвы и исполняющий просьбы Своего творения, если они по Его воле. Это маленькое дело веры есть свидетельство Бога для тех людей, которые совершенно отвергают Его существование. Это есть свидетельство верности Божией для членов Церкви Христовой, которые в это последнее время испытывают острую материальную нужду. Это дело веры есть свидетельство для всех верующих в Иисуса Христа, чтобы они не отчаивались в трудных обстоятельствах жизни, а уповали на Бога, Который всегда был верен Своим обетованиям. Это говорит о Божьей любви и заботе о Своем творении. Вот этот маленький светильник веры диавол хотел потушить. Он не хотел, чтобы в его время, когда он господствует на земле, свет Божьей правды был виден и приводил людей к Богу. Сейчас миллионы людей во всеуслышание кричат, что Бога нет, что всё это само по себе так крутилось да вертелось, и потом во вселенной получился такой гармоничный порядок с точными законами. Это дело веры – наперекор всякой безбожной мысли и пагубным идеям – служит практическим свидетельством существования Бога как Творца вселенной, и причиной всякого бытия. Это дело веры служит ярким свидетельством существования Истинного Бога среди языческого мира.

Не так давно наш приют посетил один японский начальник. Он пришёл проверить наш приют. В разговоре он спросил меня:

– Каким путём вы добываете средства для содержания сирот?

Я ответил:

– На содержание сирот мы получаем средства от Бога, Творца вселенной. Мы в молитве обращаемся к Нему, и Он слышит наши молитвы, потому что наш Бог есть Бог Живой, не сделанный руками человека, это Он творит всё и дает всему дыхание и жизнь. Он повелевает Своим людям, которые послушны Ему, дать известную сумму на нужды приюта, и они дают. Мы не знаем, у кого просить помощи, потому что теперь все бедны, а наш Бог имеет в Своём распоряжении всё золото и серебро, и все сердца людей находятся в Его власти.

Petrow_kor.indd 254 10.09.2015 15:05:16

Переводчиком был чиновник из городского совета, которому мы ежемесячно представляем наши отчеты. Это тот самый чиновник, который в первый раз приезжал к нам, когда мы открывали наш приют. Он не мог понять меня, когда я ему говорил, что средства для содержания сирот мы просим у Бога, и Он даёт нам их. Теперь, спустя три года и четыре месяца, он изменил своё отношение к делу веры и понял, что действительно Сам Бог заботится о содержании этих сирот. Когда этот чиновник передал мой ответ японскому начальнику, тот сначала в недоумении посмотрел на меня, а затем что-то спросил у переводчика; тот дал ему пояснение и подтвердил мои слова. Тогда он несколько времени сидел молча, как бы что-то соображая, и изредка посматривал на меня. Наконец он сказал через переводчика:

– Я очень рад вашему делу по призрению сирот, желаю вам полного успеха расширить это дело веры до больших размеров.

Не пожелав ничего осматривать – ни отчета по книгам, ни состояния детей – он в приподнятом настроении, с задумчивым лицом оставил наш приют. Это было ясным свидетельством о Живом Истинном Боге.

Разные люди часто меня спрашивают:

– Как вы существуете, чем вы живете, какие у вас запасы средств, чтобы содержать сирот, не обращаясь за помощью к людям?

Всем я отвечаю:

– Запасов средств в банке или в каком-либо другом месте мы никогда не имели и не имеем, к общественной помощи мы никогда не обращались, источник наших средств – Сам Живой Бог, к Которому мы и обращаемся во время нашей нужды. Очень часто в кассе мы не имели ни одного фена[51], и наш Великий Бог, Отец сирот, по молитве нашей давал нам в самый критический момент нужное пропитание для детей и всех, находящихся в доме.

Наши нужды знал один только Бог, потому что мы никому больше не открывали их. Наша сила и победа была в молитве, и дьявол прекрасно знал это. Он старался даже через моих близких нарушить мир души моей, и таким образом достичь

51 Фен – денежная единица в Китае, равная одной сотой юаня. В наше время 1 доллар США = 6,83382195 юаня.

своей гнусной цели: чтобы молитва моя была бессильна пред Господом, и чтобы мы потерпели поражение. Он достигал очень многого в этом направлении, но Сам Бог защищал нас и Своей сильной рукой поддерживал нас в трудные минуты наших испытаний. Я часто преклонял свои колени с огорченной душой и разбитым сердцем, чувствуя всё своё недостоинство пред моим Господом, но Он был верен Своему обещанию и не покидал меня. В такие тяжелые минуты я часто ощущал Его близость. Он утешал мой огорченный дух и давал Свой небесный мир. Я чувствовал Его в себе, Он наполнял Собою всё моё существо, и я, снова ободренный и укрепленный Господом и Его могуществом, шёл впереди среди всех невзгод. Он держал меня, иначе я не смог бы устоять среди озлобленных людей. С Ним мы всё победили, и я верю в милость и верность моего Господа, что Он даст нам совершить победу и в будущем году для того, чтобы Его Имя было прославлено среди языческого народа.

Это дело веры для меня есть чудо Божие в этом отступническом мире двадцатого века – века всевозможных научных достижений. Иногда мой Господь отвечал на наши молитвы сразу же, во время молитвы. Таких случаев скорого ответа на наши просьбы было много. Как-то, ещё не закончив молитву пред Господом о нуждах сирот, я услышал стук в дверь. Открыв дверь, я увидел человека, который, протянув руку с деньгами, предназначенными для нужд детей, передавал мне их со словами:

– Примите от меня мой малый дар для бедных сирот.

Вместе мы склонили колени пред нашим Господом и благодарили Его за такой быстрый ответ, потому что деньги были крайне нужны. Наш Небесный Отец знал это, и Он прежде нашего прошения приготовил душу, которая была движима любовью к детям-сиротам и способна к жертвенности.

Однажды, во время острой нужды, я на молитве видел такое видение: я пришёл на месячное миссионерское собрание, где собирались все духовные работники всех протестантских церквей. Собрание состоялось в доме доктора богословия Ч. Леонарда. Когда я вошёл в зал, где уже собрались некоторые проповедники, я увидел, как открылась дверь, и вошел миссионер В. Кун, который живет по соседству с Ч. Леонардом. Закрыв

за собой дверь, он вынул из кармана бумажный кредитный билет и, подходя ко мне, подал его мне со словами:

– Это для детей.

После такого видения я решил пойти на это миссионерское собрание, которое должно было состояться в тот же день. В то время, когда я вошёл в зал собрания, за мною вошёл и миссионер В. Кун. Увидев меня, он достал из кармана кредитную бумажку и, подойдя, вручил её мне со словами:

– Это для сирот.

Я благодарил моего Господа, что Он ведёт меня путем веры. Поблагодарив брата В. Кун за его пожертвование, я ничего не сказал ему о том, что это даяние было по воле нашего Небесного Отца. Моё сердце преисполнилось благодарностью моему Господу. Моя вера ещё более укрепилась в верности всех обетований нашего Небесного Отца. После каждого такого случая я бодрее смотрел в будущее.

Хочу поделиться ещё одним из многих случаев скорого ответа моего Господа на мои просьбы. Во время такой же острой нужды я в молитве просил помощи у Отца сирот. Наступило первое число следующего месяца. В первых числах мы производим расчет: за молоко, в пекарню за хлеб, служащим и другие расходы. Но Небо было как будто закрыто для меня. Несколько дней я не мог получить никакого ответа. Наконец, я во сне увидел в моих руках два ценных письма, в которых находились деньги. И утром я, действительно, получил эти пакеты с чеками. Этих сумм было достаточно на покрытие текущих расходов.

Не всегда мой Господь отвечал так скоро. Осенью мы переживали очень трудное время. Моя молитва как бы не достигала престола Божия. Я много молился, падал во прахе лица своего пред Господом, раскаивался пред Ним, а ответа всё не было. На сердце приходила мысль, что приют надо закрывать. Вот ещё один день протянем в ожидании, а затем распустим детей. В это время одна женщина, мать двоих девочек, пришла в приют просить за своих детей, чтобы мы приняли их к себе и избавили от голодной смерти. Когда она говорила, по её щекам текли слёзы, и я тоже не мог удержаться от слёз. Что делать? Я не находил слов, чтобы отказать бедной измученной женщине. А принять девочек – так мы сами переживаем тяжелое время и уже говорим о роспуске детей… К людям обращаться я не ре-

шался, потому что сердца их были закрыты. Слёзы бедной женщины ободрили мою веру в обетования Божии. Христос как бы говорил мне: «Вы дайте им есть». С полной верой и надеждой я снова пошёл к Отцу сирот. Я принял двух девочек, когда в кассе не было даже одного фена. Поздно вечером и рано утром я стоял пред Святым Богом, умоляя Его дать средства для продолжения Его дела. Я просил Его лучше прекратить мою жизнь, нежели распустить этих бедных деток. Молитва достигла Небес, преодолев все препятствия на своём пути. После этого наш Отец обильно благословил нас. Были приняты эти две девочки, а потом ещё и другие дети.

Наша вера много раз была испытана, а Дух Святой давал возможность надеяться на Его обетования. В самые трудные минуты на душе был особый мир и покой, как будто бы мы имели большие запасы капитала. Да фактически так оно и есть. Господь говорит: «Моё золото и серебро». Все сердца сынов человеческих, имеющих изобилие средств, в Его распоряжении. Иногда приходили деньги от людей, которых я никогда не знал, не имел с ними переписки и никакого знакомства, живущих за несколько тысяч километров, в других государствах. Бог действовал Сам. Пятнадцать государств участвовали в истекшем году в нуждах дела веры приюта «Вефиль».

По воле Бога приют получал помощь из Англии, Америки, Германии, Франции, Бразилии, Австрии, Канады, Японии, Китая, Польши, Латвии, Швейцарии, Швеции и Маньчжурии.

В течение прошлого года мы по воле Божией получили 5676 долларов 44 цента добровольных пожертвований. Эти средства были на коленях выпрошены у Бога, Отца сирот. Ни за одним центом мы не обращались к людям, и Бог давал нам – хотя не всегда в то время, когда нам хотелось, потому что Он всегда имеет Своё время и Свой час.

Администрация и дети приюта «Вефиль» приносят сердечную благодарность Богу и всем участвующим в наших нуждах. Великий, вечный и справедливый Бог да вознаградит Вас в оный день, когда Вы явитесь пред Ним и услышите благословенный призыв Иисуса Христа: «Приидите, благословенные Отца Моего и наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был наг и вы одели Меня». Тогда праведники ска-

жут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? ... И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»[52]. Апостол Иаков говорит: «Чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях»[53].

В это время, когда я пишу эти строки, в моей комнате сидит бедная женщина, вдова. Её муж умер несколько месяцев назад, оставив двоих детей, девочку девяти лет и мальчика трёх лет. Она во имя Бога просила принять её детей в приют «Вефиль». Хотя она член православной церкви, все приюты отказали ей в приеме её детей, потому что ей нечем заплатить. А мы не могли принять её детей, потому что наше помещение больше не могло вместить детей, заняты были все места, и некоторые даже спали в столовой… Но, видя её горе, нужду, глубокую скорбь и слёзы, я не мог отказать ей и решил принять её детей, надеясь, что Господь даст нам другое помещение, в котором можно будет разместить больше бедных детей, чем мы можем сейчас. Сегодня это была уже вторая посетительница с просьбой принять в приют её детей. Какая радость засветилась на лице этой бедной женщины, когда я сказал ей, что её дети будут приняты в приют. Слёзы были утёрты, душа успокоилась, ведь теперь она могла поступить куда-нибудь на работу, зарабатывать себе пропитание и по возможности помогать детям. Иногда матери наших воспитанников посещают собрания, где проповедуется Евангелие, и слушают Слово Божие. Одна из таких матерей уверовала в Иисуса Христа как своего Спасителя, и стала членом Церкви Христовой.

Все дети воспитываются в чисто евангельском духе. Каждый вечер после рукоделия все дети вместе с воспитательницей Верой Николаевной Петровой читают урок воскресной школы, заучивают на память золотой стих. Во время уроков звучат вопросы и ответы, а также ведется беседа по всем жизненным вопросам. В конце или в начале года в воскресной школе делается обзор пройденных уроков, и почти все дети приюта, за исключением немногих, могут наизусть рассказать все золотые стихи Священного Писания за целый год. В начале

52 Библия. Евангелие от Матфея 25:34-40.

53 Библия. Послание Иакова 1:27.

и в конце таких бесед дети поют несколько духовных гимнов, и стройная детская песнь несется к Небесам. В летнее время прохожие часто останавливаются напротив приюта и слушают пение, напоминающее им о живом Боге. Все дети, которые могут читать, имеют при себе Библии, полученные в подарок чрез брата Г.И. Ясиницкого от русского библейского фонда из г. Филадельфии (Северная Америка). Дети также посещают воскресную школу при местной церкви русских баптистов. Они любят посещать собрания, где проповедуется Слово Божие, и хорошо знают многие события из Библии.

Наша цель – воспитывать детей приюта в здравом учении нашего Господа, Который повелел исследовать Писания, потому что они свидетельствуют о Нём как о Спасителе рода человеческого. Мы воспитываем детей так, чтобы они были хорошими гражданами государства, были честны, трудолюбивы и полезны для общественной жизни, чтобы жили не только для себя, но и заботились о других... В настоящее время среди народа чувствуется особенно острая нужда – потому, что люди не видят в ближнем своём брата своего, закрывают друг от друга глаза и сердце. В одном государстве миллионы пудов продуктов питания уничтожаются ради того, чтобы поддержать рыночные цены, а в другом государстве, наоборот, тысячи людей умирают от голода...

Приют «Вефиль» поддерживает бедных сирот, которые почти ничего не могут платить. Некоторые вдовы по силе возможности вносят в кассу приюта добровольно до сорока долларов в месяц, а ежемесячный расход по содержанию всех сирот – более четырехсот долларов. Остальные средства мы на коленях выпрашиваем у Бога, Отца сирот. Когда я заканчиваю этот отчет, в приюте содержится тридцать три человека, в том числе – одна вдова, восьмидесятилетняя старушка. Дети приюта собраны из разных общин и церквей: православные, методисты, баптисты, пятидесятники, лютеране, адвентисты и католики, а также из различных национальностей.

Порядок дня

Школьные дни распределяются следующим образом: В 6.45 утра дети встают. До 7.20 – умываются, приводят

себя в порядок. В 7.20 садятся за стол, по порядку читаем одну главу из Библии, молимся и поем. После молитвы – завтрак. После кушанья опять благодарим Бога за Его заботы о нас, за насущный хлеб, подаваемый Им каждый день, просим благословения на дневной труд, просим, чтобы Господь хранил нас всех от несчастных случаев, от болезни и от греха. Приносим на руках наших молитв всех наших друзей, чьи сердца открыты для нужд сирот. Просим Господа расширить это дело веры, чтобы и другие дети могли иметь приют в доме «Вефиль». И каждый день молимся за нашу родину Россию, за весь мир, за всех человеков, а особенно за Церковь Иисуса Христа, которая переживает тяжелое время перед пришествием её Жениха – Иисуса Христа...

Обед в приюте – в час дня. В 3.30 дня дети с помощью учительницы делают уроки. В 6.30 занимаются рукоделием: все дети, в том числе и мальчики, вяжут из ниток различные вещи, вышивают на полотне. В 7.30 – пение и чтение Слова Божия с пояснением из прочитанного. В 8.30 – ужин. Пред сном ещё молимся...

В воскресные и праздничные дни имеется другое расписание. Дети встают в 7 часов. В 7.45 садятся за стол, мы читаем главу из Библии и просим Бога благословить пищу. Закончив завтрак молитвой, дети готовятся в воскресную школу, которая начинается в 10.30 утра. В 13 часов – общий обед. От 2.00 до 3.00 – отдых для всех детей и служащих. От 3.00 до 4.30 – прогулка по городу или в пригородном саду. После 4.30 детям предоставляется полная свобода. В это время детей посещают родственники. Старшие дети идут на вечернее собрание баптистов, одна из наших воспитанниц участвует в церковном хоре. Детям представляется полная возможность посещать и другие собрания, кроме баптистских. Если родители или знакомые приходят за детьми сами, то им ставится непременное условие, чтобы они привели их обратно в назначенное время.

Сверх недельного расписания, каждую пятницу с семи часов вечера в приюте происходят молитвенные собрания с проповедью Евангелия. Иногда нас посещают местные проповедники протестантских церквей, которые участвуют служением наставительного слова для детей. На таких собраниях бывают

посторонние люди – как из членов протестантских церквей, так и другие. По понедельникам и четвергам с пяти часов вечера происходит спевка детского хора под руководством опытного регента церкви русских баптистов.

Цель приюта «Вефиль»

Администрация детского сиротского приюта «Вефиль» имеет три основных цели, ради которых и начато это дело веры:

1) Прославление Живого Бога, как Творца и Источника жизни, чрез Его неизменное Слово в этот век отступления от Бога. Всё устарело в этом мире, государства меняют своих правителей, страны изменяют политическое состояние, и все основы всяких начал в этом мире как бы колеблются, и во всём этом неизменен только Один – это Бог, причина всех причин. Он не зависим ни от государственных законов, ни от людей, у Него нет никаких преград для достижения Его целей, Он управляет всем миром, в Его власти – все правители мира, кого Он хочет, того и ставит правителем народа. Его Слово так же неизменно, как и Он Сам, а поэтому, имея обетования Бога, мы прославляем Его не в теории, но на практике жизни, проходя через всё то, что Он допускает и что Он хочет.

2) Укрепление в вере колеблющихся детей Божиих – чтобы они не смущались, но были верны своему Богу даже до смерти. Чтобы верующие ухватились за обетования Божии, как за надежный якорь во время бури, а бури теперь так часто появляются на нашем кратком жизненном пути. Имя Божие – крепкая башня, убегает в неё праведник, и безопасен.

3) Приют для бедных детей-сирот, покинутых всеми. Сердца людей с каждым днем становятся всё грубее и черствее, сирот на наших улицах появляется всё больше и больше. Если общественность и уделяет внимание их поддержке, то это является каплей в море при взгляде на ту нужду, какая есть на самом деле. Господь назвал Себя Отцом сирот, и на основании Его обетования мы и просим у Него всё, что требуется для содержания сирот. Он до сего дня не оставлял в стыде нас, надеющихся на Него.

Petrow_kor.indd 262 10.09.2015 15:05:17

Краткий приходорасходный отчет

Остаток с 1 сентября 1936 года	$ 10,92
Поступило добровольных пожертвований	$ 5659,52
Итого	$ 5670,44

Расход:

Продукты питания	$ 2200,55
Содержание помещения	$ 1225,00
Содержание служащих	$ 578,05
Школа, книги и плата за образование	$ 454,03
Отопление	$ 290,08
Одежда и бельё	$ 189,58
Освещение	$ 77,68
Расход канцелярии	$ 51,48
Покупка книг, журналов и газет	$ 80,57
Хозяйство, доктор и медицина	$ 518,22
Всего	$ 5665,24
Остаток на 1 января 1938 года	$ 5,20

Заканчивая описание о Божьих делах, явленных в третьем году существования детского сиротского приюта «Вефиль», мы с благодарным сердцем преклоняемся пред Господом, Отцом сирот, благодаря Его за то, что Он содержал нас и этот третий год. Наша просьба к Вам, наши друзья, кроме того, что Вы участвуете своими даяниями в нуждах приюта: не забывайте нас в ваших молитвах. Приносите дело приюта на руках ваших молитв к Престолу благодати. Диавол хочет его разрушить, потому что это дело мешает ему производить свою губительную работу. В прошлом году он употребил всё, чем только обладает, чтобы разрушить приют, но потерпел поражение. Бог наш заступился за нас и победил нашего врага.

У нас есть желание просить нашего Отца сирот дать нам достаточно средств для постройки своего собственного дома-приюта, в котором мы могли бы удовлетворить все нужды бедных сирот и привести их к Иисусу.

Мы просим нашего Господа дать нам средства для нашей родины – России. Мы верим, что скоро Господь откроет свободный путь на нашу родину, а там – множество беспризорных детей, и мы надеемся, что наш Отец сирот откроет Свою сокровищницу для спасения сирот в России.

Слава Богу за всё соделанное для нас, и да прославится имя Его и в будущем.

Мой адрес для переписки:

A.Petroff. P.O. 89. Harbin, Manchu-kuo.

С братской любовью, А. Петров, заведующий.

Примечание: Все желающие помочь сиротам в Харбине, Бресте и Нереснице просим посылать пожертвования на имя нашего союзного кассира П. Барткова, с указанием, на какой приют назначаются ваши пожертвования, и таковые туда будут посланы. Адрес союзного кассира следующий:

Rev. Paul Bartkow_ 215E. 22 St. Chester,Pa.

Из журнала «Сеятель истины». Июль и август 1940 г. стр. 11-13

«Вефиль» Детский сиротский приют в городе Харбин

Всем детям Божиим, участникам в материальных нуждах Детского Сиротского Приюта «Вефиль» в городе Харбин на Дальнем Востоке, мир Вам.

Вступившие в завет с Господом через крещение.

Детский приют «Вефиль» извещает всех дорогих в Господе братьев и сестёр о своей радости, которую мы пережили 19 мая сего 1940 года. Радость наша состояла в том, что Бог, Отец сирот, посетил нас и пробудил несколько душ из детей приюта, которые приняли Иисуса Христа, как своего Спасителя и Господа. Пять душ детей приюта 19

мая заключили завет с Господом чрез водное крещение по вере и присоединились к местной церкви. Это первый плод духовной работы в течение пяти с половиною лет существования приюта. Слава Господу, что Он не только заботится о наших материальных нуждах, но и привлекает детей к Себе для вечной жизни.

Детский сиротский приют, администрация приюта, и дети сердечно благодарят всех дорогих братьев и сестёр – участников в наших материальных нуждах в это трудное время. Эти пять душ, обращенные ко Христу, есть плод и вашего участия в наших нуждах. Вы тоже участники в этой работе, и в своё время получите награду от Господа. У нас есть и еще несколько возрожденных детей, которые в своё время заключат завет с Господом. Мы весьма рады, что Господь начал своё дело пробуждения среди детей приюта.

Сейчас наш приют – весьма скромных размеров, но мы верим, что Господь расширит его до пределов, угодных Ему. Почти каждый день поступают всё новые и новые просьбы о принятии детей в приют «Вефиль», но мы, к сожалению, не можем пока удовлетворить всех просьб. Мы просим нашего Небесного Отца – Отца сирот, чтобы Он послал нам средства на постройку своего дома для приюта на пятьсот детей, где бы мы могли иметь и свою школу для образования детей, и ремесленную мастерскую.

Наш Господь в течение пяти с половиной лет существования приюта не оставлял нас, надеющихся на Него, потому что во всех наших нуждах мы обращались в молитвах наших к Богу, Отцу сирот, а Он, по Своему усмотрению побуждал Своих детей, чьи сердца вполне преданы Ему, по силе возможности уделять на наши нужды. В прошлом году помощь приходила от верующих из семнадцати стран. Война прекратила пожертвования из Европы, но Бог открыл наши нужды другим лицам, через которых теперь приходит насущный хлеб. Слава Богу за верность Его обетований.

Дело веры детского сиротского приюта «Вефиль» – это свидетельство верности Божией ко всем, кто призывает Его, а Он может удовлетворить всех просителей Своих. Не должны дети Божии отчаиваться во всех трудных вопросах жизни. В трудное время самое верное средство – во всём обращаться к Богу. Он

не оставлял в стыде никого, искренне преданного Ему, Он не оставит и теперь, но даст необходимое.

Дорогие в Господе братья и сёстры, участники наших нужд, Господь да вознаградит вас за ваше послушание Его голосу, когда Он побуждал вас открыть ваше сердце к нуждам бедных детей сирот. Вы избрали высшее благочестие, по словам Апостола Иакова 1:27 – «Чистое и непорочное благочестие пред Богом есть то, чтобы призирать сирот». В наш век так много сирот и вдов, а люди часто закрывают от них своё сердце, и они находятся в нужде, а иногда и совсем выброшены за борт жизни и гибнут, попадая в различные притоны. В день, когда вы предстанете пред Господом – а это обязательно совершится – вы услышите из Его уст благословенные слова: «Приидите, благословенные Отца Моего, и наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня, был наг, и вы одели Меня…».

Дети нашего приюта воспитываются в евангельском христианском духе и пропитаны духом молитвы. Однажды я вошёл в одну детскую комнату и увидел следующую картину: у постели стояли на коленях две девочки и молились вслух. Они не постеснялись моего присутствия и продолжали молиться о своих неверующих матерях, чтобы Господь спас их, молились о выздоровлении бабушки, которая находилась в приюте, и была больна. Меня это крайне тронуло, я с благодарным сердцем вышел из комнаты, оставив их продолжать молитву.

Слово Божие само по себе совершает свою работу в юных сердцах детей приюта. Я понял, что самая успешная работа в обращении душ – это работа среди детей. Они очень просто принимают Слово Божие, вполне доверяют Господу, и это по слову нашего Господа Иисуса: они есть агнцы, которых Он поручает нам пасти.

В течение пяти лет нашей работы по воспитанию детей-сирот я понял, что это была для нас школа, в которой мне самому пришлось много учиться. И самое главное, что я вынес из этой школы, это то, что Бог верен Своим обетованиям, и надеющихся на Него не оставляет в стыде.

У меня есть сердечное желание не только развивать дело приюта в Харбине, но чтобы такие приюты были открыты и в

других странах, а особенно теперь – когда прекратится война, сколько будет сирот? Наш Бог есть Бог Всемогущий. Если Он так нежно заботится о такой маленькой группе детей, то, конечно, Он может позаботиться и о других детях – везде, где в зависимости от Него и по вере в Его могущество будут организованы подобные приюты.

Пусть имя нашего Небесного Отца чрез Сына Его Иисуса Христа прославится в это время отступления. Адрес приюта следующий:

Petroff, P.O.B. 89, Harbin, Manchu-kuo.

Ваш брат во Христе А. Петров.

Примечание: Все, кто только может, примите участие в этом добром деле – воспитании сирот и приведении их к Господу Спасителю. Советую всем союзным общинам и отдельным лицам в Соединенных Штатах Северной Америки посылать пожертвования на приют через нашего союзного кассира Павла Барткова, как было решено на нашем съезде, а он вышлет ваши лепты по вашему назначению. Адрес кассира: Rev. Paul Bartkow_ 215 E. 22St. Chester, Pa.

С братским почтением П. Давидюк.

Сеятель Истины № 1 1941 г. стр. 14-15

Детский сиротский приют в городе Харбин, Манч.Кио.

В прошлом описании о нашем приюте мы упоминали, что для приюта нам нужен больший дом. Мы молили Отца сирот даровать нам нужный дом для Его дела. И наш Отец Небесный послал нам другой дом для сиротского приюта, в котором мы находимся уже несколько месяцев. Приобретение этого дома для нас – это чудо Божие, о чём я и желаю поделиться со всеми дорогими братьями и сёстрами, которые по воле Божией принимают участие в наших материальных нуждах.

В настоящее время в Харбине – квартирный кризис, и найти комнату – весьма трудное дело, а о доме и думать не приходится. До этого времени мы имели для приюта весьма скромный дом, который мог вмещать около сорока детей. Наш Небесный Отец – Отец сирот – видел нашу тесноту, и дал нам

более удобное помещение, ведь для Него нет ничего невозможного. Бог устроил так, что нам не пришлось даже искать – в приют пришли Божьи люди и предложили нам этот дом, чему мы были весьма рады. Мы чрезвычайно благодарны Богу, Который не оставляет в стыде тех, которые вполне надеются на Него. Снаружи дом имеет прекрасный вид – он как дворец, с хорошим садом и фонтаном. В этом доме мы намерены поме-

Детский сиротский приют в гор. Харбине, Манч. Кио.

стить до шестидесяти детей; и, если найдутся верующие преподаватели, с осени предполагаем организовать свою школу для обучения детей приюта.

В Харбине сейчас свирепствует эпидемия брюшного тифа, от которого умирает много людей, но наш детский приют Господь пока хранит. Слава Ему!

Еще раз благодарим всех жертвователей на содержание детей приюта. Господь да вознаградит всех вас сторицей небесных и земных благ!

А. Петров, директор приюта.

Сеятель Истины апрель 1946 г. стр. 10

Детский сиротский приют «Вефиль» в городе Харбин, Китай

«Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам»[54].

Мир вам, дорогие в Господе братья и сёстры, проживающие в Америке и других странах. Долгое время мы не имели с вами никакого сообщения. Но слава Богу, буря всемирной катастрофы прошла, и настал долгожданный мир для всех народов. Сердечно всех вас приветствую любовью нашего Господа.

После долгого периода нашей разлуки не знаю, кто из моих друзей ещё жив и здоров. Но я уверен, что Бог ведет нас Своим премудрым путём, и знаю, что ни один волос с нашей головы не упадет без воли нашего Небесного Отца.

Осведомляю всех дорогих братьев и сестёр, что Господь как меня, так и моё семейство хранил до сего времени. Детский сиротский приют также сохранился целиком. Во всё это трудное время Господь Своим удивительным путем давал нам всё необходимое для нашего существования. В продолжение всего этого бурного времени мы никогда ни в чём не нуждались; Великий Бог подавал нам насущный хлеб, одежду и всё, что нам было нужно. Бог – Отец сирот, тысячу раз доказал нам, что Он верен в Своих обетованиях; для Него нет никаких препятствий, которые могли бы помешать Ему исполнить Его обеща-

54 Библия. Евангелие от Иоанна 15:7.

ния. Мы и сейчас живем верою в обетования нашего Небесного Отца – Отца сирот. Слава Богу за Его заботы и попечение о нас здесь, и за все Его благодеяния, которыми Он сопровождал нас во все годы существования сиротского приюта. Наша надежда на Него – и в будущем... Все подробности жизни приюта за этот период времени я напишу в последующем номере...

Буду очень рад иметь письменное общение со всеми желающими писать мне. Пишите по старому адресу: почтовый ящик № 89, Харбин, Китай. Лучше будет, пока еще не так основательно налажена пересылка писем, если будете писать заказными письмами. Из Америки к нам в Харбин уже приходит почта.

А. Петров.

Адрес брата А.П. Петрова следующий:

A.P. Petroff, P.O. Box 89, Harbin, China.

Это была последняя публикация в журналах о детском приюте «Вефиль» в Харбине, который был закрыт властями в мае 1953 года.

„ВЕФИЛЬ“

ОТЧЕТ ДЕТСКОГО СИРОТСКОГО ПРИЮТА «ВЕФИЛЬ» В ГОР. ХАРБИНЕ, МАНЬЧЖУ-ТИ-ГО.

Прежде чем что либо сказать о деятельности детского сиротского приюта в гор. Харбине, я хочу воздать нашему Небесному Отцу сирот нашу молитвенную благодарность за верность Его обетований, которые были нашей опорою, нашим утешением и нашим основанием всего дела детского сиротского приюта «Вефиль», по призрению бедных детей сирот. Как администрация, так и дети воспитанники приюта благодарим Тебя, наш Небесный Отец, что Ты дал нам право и возможность в это трудное время основать это дело **веры** на Твоем неизменном **Слове.** Ты был милостив к нам и не по делам нашим воздал нам. Ты не оставлял нас, надеющихся на Тебя, в стыде. Ты давал нам насущный хлеб, одежду и все, что нам было потребно для наших нужд. Ты посылал для нас Своих друзей, которых сердца были открыты для помощи бедным детям сиротам. Ты Сам внушал им уделять из своих средств на наши нужды. В продолжении 6 лет мы находились под Твоим покровом и защитою. Ты посылал обильно нам насущный хлеб и давал Свой небесный хлеб, Свое Слово, которое освещало путь нашей веры среди мирских бушующих волн, и до сего дня Ты помог нам, и мы можем смело сказать с Твоим пророком Самуилом: «Авен-Езер». Да будешь Ты прославлен, наш Небесный Отец, через Сына Твоего Иисуса Христа, Господа нашего. Да будет имя Твое достоянием многих душ детей сирот, которых Ты привлек в этот дом, да будет выше поднято знамя верности Твоих обетований в это темное отступническое время среди языческого народа. Да будет это дело **веры** явным свидетельством всему миру о Твоем существовании и о том, что Ты Благой Господь и в наше трудное, последнее время слышишь молитвы Своих детей, которые вполне доверяют Тебе свои нужды, и Ты посылаешь все просимое. Да прославится Твое Святое Имя среди Твоего творения. **Отец, Сын, Святой Дух. Аминь.**

Детский сиротский приют «Вефиль» основан 1-го сентября, 1934 года. Этот приют был основан на полном доверии Слову Божию, которое живо и действенно и в наш отступнический век, существует уже 7-й год силою молитвы и доверия во всем Богу. Этот отчет обнимает деятельность приюта «Вефиль» за 3 года: 1938, 1939 и 1940.

Некоторые друзья спрашивали, почему приют «Вефиль» не давал отчеты за эти три года. Этими строками об'ясняю причину задержания отчетов. Все великое дело Божие и Его чудеса во всей вселенной и во всем мироздании человек всегда способен об'яснить по-своему, даже не сознавая своей ошибки, находясь под влиянием духа противления Божией премудрости и Его всемогущества. Человек всегда в своей слепоте умаляет проявленное действие Божие в той или другой области Его творения и старается выдвинуть какие-либо случайности, что послужило причиной обстоятельств данного случая, так получилось и с нашим годовым отчетом. Наши друзья, как из среды верующих, так и из неверующих т. е. людей внешних по нашему выражению, в беседе с ними о средствах для содержания детей сирот, находящихся в приюте «Вефиль», не могут согласиться с моими доказательствами в том, что средства для содержания сирот получаем исключительно по молитве от Бога, Отца сирот. Эти люди с интересной улыбкой на лице начинают мне доказывать, каким путем нам присылают средства на содержание детей сирот приюта. Они говорят: вы наверное имеете большие связи с вашими организациями единоверцев и с отдельными лицами. Вы, может-быть, и не обращаетесь к ним открыто за помощью и не просите помочь вам, но косвенным путем вы все-таки говорите им, чтобы они вам помогли. Вы, наверное, пишите годовые отчеты, помещаете их в ваших журналах за границей, и они, слыша о ваших нуждах, посылают вам деньги на содержание сирот приюта. Мои убедительные доказательства не могут убедить таковых недоверчивых друзей в том, что наши отчеты не являются источником наших средств для содержания сирот. Они никак не могут понять того, что Бог управляет всеми людьми, не зависимо от того, верят ли они в Него или не верят. Они считают это мелочным для Бога вникать в такие мелочи человеческой нужды. Слово Божие говорит нам, что наш Небесный Отец вникает во все детали нашей жизни, ибо «Его очи обозревают всю землю, чтобы поддерживать тех, чье сердце вполне предано Ему». Если наш Всемогущий Бог благоволит считать наши волосы на нашей голове и если ни один из них не упадет без воли Бога, то конечно Он принимает участие во всех наших нуждах. На основании таких частых возражений я и решил воздержаться писать наши годовые отчеты за 1938 и 39 годы, да притом так сложились и обстоятельства, что я не мог написать отчеты за прошлые годы. Мы не рассылали отчетов и нашим друзьям, которые были активными участниками в наших нуждах. Мы твердо верили в непреложность обетований нашего Небесного Отца сирот, верили, что Он не оставит нас в стыде и в свое время даст все необходимое для содержания детей сирот. Бог, Отец сирот, и на этот раз доказал нам Свою верность в Своих обетованиях.

За эти истекшие три года, Бог, Отец сирот, каждый год увеличивал нам поступающие средства в два раза. Задержание наших отчетов дало нам возможность еще больше убедиться в том, что Бог верен в Своем Слове, и развитие дела приюта по призрению сирот не зависит от отчетов, будем ли мы их печатать и рассылать или не будем. Сам Бог, Отец сирот, начал это дело приюта для сирот, Он Сам и заботится о нем по Своей благой воле и Сам будет его расширять до пределов, которые Ему будут нуж-

Petrow_kor.indd 271 10.09.2015 15:05:18

ны. Слава Ему, честь и поклонение. . .

В течении трех лет Господь проводил нас чрез различного рода испытания, которые в сущности нам были нужны для того, чтобы наша вера покоилась исключительно на Слове Его. Мы переживали и трудные дни в наших материальных нуждах. Бог иногда испытывал нас до последней возможности, иногда приходилось прибегать к небольшим займам на короткое время и когда мы не могли выплатить в свое время, наши заимодавцы были недовольны, распускали нехорошие слухи, и этим Бог показал нам, что наша вера еще слаба в полном доверии Ему. Бог, этим показал нам, как не хорошо прибегать к помощи человека и мы тогда с большей верой обратились к Небесному Отцу за помощью, и Он слышал наши молитвы и выводил нас из трудных обстоятелств. Очень часто в нашей кассе на завтра не было и одного фена, чтобы прокормить 70 человек, находящихся в приюте, но Бог имеет на все Свое определенное время и Свой определенный час. Иногда средства приходили во время молитвы. Отец сирот был милостив к нам и в нашем маловерии, и давал нам все небходимое для существования.

В течении последних трех лет помощь приходила из 17-ти стран. Господь располагал сердца людей для оказания помощи приюту на Дальнем Востоке, в отдаленной Аргентине, Бразилии, Уругвае, Австралии, Север. Америке и других странах. С некоторыми государствами у нас не было переписки, и как они узнавали о существовании приюта в Северной Маньчжурии и о нуждах его, я представляю судить вам самим.

До об'явления войны в Европе, мы порядочно получали средств для приюта из Европейских государств, но когда там разразилась война, средства из Европы прекратились, но Всемогущий Бог открыл другим душам, в других странах, и мы имели всегда средства для наших ежедневных расходов и не имели нужды. Наш Небесный Отец всегда имеет удивительные возможности, чтобы помочь тем, кто обращается к Нему за помощью с полным доверием, что Он даст просимое. Для Него нет никакой преграды, которая могла бы помешать Ему исполнить Его желание. Мы верим, что таким путем наш Небесный Отец поведет нас и далее по пути веры.

В прошлом году наше помещение, в котором мы прожили почти 6 лет, стало очень тесным, а найти другое подходящее помещение было совсем не возможно, потому что город испытывал кризис в квартирном вопросе. Найти комнату представляло не мало затруднений, а уже о доме не приходилось и думать. Мы усиленно молили Господа дать нам другое помещение. Мы верили и ждали ответа от нашего Отца Небесного. И вот Он послал нам такое прекрасное помещение, с видимой стороны, как дворец, в котором мы теперь находимся. Это случилось так, Бог Своими удивительными путями создал такие обстоятельства, чрез которые мы получили дом для приюта. Бывший начальник департмента полиции города Харбина был переведен из Харбина в Мукден на пост Губернатора, и он должен поехать туда со всем своим семейством. Он имел в Харбине свой собственный дом, в котором он жил, в котором мы теперь помещаемся. Другой начальник, вновь поступивший в департмент полиции, пожелал купить тот дом, в котором наш приют был от начала его основания, но он не знал, что сделать с нашим приютом. Выгнать нас на улицу, хотя он и мог, как имеющий власть, но он, будучи добрым человеком, не желал оставить детей сирот без помещения. Как то они сошлись со старым начальником, который готовился сдать свой дом в аренду, и вот он предложил, чтобы представить свое помещение для нашего детского приюта. Они пригласили меня осмотреть дом, который пришелся мне по сердцу и мы сайчас же заключили договор с начальником и заняли его дом. Бог все это устроил, мы даже и думать не могли про такой дом, а Он, будучи верен в Своих обетованиях, внушил начальнику предложить нам его дом для Его сирот. Слава Ему многократная и бесконечная... Это было явным чудом Божиим в приюте детей сирот. Это послужило еще большим практическим доказательством верности Божией в Его обетованиях, и мы еще более окрепли верою и надеждою на Бога, что Он не оставит нас и в будущем, но даст насущный хлеб и до хлеба.

К новому отчетному году на содержании приюта имеется 73 человека со служащими. С осени прошлого года приют «Вефиль» открыл свою школу, 1-й, 2-й и 3-й подготовительные классы, имеем для этого двух учительниц из верующих. С нового года открыта школа кройки и шитья, для этого имеем специальную мастерицу-учительницу этого ремесла, в которой учатся 8 девочек.

Приют имеет «детский сад», в котором занимаются дети дошкольного возраста, мальчики и девочки. Три раза в неделю преподается английский язык.

В прошлом году Господь коснулся сердец некоторых воспитанников приюта, и они уверовали в Бога, приняв Иисуса Христа как своего личного Спасителя, в числе 7-ми душ, которые исполнив заповедь крещения по вере, вступили членами в местную церковь. В этом году также две воспитанницы приюта отдали свои сердца Господу, вступив в завет с Господом чрез водное крещение, стали членами церкви. Есть и другие дети, пробужденные Святым Духом и они желают служить Господу. Мы особенно благодарны Господу, что Он действует в детях чрез Свое Слово, которое в приюте читается четыре раза в день: утром пред завтраком с начала читается по порядку одна глава Слова Божия, потом совершается молитва. После завтрака имеется общая молитва, пред которой читается Слово Божие. Пред обедом и ужином читается Слово Божие. Почти ежедневно

Petrow_kor.indd 272 10.09.2015 15:05:18

происходят беседы из урока Воскресной Школы с пением духовных гимнов по вечерам. Имеется детский хор и струнный оркестр, которые поют и играют в местных церквах и служат благословением для многих. Таким образом дети приюта без всякого принуждения освящаются Словом Божиим и становятся детьми света. Через детей приюта иногда обращаются и матери детей, они сначала посещают собрания по приглашению своих детей и таким путем постепенно начинают сознавать необходимость спасения и примирения с Богом.

Нам тесно уже и в этом доме, чуть не каждый день приходят со слезами матери и отцы, чтобы мы приняли их детей в приют, но мы лишены пока возможности принять их, потому что нет места. Мы просим нашего Небесного Отца дать нам средства на свой дом на 500 человек, и мы верим, что Бог, Отец сирот даст нам, потому что Он так сказал нам, и Его слова не подлежат изменению. «Небо и земля прейдут, а Слова Мои не прейдут», так авторитетно заявил нам Сын Божий, и не верить Ему, значит представлять Бога лживым, но Он есть вечная **истина!** Несколько дней тому назад на нашем молитвенном собрании в приюте, которое бывает каждый вторник по вечерам обратилась одна девочка из китайской национальности 12-ти лет от роду. Когда она вышла к столу, на глазах ее блестели искренные слезы раскаяния и видно было, что она желает служить Богу. Это первый плод приюта среди языческих детей. Все собрание на руках молитвы принесли эту дорогую душу к престолу благодати, благодарили Господа за эту душу и просили Его благословить, простить и возродить Святым Духом. В нашем приюте имеется только две китайских девочки, и мальчик и девочка из корейской национальности.

Бог хранил нас от серьезных заболеваний, исключая незначительной простуды и других легких заболеваний. Однажды в приют ворвался дифтерит, одну девочку вырвал из нашей среды, но она до поступления в приют была заражена дифтеритом и на третий день, после поступления в приют, умерла. Другие дети были заражены дифтеритом, но все прошло благополучно, были приняты все меры для ликвидации этой болезни.

В настоящее время при всех трудных условиях в добывании продуктов для питания, детский приют не испытывал нужды, мы имеем все необходимое с избытком. Мы еще не стояли в очередях в ожидании получить тот или другой продукт, но Бог Своим удивительным путем снабжает нас. Некоторые дети приюта, члены церкви, участвуют в церковной работе, поют в хоре, играют в оркестре, в юношеском кружке и в раздаче трактатов. Взрослые дети учатся в городских средних и высших учебных заведениях. Два юноши учатся в высшей технической городской школе. Когда Господь даст нам свой собственный дом, тогда мы намерены иметь свою высшую школу по всем предметам и мастерские для получения какой либо профессии.

Краткий отчет прихода и расхода за последние 3 г.

Отчет за 1938 г.: Баланс с прошлого года	5.20
Получено добровольных пожертв. за год	5,849.22
Всего	5,854.42
Израсходовано за год	5,854.25
Осталось в кассе	0.17 ф.
Отчет за 1939 г.: Баланс с прошлого года	0.17 ф.
Получено за год	10,961.02
Всего	10,961.19
Израсходовано за год	10,957.42
Осталось в кассе	3.77
Отчет за 1940 г.: Баланс с прошлого года	3.77
Получено за год	27.603.76
Всего	27,607.53
Израсходовано за год	27,601.24
Осталось в кассе	6.29

Слава Богу за пройденный путь этих трех лет жизни по вере и молитвы детского сиротского приюта «Вефиль» в городе Харбине. Как администрация, так и дети приюта выражаем сердечную благодарность всем жертвователям, принявшим участие в наших нуждах. Господь, внушивший вам быть участниками содержания сирот, да вознаградит вас сторицею за вашу любовь, проявленную на деле детям сиротам в это трудное время.

С братской любовью А. Петров.

ОТДЕЛ ЖЕНСКИХ КРУЖКОВ.

ЦАРИЦА САВСКАЯ.

3 Царств 10: 1-14.

Много есть людей, которые не хотят читать Ветхий Завет, говоря: «На что нам история еврейского народа, мы христиане, у нас есть Новый Завет». Такие люди забывают, что Сам Иисус Христос, как нам передает евангелист Лука, по Своем воскресении явился двум ученикам, шедшим в Еммаус, и, видя их скорбные лица, спросил, почему они так печальны. Выслушав их печаль по поводу Его смерти, Иисус стал об'яснять им, начав от Моисея и через писания всех пророков, сказанное о Нем. . . Как сердце загорелось у этих учеников! Когда Господь сделал вид, что хочет итти дальше, из их сердца вырвалась мольба: «Останься с нами». Нет сомнения, что Ветхий Завет стал для них более близким, потому что стал понятнее.

Когда я читаю Ветхий Завет, то люблю находить прообразы Христа, ибо вся Библия говорит о Нем. Ветхий Завет рисует Его во многих прообразах; в

Petrow_kor.indd 273 10.09.2015 15:05:18

Należytość pocztowa opłacona ryczałtem.

Свѣт к просвѣщенію

изслѣдуй писаніе и познай знаменія времени≈

№ 1-2 Январь — Февраль 1937 года Год изд. 5

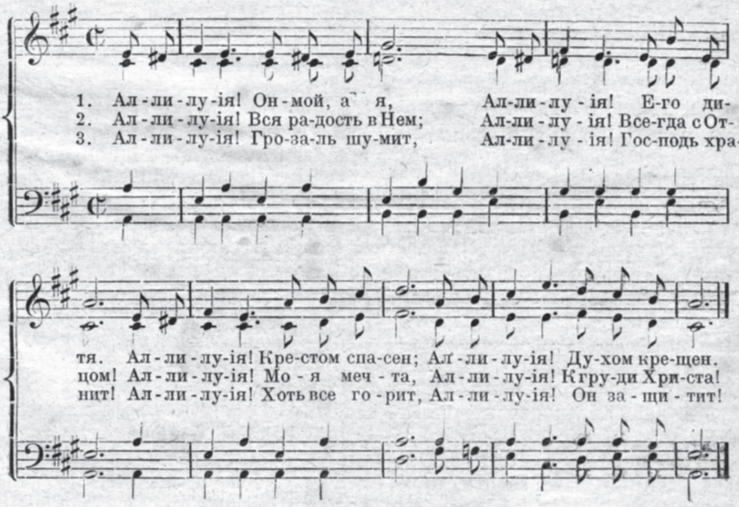
Ежемѣсячный пробуждающій, просвѣщающій и к пришествію Господнему приготовляющій журнал. Состоит в тѣсной связи с голландским журналом „Het Zoeklicht", изд. Johannes de Heer. / Издается на добровольныя пожертвованія.

Редактор-Издатель: БОЛЕСЛАВ ГЕЦЕ, Warszawa 1, Polna 64. Telefon 901-52.
Konto w P. K. O. Warszawa 60-750.

„АЛЛИЛУІЯ!"

„Все дышущее да хвалит Господа!" Пс. 150, 6.

Музыка І. де Геера.


1. Ал-ли-лу-ія! Он-мой, а я, Ал-ли-лу-ія! Е-го ди-
2. Ал-ли-лу-ія! Вся ра-дость в Нем; Ал-ли-лу-ія! Все-гда с От-
3. Ал-ли-лу-ія! Гро-за-ль шу-мит, Ал-ли-лу-ія! Гос-подь хра-
тя. Ал-ли-лу-ія! Кре-стом спа-сен; Ал-ли-лу-ія! Ду-хом кре-щен.
цом! Ал-ли-лу-ія! Мо-я меч-та, Ал-ли-лу-ія! К гру-ди Хри-ста!
нит! Ал-ли-лу-ія! Хоть все го-рит, Ал-ли-лу-ія! Он за-щи-тит!

Petrow_kor.indd 274 10.09.2015 15:05:19

Należytość pocztowa opłacona ryczałtem.

Свѣт к просвѣщенію

исслѣдуй писаніе и познай знаменія времени

№ 7-8 Іюль — Августъ 1937 года Годъ изд. 5

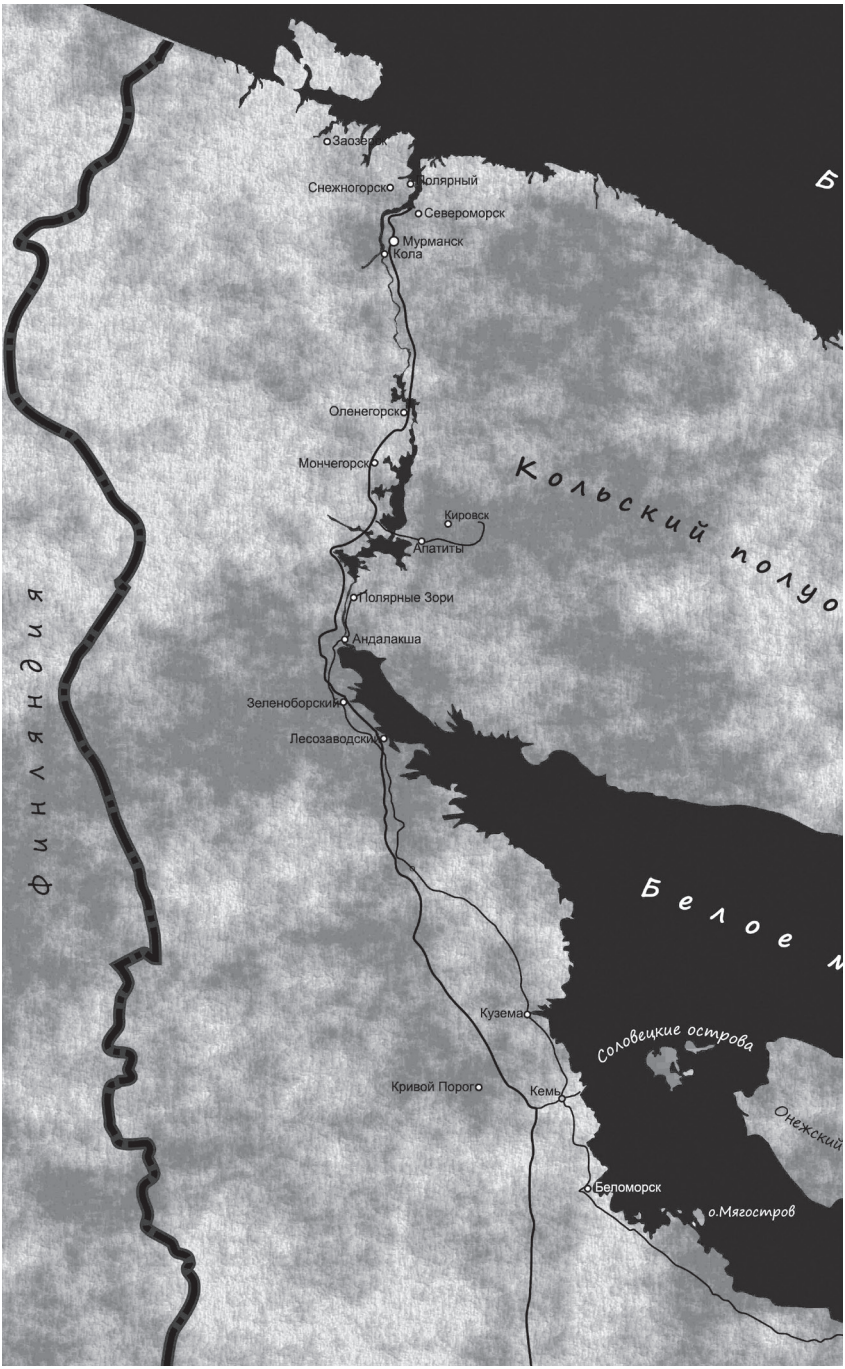
Ежемѣсячный пробуждающій, просвѣщающій и к пришествію Господнему приготовляющій журнал. Состоит в тѣсной связи с голландским журналом „Het Zoeklicht", изд. Johannes de Heer. / Издается на добровольныя пожертвованія.

Редактор-Издатель: БОЛЕСЛАВ ГЕЦЕ, Warszawa 1, Polna 64. Telefon 901-52.
Konto w P. K. O. Warszawa 60-750.

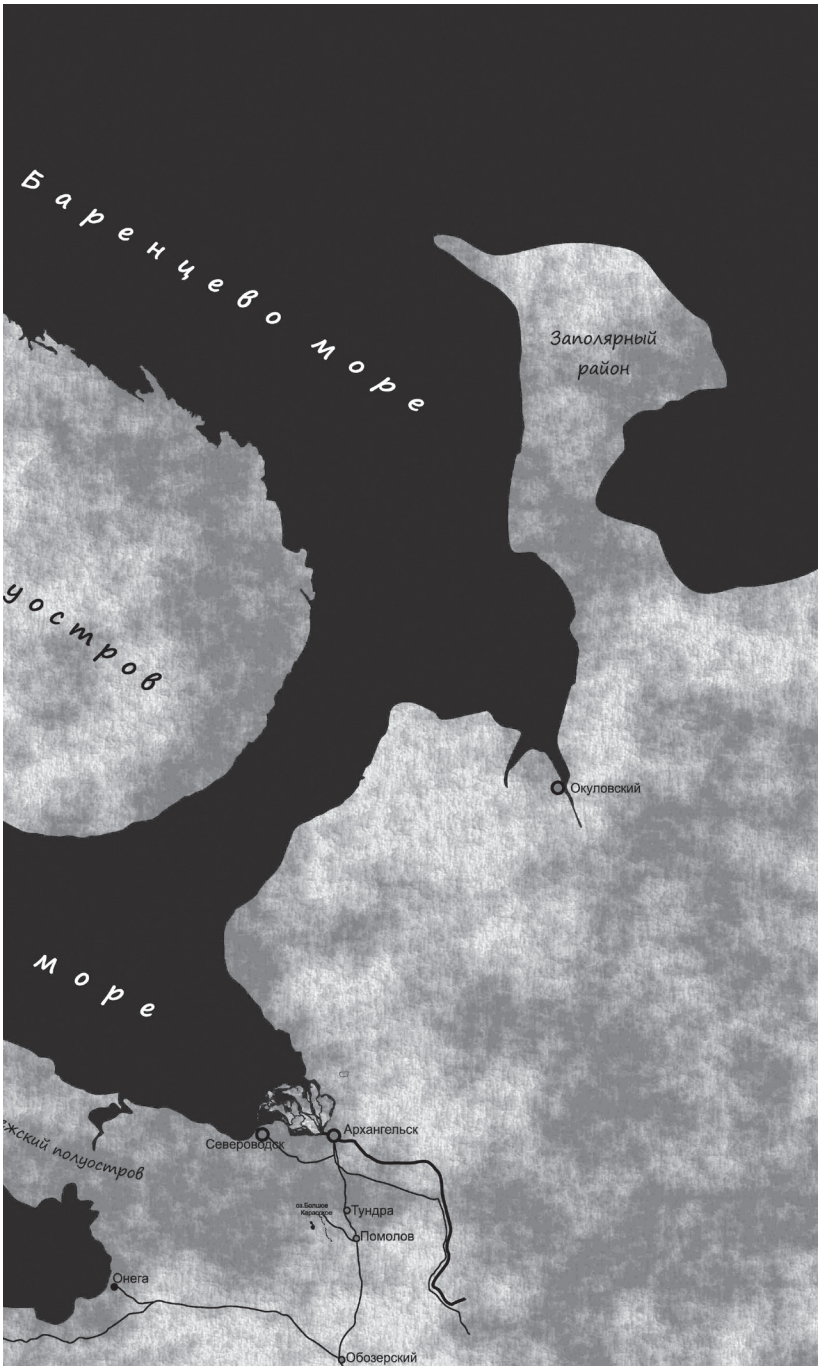
„И увидѣл я другаго звѣря, выходящаго из земли" (Откр. 13, 11).

Из „Sunday School Times".

Petrow_kor.indd 275 10.09.2015 15:05:20



Petrow_kor.indd 276 10.09.2015 15:05:21



Petrow_kor.indd 277 10.09.2015 15:05:22

Я с вами во все дни до скончания века

К семидесятилетию
евангельского движения в
Караганде

192 с., 6 карт, около 50 копий
документов, около 200 илл.,
твердый переплет

Издатель: Виктор Фаст и
«Благотворительный комитет
Аквила»,

«Samenkorn», Liebigstr. 8, 33803
Steinhagen, Germany

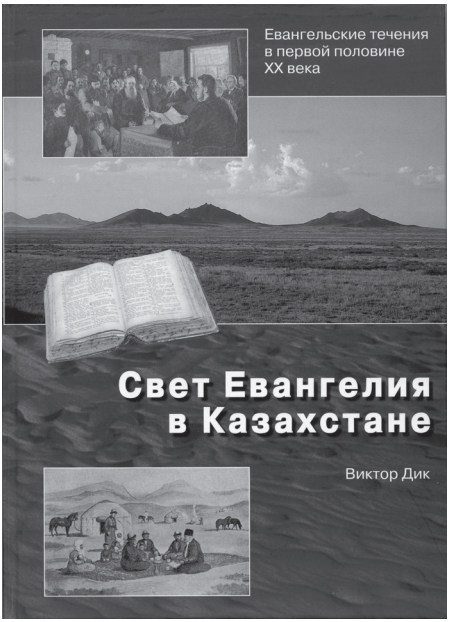
ISBN 3-936894-12-4

Книга повествует о жизни верующих и общин евангельских христиан-баптистов и меннонитов в Караганде в тяжелые времена сталинских гонений и репрессий (1931-1946). Она является совместным изданием верующих, для которых Караганда стала местом духовных благословений.

В этой книге использованы воспоминания ветеранов веры, дневники и письма того тяжелого времени, материалы частных и государственных архивов, в т.ч. НКВД, Карлага и Уполномоченного по религиозным культам. Книга богата иллюстрирована видовыми фотографиями того времени, портретами и групповыми фотографиями верующих.

Знакомство с водительством Божиим в годы, когда на пути Его последователей был виден след крови, потрясает. «Чем ночь темней, тем ярче звезды». Даже в век безумного богоборчества и бедствий жестоких гонений Господь исполнил Свое обетование: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.28:20). Книга побуждает читателей, взирая на жизнь и кончину предшественников, подражать их вере и воздать славу Богу.

Petrow_kor.indd 278 10.09.2015 15:05:22



Виктор Дик

Свет Евангелия
в Казахстане

Евангельские течения в
первой половине XX века

384 с., 300 илл., 13 карт,
твердый переплет

Адрес издательства:
«Samenkorn», Liebigstr.8,
33803 Steinhagen, Germany

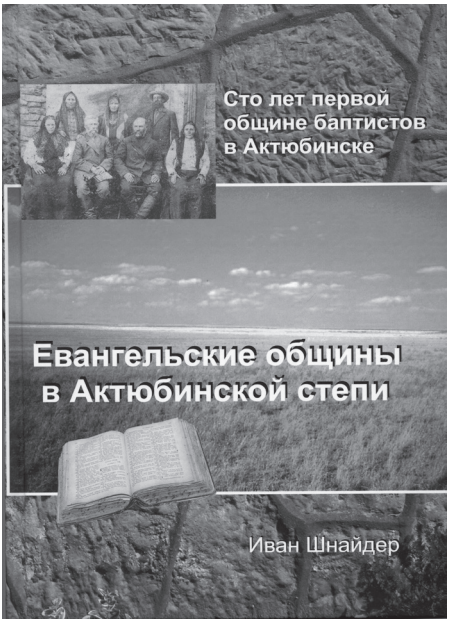
ISBN 3-936894-13-2

Книга повествует об истории возвещения Евангелия и распространения общин баптистов и меннонитов на территории нынешнего Казахстана в первой половине XX века. Автор пытался представить евангелизацию и общины во всех регионах, городах и селениях тогдашней периферии Российской империи и Советского Союза. Она посвящается братьям и сестрам, которые во многих трудностях и скорбях возвещали Святое Евангелие в степях Казахстана и является замечательной школой для духовного возрастания.

Эта монография является результатом более чем двадцатилетней собирательной работы автора. При ее написании кроме книг историков по общей истории евангельских течений были использованы сообщения и письма опубликованные в духовных журналах прошлых лет («Баптист», «Баптист Украины», «Христианин», «Гость», «Unser Blatt», «Der Familienfreund» и другие), устные и письменные воспоминания ветеранов веры, их дневники и письма, материалы частных архивов. Она богата иллюстрирована видовыми и групповыми фотографиями, портретами верующих того времени.

Читатель найдет в этом труде практические уроки веры и опыт евангелизации наших предшественников. Этот обзор дает возможность оценить то, что нам дано сейчас и побуждает поклониться и преклониться пред Господом за верность Его обетований.

Petrow_kor.indd 279 10.09.2015 15:05:22



Иван Шнайдер

Евангельские общины в Актюбинской области

Сто лет первой общине баптистов в Актюбинске

320 с., 393 илл., 7 карт, твердый переплет

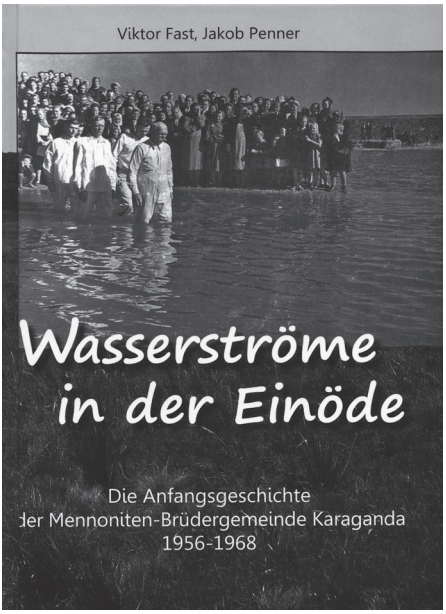
Адрес издательства: «Samenkorn», Liebigstr. 8, 33803 Steinhagen, Germany

ISBN 3-936894-19-1

В монографии собрана история общин баптистов и меннонитов в Актюбинской области за последнее столетие. Читатель узнает как в условиях тяжелых притеснений и гонений тоталитарного режима созидались независимые от мира общины, устремленные к вечному царству Христа Иисуса.

Книга представляет интерес для верующих и для интересующихся историей религии в бывшем Советском Союзе.

Petrow_kor.indd 280 10.09.2015 15:05:23



Viktor Fast, Jakob Penner

Wasserströme in der Einöde

Die Anfangsgeschichte der Mennoniten-Brüdergemeinde Karaganda 1956-1968

640 Seiten, 525 Illustrationen, 65 Dokumente und 6 Karten

Hrsg. Samenkorn,

Hardcover

ISBN 3-936894-28-0

Die Entstehung der deutschen Mennoniten-Brüdergemeinde in Karaganda ist ein spannendes Kapitel der Geschichte der Gläubigen in der Sowjetunion. Ihre Anfänge liegen in der großen Erweckung der 1950-er, als unter atheistischer kommunistischer Diktatur Gläubige sich sammeln und eine Gemeinde nach biblischem Vorbild gründen. Sie wird unterdrückt, bespitzelt und verfolgt, bis sie fast zerstört ist. Doch Gott schenkt ihr einen Neubeginn und lässt sie eine Wirksamkeit entfalten, die bis heute prägend für viele russlanddeutsche Gemeinden in Deutschland ist.

Die Gemeinde, die 2007 ihr 50-jähriges Jubiläum feiert, ist ein lebender Zeuge dafür, dass auch in einer scheinbar toten Steppe Leben möglich ist, wenn Gott „Wasserströme in der Einöde" sendet.

Viele Leser werden in diesem Buch ihre eigene Geschichte finden oder ihre geistlichen Wurzeln und die Wurzeln von Geschwistern und Freunden entdecken. In diesem Werk werden viele Erinnerungen von Zeitzeugen zitiert. Die Dokumente, die hier aufgeführt werden, stammen aus dem direkten Umfeld dieser Gemeinde.

Petrow_kor.indd 281 10.09.2015 15:05:23

Петр Эпп

100 лет под кровом Всевышнего

История Омских общин ЕХБ и их объединения

Hardcover, 864 стр.

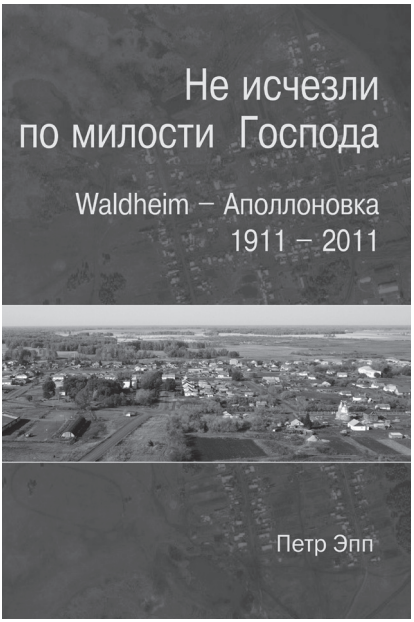
ISBN 3-936894-29-9

История евангельских общин Омской области является потрясающим чудом Божиим, чудом пробуждения человеческих душ, чудом сохранения и распространения духовной жизни, вопреки притеснениям и жесточайшим гонениям.

Через труд веры, тяготы гонений и искушения отвернувшегося от Бога мира эстафета веры дошла до нынешнего поколения, которому дарованы годы религиозной свободы и широкой евангелизации.

Книга содержит 32 биографии видных служителей и иллюстрирована около 700 фотографиями, картами и таблицами.

Petrow_kor.indd 282 10.09.2015 15:05:23



Петр
Эпп

Не исчезли по милости Господа

Waldheim Аполлоновка 1911 – 2011

ISBN 978-3-86203-026-2
Hardcover, 896 стр.

Сто лет (во многом драматической) истории села Аполлоновка являют пример тесного взаимодействия духовной и обыденной жизни. Глубокая христианская вера основателей села Вальдхайм – немецких братских меннонитов, купивших земли у казачьего офицера Аполлона Телятникова – способствовала успешному становлению села, но нужно было пройти жестокие испытания атеистического насилия. Бог даровал милость и стойкость выстоять, вновь и вновь смиряться перед Ним, трудиться для села и делать посильное для созидания христианской общины.

За сто лет бурной истории менялось все: поколения, государственный строй, методы хозяйствования, национальный состав населения, название общины и язык богослужения. Однако не меняются правда жизни и вечное назначение человека, потому что не меняется Бог. Все – радости жизни, успехи и неудачи, болезни и смерть, гонения и радость служения, которые пройти достойно было непросто, – это водительство и дарования Божии.

«Единому Премудрому Богу, Спасителю нашему чрез Иисуса Христа Господа нашего, слава и величие, сила и власть прежде всех веков, ныне и во все веки. Аминь».
Иуд. 1:25

Petrow_kor.indd 283 10.09.2015 15:05:24

Андрей Барг

История
церквей ЕХБ
Кыргызстана

1882-2012

До сего места помог нам Господь

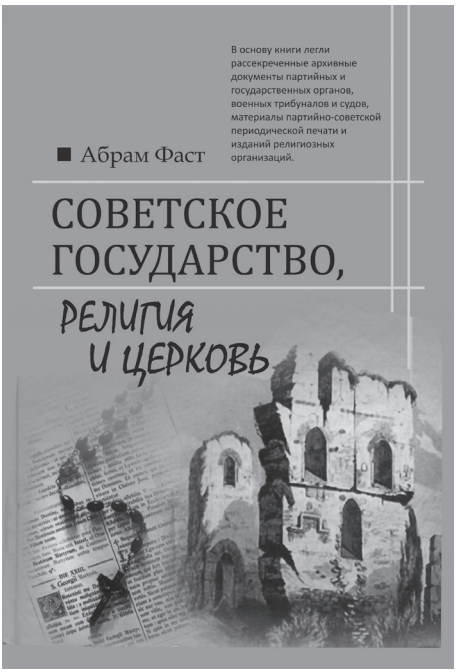
ISBN 978-3-86203-084-2
Hardcover, 446стр.

В книге рассказывается о распространении христианства среди племен Центральной Азии в середине VI века, изложены история евангельского движения в Кыргызстане во второй половине XIX – начале XX века, а также история церквей братства евангельских христиан-баптистов в XX веке, в том числе в годы репрессий 1930-х годов и борьбы с религией в 1960-1970-х годах, и до настоящего времени.

Освещается работа миссии «Луч Надежды», переводческая и издательская деятельность братства, в том числе рассказывается о переводе Библии на кыргызский язык. Отдельный раздел посвящён биографиям отдельных благословенных служителей евангельского движения в Кыргызстане.

В основу книги положены воспоминания автора, который долгие годы трудился пресвитером Фрунзенской церкви евангельских христиан-баптистов, а в 1993-2003 гг. – председателем Союза евангельских христиан-баптистов Кыргызстана. Используются также свидетельства верующих, печатные и архивные источники.

Petrow_kor.indd 284 10.09.2015 15:05:24


В основу книги легли рассекреченные архивные документы партийных и государственных органов, военных трибуналов и судов, материалы партийно-советской периодической печати и изданий религиозных организаций.
Абрам Фаст
СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО,
РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ

А. А. Фаст

Барнаул
2008

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ 1917 – 1990

Документы и материалы

ISBN 978-3-86203-052-1

Книга посвящена проблеме взаимоотношений Советского государства и Коммунистической партии с религией и церковью с 1917 по 1990 год. В основу книги легли рассекреченные архивные документы партийных и государственных органов, ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – МВД, военных трибуналов и судов, материалы партийно-советской периодической печати и журналов религиозных организаций, материалы ученых-религиоведов и др.

Книга рассчитана на историков, этнологов, религиоведов, студентов, изучающих богословские дисциплины, широкий круг читателей, интересующихся историей церковно-государственных отношений в СССР.

Petrow_kor.indd 285 10.09.2015 15:05:25

Иван Шнайдер

Странник Христов Алексей Петрович Петров (1885-1961)

Samenkorn
ISBN 978-3-86203-119-1

Странник – слово библейское. Странником были не только отец веры Авраам (Бытие 21, 34), но и Авель, Енох, Ной (Евреям 11, 13) и даже царь Давид (Псалом 38, 13). К верующим, как странникам, обращается апостол Петр (1 Петра 2, 11). Наконец, странником называет Себя Сын Человеческий (Матфея 25, 35). Быть странником – удел верующих.

В особой мере эту истину пережил Алексей Петрович Петров, о котором повествует эта книга. Ему, коренному россиянину, довелось жить в трех мирах, притом при разных режимах – царской России, Северной Америке, советской России, Китае времен Республики и революционном Китае. Его последнее желание, переселиться в Канаду, не исполнилось.

А.П. Петрову раньше многих других пришлось идти путем страданий. Он был в числе первых пресвитеров в Советском Союзе, кого отправили на Соловки. Более того, три десятилетия спустя, в конце жизни, эта история могла повториться: китайские революционные власти постоянно вызывали его на допросы. Странники Христовы достигают полной безопасности только тогда, когда достигают своей обители в доме небесного Отца.

Биогафическое исследование о А.П. Петрове ценно тем, что позволяет увидеть через жизнь одного человека обширную панораму трагических десятилетий прошлого века, в которой можно обнаружить знаменитых и безвестных, русских и немцев, евангельских христиан-баптистов и меннонитов.

Petrow_kor.indd 286 10.09.2015 15:05:25

Petrow_kor.indd 287 10.09.2015 15:05:25

Petrow_kor.indd 288 10.09.2015 15:05:25